This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Pedagogicheskie vospominanii͡a͡, 1861-1902 gg

Evgeniĭ Vasil′evich Beli͡a͡vskiĭ

Digitized by Google

KF17033

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

17579
2

Е. В. Бѣлявскій.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

1861—1902 гг.

Изданіе редакціи журнала
„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

МОСКВА—1905.

Digitized by Google

Digitized by Google

Е. В. Бѣлявскій.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

1861—1902 гг.

Изданіе редакціи журнала
„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

МОСКВА—1905.

Digitized by Google

KF17033

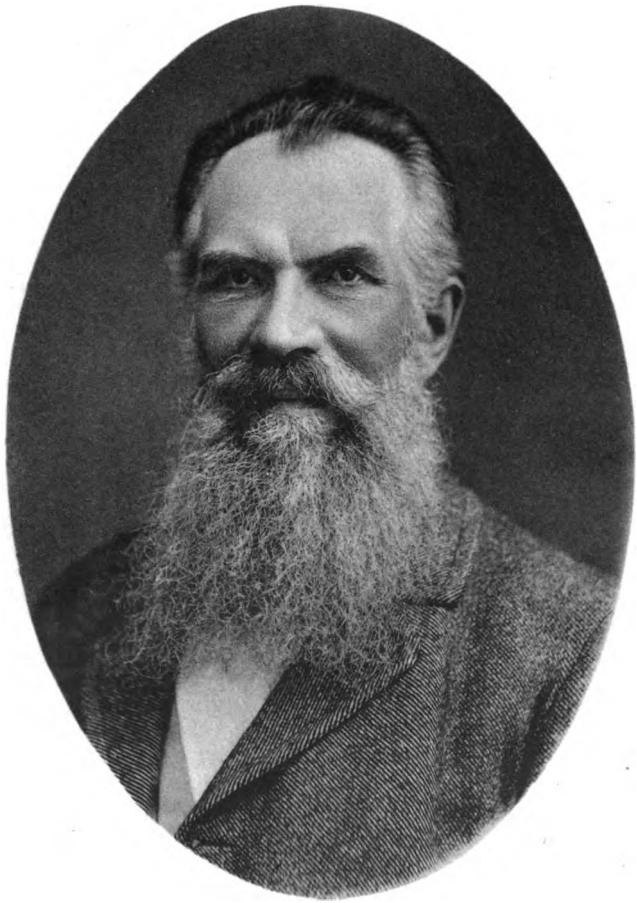
HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Дозволено цензурою. Москва, 6 ноября 1904 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE



Е. В. Бѣлявскій.

Скончался 1 Декабря 1903 г.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.

Digitized by Google

ЪЪ ИЗДАТЬ У

[illegible] извѣстнаго педагога Е. В. [illegible]шагося, редакція «Вѣстника [illegible] ознакомить своихъ читате- [illegible] своему дѣлу [illegible] такъ [illegible] исторіи [illegible] у него за 40 лѣтъ [illegible].

[illegible] жизни [illegible] [illegible], а затѣмъ [illegible] [illegible]ліяхъ, преобразовался по [illegible]рактеристикѣ этихъ [illegible] [illegible], что онъ [illegible] отъ лица, [illegible] никто [illegible] крайности и предр- [illegible]-религіо[illegible] [illegible] русскихъ [illegible] [illegible] кто [illegible] общество [illegible] [illegible] [illegible] Е. В. [illegible] [illegible]

Digitized by Google

[illegible]

[illegible]

Т-ня Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издавая «Воспоминанія» извѣстнаго педагога Е. В. Бѣлявскаго, недавно скончавшагося, редакція «Вѣстника Воспитанія» имѣетъ въ виду ознакомить своихъ читателей какъ съ гуманною и глубоко преданною своему дѣлу личностью покойнаго и его педагогическими идеями, такъ и съ богатымъ матеріаломъ для характеристики исторіи нашего просвѣщенія, накопившимся у него за 40 лѣтъ его работы на педагогическомъ поприщѣ.

Е. В. Бѣлявскому бо́льшую часть жизни пришлось работать, сначала въ качествѣ учителя, а затѣмъ инспектора и директора, въ гимназіяхъ, преобразованныхъ по уставу 1871 г., и его характеристики этихъ учебныхъ заведеній тѣмъ болѣе цѣнны, что онѣ исходятъ отъ лица, міросозерцаніе котораго, какъ увидятъ читатели, никто не можетъ упрекнуть въ какой-либо крайности и предвзятости. Будучи человѣкомъ глубоко-религіознымъ и сторонникомъ проведенія въ жизнь русскихъ началъ, покойный относился съ рѣзкимъ отрицаніемъ къ тѣмъ, кто прикрываясь этими началами, стремился къ обскурантизму и къ порабощенію живыхъ силъ общества и усиливалъ религіозную и національную рознь въ нашемъ отечествѣ. Въ области воспитанія Е. В. Бѣлявскій, раздѣляя основныя начала раціональной педагогики, былъ

Digitized by Google

въ то же время строгимъ блюстителемъ порядка и законности. Высоко цѣня заслуги покойнаго педагога, редакція «Вѣстника Воспитанія» считаетъ однако долгомъ отмѣтить, что она не во всемъ солидарна съ нимъ какъ въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ общественныхъ явленій и отдѣльныхъ личностей, такъ и въ области педагогическихъ идей и въ сферѣ общественнаго міросозерцанія.

Digitized by Google

ВСТУПЛЕНІЕ.

Когда я прощался со своими коллегами, оставляя педагогическую службу, имъ угодно было высказать между прочимъ пожеланіе, чтобы я написалъ воспоминанія о своей многолѣтней службѣ, въ продолженіе которой мнѣ пришлось много видѣть, много испытать и во многомъ принять участіе. Тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ приступаю къ исполненію желанія моихъ почтенныхъ сотоварищей, что мнѣ и самому, прошедши этотъ путь и совсѣмъ уже отрѣшившись отъ него, хотѣлось бы взглянуть на него съ высоты, такъ сказать, птичьяго полета, вспоминая все главное, что было въ немъ отраднаго и печальнаго, успѣшнаго и безуспѣшнаго, вспоминать свои мысли по поводу разныхъ обстоятельствъ жизни, выводы педагогическіе, къ которымъ я приходилъ, и такимъ образомъ провѣрить и обдумать еще разъ все былое.

Во время своей педагогической службы я имѣлъ счастіе видѣть и чувствовать расположеніе къ себѣ какъ со стороны товарищей, такъ и особенно со стороны учениковъ. Товарищей первыхъ шаговъ моей педагогической дѣятельности почти уже никого нѣтъ на этомъ свѣтѣ; но зато есть много учениковъ, разсѣянныхъ по лицу земли русской: можетъ быть, кому-нибудь изъ нихъ попадутъ въ руки эти воспоминанія; можетъ быть, онъ найдетъ здѣсь нѣчто знакомое, оживится воспоминаніемъ о своей юности, съ ея радостями и скорбями, и, читая

Digitized by Google

мои воспоминанія, поживетъ нѣсколько часовъ съ тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ онъ когда-то дѣлился своими мыслями и чувствами, особенно въ сочиненіяхъ школьныхъ, въ продолженіе часто нѣсколькихъ лѣтъ. Для сотоварищей же моихъ—педагоговъ—мои воспоминанія дадутъ, можетъ быть, небезполезный матеріалъ для характеристики педагогической жизни за продолжительный періодъ.

Итакъ, приступаю къ изложенію своихъ воспоминаній, прося только читателя не думать, что тщеславіе заставляетъ меня приступить къ этому. Я вижу въ этомъ нѣкоторый долгъ,—тотъ долгъ, о которомъ сказалъ пушкинскій лѣтописецъ Пименъ словами: «Не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ».

Digitized by Google

Педагогическія воспоминанія.

1861—1902 гг.

I.

Педагогическіе курсы въ Москвѣ (1861—1864 гг.).

По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1861 году, я, безъ всякаго спроса о моемъ желаніи, какъ казеннокоштный студентъ, былъ назначенъ на «Педагогическіе курсы», бывшіе въ то время при Московскомъ университетѣ. Жалованья мнѣ, какъ «кандидату-педагогу», полагалось 25 руб. въ мѣсяцъ, каковымъ жалованьемъ я былъ совершенно доволенъ, потому что, какъ казеннокоштный студентъ, получалъ всего 16 р. 66 к. Обязанность моя состояла въ томъ, чтобы посѣщать уроки учителей гимназіи, которые были назначены въ качествѣ руководителей кандидатовъ-педагоговъ. Таковыми, по русскому языку, который я избралъ своею спеціальностью, были учителя 2-й московской гимназіи: В. П. Шереметевскій (по словесности) и Гедике (по русскому языку въ младшихъ классахъ гимназіи). Кромѣ того, въ руководители кандидатамъ-педагогамъ были назначены по русскому языку профессора университета: Ѳ. И. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ. Отношенія къ этимъ профессорамъ у меня состояли въ томъ, что я любилъ посѣщать зна-

Digitized by Google

менитые «четверги» у Буслаева: по четвергамъ вечеромъ у него собиралась масса студентовъ, педагоговъ, профессоровъ и всякихъ людей, интересующихся наукой. Здѣсь въ одной комнатѣ собравшіеся сидѣли за чтеніемъ и списываніемъ древнихъ рукописей или за разсматриваніемъ древнихъ рисунковъ, старинныхъ гравюръ и т. д. Въ другой комнатѣ—въ гостиной—шелъ громкій говоръ, въ которомъ обсуждались всякіе вопросы: и педагогическіе, и научные, и общественные, но преимущественно литературные, касающіеся современной литературы; въ третьей комнатѣ супруга Ѳедора Ивановича принимала близкихъ дому людей. Вечеръ оканчивался многолюднымъ ужиномъ, за которымъ продолжалось обсужденіе особенно волновавшихъ во время вечера вопросовъ. Чудные были эти вечера; въ нихъ молодость била ключомъ—молодость книжная, полная идеаловъ, и въ этой молодежи, окружавшей Ѳедора Ивановича, онъ самъ, несмотря на нѣкоторую свою лысину, былъ самый молодой, самый подвижный, самый увлекающійся: онъ безпрестанно бѣгалъ изъ комнаты въ комнату и вездѣ подбодрялъ, освѣжалъ, заинтересовывалъ въ чемъ-либо научномъ. Но прямого отношенія къ педагогическимъ курсамъ эти вечера, конечно, не имѣли. По воскресеньямъ Ѳ. И. собиралъ любителей, особенно юныхъ ученыхъ, читать и разбирать древнѣйшія славянскія рукописи, указывая при этомъ особенности въ языкѣ рукописей сербскихъ, болгарскихъ и т. д. Это была практическая школа для лицъ, намѣревавшихся посвятить себя изученію русско-славянскихъ древностей. Въ числѣ посѣщавшихъ эти воскресныя собранія былъ, между прочимъ, извѣстный впослѣдствіи славистъ Александръ Дювернуа, который при чтеніи этихъ рукописей вступалъ даже иногда въ споръ съ Ѳ. И., чѣмъ и удивлялъ прочихъ. Но къ педагогическимъ курсамъ и эти собранія прямого отношенія не имѣли. Ѳ. И. былъ, повидимому, того убѣжденія, что будущему педагогу на-

Digitized by Google

добно прежде всего знаніе, интересъ къ серьезной наукѣ, а тамъ онъ выработается. Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳ. И. могъ бы до нѣкоторой степени быть руководителемъ и собственно въ педагогіи; уже тогда пользовалось большою извѣстностью его сочиненіе «О преподаваніи русскаго языка», и самъ Ѳ. И. былъ нѣкоторое время учителемъ русскаго языка и словесности въ московской 3-й гимназіи, былъ домашнимъ учителемъ и воспитателемъ дѣтей гр. С. Р. Строганова. Несмотря на это, педагогическими спеціально вопросами съ кандидатами-педагогами онъ не занимался. Да и съ кѣмъ было заниматься? На вечерахъ по четвергамъ изъ кандидатовъ-педагоговъ былъ, сколько мнѣ помнится, я одинъ, а на утрахъ по воскресеньямъ приходилъ еще иногда Л. И. Поливановъ. Не могу сказать однако же, чтобы эти вечера и утра не были въ высшей степени полезны мнѣ именно для педагогическаго дѣла. У профессора Тихонравова я бывалъ очень рѣдко. Кромѣ означенныхъ профессоровъ, я долженъ былъ еще посѣщать лекціи педагогики профессора философіи Юркевича, читавшіяся въ университетѣ. Но эти лекціи, состоявшія собственно въ чтеніи логики и психологіи и примѣненіи этихъ наукъ къ педагогіи, мнѣ такъ не понравились своею безсодержательностью, доказательствами того, что всякому здравомыслящему человѣку хорошо извѣстно безъ всякихъ лекцій, въ родѣ того, что при обученіи надо переходить отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ простого къ сложному, что надобно примѣняться къ понятіямъ учениковъ, къ возрасту и т. п., что я скоро пересталъ посѣщать эти лекціи, и какая ихъ была дальнѣйшая судьба—не знаю. Уроки Шереметевскаго и Гедике я посѣтилъ не болѣе какъ по два раза. Я чувствовалъ и самъ нѣкоторую неловкость, присутствуя на урокахъ, не будучи ни ревизоромъ, ни ученикомъ, и чувствовалъ, что стѣсняю и учителя, что, можетъ быть, безъ меня онъ велъ бы дѣло иначе и, вѣроятно, лучше; я тутъ былъ какой-то посторонній наблюдатель

Digitized by Google

въ тѣсно сплоченной классной семьѣ,—наблюдатель, который не могъ принять никакого участія въ жизни этой семьи, на котораго всѣ посматривали, какъ будто говоря: «и зачѣмъ ты здѣсь? только мѣшаешь всѣмъ». Итакъ, мое прямое дѣло во время пребыванія на педагогическихъ курсахъ въ первое полугодіе состояло только въ ежемѣсячномъ отправленіи во 2-ю гимназію за полученіемъ моего жалованья. Скоро однако же мнѣ дали нѣкоторую практику педагогическую: опредѣлили меня чѣмъ-то въ родѣ воспитателя въ пансіонъ 2-й московской гимназіи; дали мнѣ тамъ, въ самомъ пансіонѣ, одну комнату, столъ вмѣстѣ съ пансіонерами, а жалованьемъ должно было служить то жалованье, которое я получалъ какъ кандидатъ-педагогъ. Обязанность моя состояла въ наблюденіи за пансіонерами во все время, когда они не были на урокахъ, присутствовать съ ними и въ столовой и во время приготовленія ими уроковъ и, вообще, наблюдать. Мнѣ не хотѣлось быть для нихъ чѣмъ-то въ родѣ шпіона, соглядатая, а втянуться какъ-нибудь въ ихъ дѣло, въ ихъ занятія, въ ихъ жизнь внутреннюю я никакъ не могъ. Во время рекреацій они хотятъ свободы; во время ученія они сидятъ надъ своими книжками; иногда подсядешь къ кому-нибудь, спросишь: не затрудняетъ ли его что, иногда и поможешь, но чувствуешь, что все-таки безъ тебя для этихъ учениковъ лучше; хотя, повидимому, они мнѣ болѣе довѣряли, чѣмъ другимъ воспитателямъ, но мнѣ все казалось, что они смотрятъ на меня только какъ на зло меньшее. Я жаждалъ быть учителемъ, чувствовалъ, что сфера моя—учительство. Эту жажду учительства я какъ будто физически чувствовалъ, какъ потребность въ свѣжемъ воздухѣ. Наконецъ, по рекомендаціи одного изъ учителей 2-й гимназіи, Н. А. Возницына, мнѣ предложено было взять четыре урока русскаго языка въ двухъ старшихъ классахъ 2-й московской военной гимназіи (незадолго передъ этимъ преобразованной изъ кадетскаго корпуса), съ платой, кажется, по 60 руб. за

Digitized by Google

годовой урокъ. Можно себѣ представить, какъ я взялся за эти уроки! Надобно сказать, что во время своего ничего недѣланія на педагогическихъ курсахъ я все-таки обдумывалъ курсъ словесности, почитывалъ и составилъ даже для себя подробную программу курса, чтобы сразу приступить къ дѣлу съ опредѣленнымъ планомъ и опредѣленнымъ взглядомъ. Въ этомъ отношеніи педагогическіе курсы, давшіе мнѣ свободное время для этого, все-таки сослужили свою службу. Пособіемъ при составленіи программы служили для меня только что появившіеся около этого времени капитальнѣйшіе труды по исторіи русскаго языка и словесности, до сихъ поръ лежащіе въ основѣ изученія русскаго языка и литературы; это были: «Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ» и «Историческая грамматика русскаго языка» Буслаева, а также «Историческая хрестоматія новой русской литературы» и «Исторія русской словесности» Галахова. Кстати, всѣ эти четыре труда имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ военно-учебнымъ заведеніямъ. Они были исполнены по заказу тогдашняго начальника штаба, генерала Якова Ростовцева, для удовлетворенія нуждамъ именно этихъ учебныхъ заведеній и напечатаны были въ первый разъ на счетъ военно-учебнаго вѣдомства, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ печать военно-учебнаго вѣдомства на заглавныхъ листахъ книгъ, а также и самыя заглавія, именно: «Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Составлено на основаніи постановленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденнаго 24-го декабря 1848 г.». Само собой разумѣется, что Яковъ Ростовцевъ не думалъ, что изъ его заказа получатся не школьныя пособія, а солиднѣйшіе ученые труды, болѣе или менѣе основательное изученіе которыхъ было только впору готовящимся держать экзаменъ на степень магистра. Тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно покажется теперь, эти ученые труды сдѣлались тогда учебными ру-

Digitized by Google

ководствами и пособіями во всѣхъ тогдашнихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что, можетъ быть, отчасти и полезно было, такъ какъ повышало требованія отъ преподавателя, ставило его, по идеальнымъ требованіямъ, на болѣе высокую ступень, чѣмъ на какой онъ стоитъ большею частью теперь съ облегченными руководствами и пособіями. Можетъ быть, до нѣкоторой степени такого рода руководства и пособія въ томъ же смыслѣ дѣйствовали и на самихъ учениковъ. Я не чувствовалъ сначала особенной охоты преподавать грамматику; поэтому «Исторической грамматикой» занимался мало, а все вниманіе сосредоточилъ на литературѣ русской, какъ древней, такъ и новой. Согласно съ указанными руководствами, и программу я выработалъ историческаго преподаванія. Однако же оказалось, что мнѣ пришлось преподавать въ военной гимназіи по теоретической программѣ, основанной на родахъ и видахъ словесности, которая была составлена въ 1852 г. тѣми же Буслаевымъ и Галаховымъ. Въ этой программѣ одинаковое мѣсто дано какъ русской литературѣ, такъ и иностранной. Если для русской литературы въ означенныхъ учебникахъ имѣлись достаточныя пособія, то для иностранной пособій было мало, несмотря на то, что въ это же время появилась лучшая до сихъ поръ хрестоматія по всеобщей и русской литературѣ, расположенная въ теоретическомъ порядкѣ, А. Филонова. Приходилось самому переводить для уроковъ оды Пиндара, сатиры Горація, L'art poétique Буало и т. под.

II.

2-я московская военная гимназія (1862—1864 гг.)

Первое время вступленія въ учительскую дѣятельность для меня останется навсегда памятнымъ. По программѣ, мнѣ слѣдовало начать курсъ въ старшемъ классѣ съ теоріи поэзіи; теорія прозы, значитъ, уже была пройдена въ предыдущемъ классѣ. Естественно, что я хотѣлъ сразу

Digitized by Google

же овладѣть вниманіемъ класса, заинтересовать его предметомъ какъ можно сильнѣе, чтобы потомъ уже хозяйничать въ немъ, въ качествѣ учителя, какъ я знаю. Но какъ овладѣть ихъ вниманіемъ? До слуха моего не разъ доходило, что воспитанники военныхъ гимназій, бывшіе кадеты, равнодушны къ интересамъ науки; самое слово «кадетъ» въ тогдашнее время означало что-то грубое, бурбонское. Незадолго до этого кадетскіе корпуса были преобразованы въ военныя гимназіи именно съ цѣлью поднятія воспитательной и образовательной части этихъ заведеній. Составъ преподавателей, который я встрѣтилъ въ военной гимназіи, какъ бы подтверждалъ, что образовательнаго здѣсь можетъ быть очень мало. Значитъ, нужно много, чтобы пробудить здѣсь спячку. Но у меня энергіи для этого было тогда непочатый уголъ. Въ обдумываніи того, какъ мнѣ захватить вниманіе учениковъ, возможно глубже заинтересовать ихъ, я остановился на слѣдующемъ. Тогда только что вышелъ романъ Писемскаго: «Взбаламученное море». Одинъ изъ героевъ этого романа—кадетъ—типъ кадета въ дурномъ смыслѣ, унаслѣдовавшаго и старые пороки крѣпостническаго дворянства и усвоившаго новые недостатки—распущенности, безпринципности. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ типомъ для уясненія ученикамъ главныхъ свойствъ поэтическаго изображенія предмета, чтобы дать понятіе о поэзіи. Согласно съ этимъ, я выработалъ и написалъ рядъ послѣдовательныхъ вопросовъ, при помощи которыхъ я долженъ былъ довести учениковъ до уясненія того или другого теоретичическаго вопроса о свойствахъ поэзіи, при чемъ отъ одного вопроса къ другому переходилъ совершенно незамѣтно. Мнѣ и въ голову не приходило, что выборъ этого типа кадета могъ оскорбить корпоративную честь. На этомъ типѣ я хотѣлъ показать, кромѣ всего прочаго, чѣмъ не долженъ быть кадетъ. При объясненіи, конечно, соотвѣтствующія мѣста романа читались въ классѣ. Успѣхъ этихъ уроковъ былъ необыкновенный:

Digitized by Google

ученики, сидящіе на заднихъ столахъ, придвигались впередъ, становились на столы, чтобы не проронить моего слова. Спрашивать учениковъ какіе-нибудь уроки не было, конечно, никакой нужды; я чувствовалъ, что каждое мое слово глубоко отпечатлѣвалось въ нихъ: чего же больше?

Когда я послѣ уроковъ, посвященныхъ таковому выясненію свойствъ поэзіи, приступилъ къ чтенію Гомера въ переводѣ Гнѣдича, ученики съ такимъ же интересомъ, съ такимъ же возбужденнымъ вниманіемъ слушали и Гомера, при чемъ, повидимому, не менѣе интереса придавалось моимъ объясненіямъ, толкованіямъ, какъ и самому Гомеру. Во всякомъ случаѣ Гомеръ безъ моихъ объясненій вовсе не былъ бы для нихъ интересенъ. Помню, какъ мы начали: «Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». Что за богиня, къ которой обращается авторъ? и по поводу этого цѣлая лекція о вдохновеніи поэтическомъ, о вдохновеніи народнаго поэта и о «Музѣ» Пушкина. У учениковъ, что называется, «ушки на макушкѣ», да и у меня, кажется, выше, чѣмъ на макушкѣ. Надобно замѣтить, что всѣ свѣдѣнія сообщались мною при этомъ въ діалогической формѣ; даже читалъ произведеніе разбираемое не я, а вызванный мною ученикъ, съ которымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣмъ классомъ, я и бесѣдовалъ. Эта форма сообщенія свѣдѣній, захватывая вниманіе класса, дѣлая слушателей участниками работы, производимой въ классѣ,—участниками, такъ сказать, въ выработкѣ самыхъ научныхъ положеній,—что́ поднимаетъ духъ класса,—имѣетъ и ту еще выгоду, что я не уставалъ отъ говоренія, давая себѣ безпрестанно отдыхъ при обращеніи къ ученикамъ. Но само собой разумѣется, вся нить дѣла была у меня, и вниманіе всѣхъ было сосредоточено въ одномъ фокусѣ. Далѣе пошло такъ, что, о чемъ бы и какъ бы я ни говорилъ, былъ ли я въ ударѣ или нѣтъ, ученики съ одинаковымъ вниманіемъ слушали, боясь проронить слово, при чемъ иногда и

Digitized by Google

сами спрашивали по поводу возникавшихъ въ нихъ недоразумѣній.

Не менѣе важное значеніе, чѣмъ преподаваніе словесности, имѣли ученическія сочиненія. Въ то время у меня еще не было выработано опредѣленнаго метода веденія сочиненій; но я относился очень внимательно къ разсмотрѣнію сочиненій, подробно разбиралъ ихъ съ учениками и строго оцѣнивалъ, такъ что единица за сочиненіе была не рѣдкостью; но если въ сочиненіи замѣчалась значительная разница между содержаніемъ и изложеніемъ, грамотностью (которая была очень невысока), я ставилъ двѣ отмѣтки: одну за содержаніе, а другую за изложеніе, грамотность. Сочиненія тоже очень интересовали учениковъ: въ нихъ болѣе всего, по ихъ мнѣнію, отражался умъ человѣка, а дуракомъ никто не хотѣлъ быть. Несмотря на это, единицами ученики не огорчались, надѣясь скоро поумнѣть.

Былъ балъ въ военной гимназіи. Много было приглашенныхъ на балъ, между прочимъ воспитанницы сосѣдняго съ военными гимназіями Елизаветинскаго института. Я пришелъ на балъ уже въ разгарѣ его и сѣлъ у входной двери въ залъ. Вдругъ противъ меня выстроилась цѣлая шеренга воспитанниковъ, идущая перпендикулярно отъ меня въ два ряда, съ промежуткомъ противъ меня; всѣ хотятъ отъ меня чего-нибудь услышать и здѣсь. Несмотря на замѣчанія своихъ воспитателей, которые упрекаютъ ихъ, что они оставляютъ дамъ безъ кавалеровъ въ танцахъ, они не отходятъ и ждутъ отъ меня слово. Я увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ мѣшаю балу, и ушелъ въ столовую; тогда воспитанники бросились въ столовую. Одинъ изъ офицеровъ по поводу этого сказалъ мнѣ: «вы демагогъ». Видя, что мое пребываніе здѣсь дѣйствительно нарушаетъ порядокъ, я направился къ выходу; воспитанники вынесли меня на рукахъ.

По поводу этого бала разскажу одинъ случай, очень похожій на анекдотъ.

Digitized by Google

Въ одинъ изъ уроковъ послѣ бала надобно было задать ученикамъ написать классное сочиненіе. О чемъ? Учениковъ голова еще набита впечатлѣніями отъ бала. Я и говорю: опишите вашъ нынѣшній балъ. Одинъ изъ воспитанниковъ, подумавши немного, говоритъ: «О чемъ тутъ писать? танцовали и больше ничего». Я между прочимъ сказалъ на это: «Ну, напишите, какіе разговоры были съ вашими танцовальными дамами». Когда я послѣ этого читалъ эти сочиненія, одно изъ нихъ меня очень насмѣшило, что рѣдко дѣлаютъ ученическія сочиненія.

Приблизительно разскажу содержаніе сочиненія: «Я,— говоритъ воспитанникъ,—танцовалъ кадриль съ институткой Елизаветинской и никакъ не могъ придумать темы для разговора съ нею во время антрактовъ между фигурами кадрили; она тоже, очевидно, не могла придумать. Наконецъ, она спросила: «что вы сегодня ѣли за обѣдомъ?» Я обрадовался и отрапортовалъ; и, въ свою очередь, спросилъ, что онѣ сегодня ѣли за обѣдомъ. Она тоже объяснила. Послѣ этого опять разговоръ прекратился. Я чувствовалъ, что теперь, во что бы то ни стало, *мнѣ* надобно изобрѣсти тему для разговора. Наконецъ, я придумалъ и спросилъ: «были ли вы на живодернѣ?»—«На какой живодернѣ?» отвѣтила она съ неудовольствіемъ. Тутъ только я догадался, что, кажется, нехорошо завелъ разговоръ; а дѣло въ томъ, что мы, воспитанники военной гимназіи, когда отправляемся гулять, обыкновенно доходимъ черезъ поле, лежащее противъ гимназіи, до живодерни, и это—любимая наша прогулка». Былъ ли это анекдотъ, ходячій между воспитанниками, или въ самомъ дѣлѣ такъ было, только это меня, который тогда тоже еще былъ очень юный, очень насмѣшило.

Между тѣмъ въ гимназіи военной, куда я поступилъ только на четыре урока, скоро мнѣ прибавили еще 12 уроковъ; кромѣ того, меня приглашали на уроки сло-

Digitized by Google

весности въ 1-ю военную гимназію, а также въ школу типографовъ, гдѣ директоромъ тогда былъ Апухтинъ, впослѣдствіи бывшій попечителемъ варшавскаго учебнаго округа; появились и частные уроки. Матеріально мое положеніе было вполнѣ обезпечено, и я оставилъ воспитательство во 2-й гражданской гимназіи, къ которому не чувствовалъ расположенія. Должность воспитателя, какъ она тогда была поставлена, какъ она, кажется, поставлена и теперь, заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы слѣдить за воспитанниками, чтобы они не курили, не приносили бы вина въ пансіонъ, вó-время являлись изъ отпуска, тихо сидѣли бы во время занятій, попарно шли бы въ столовую и изъ столовой и т. под. Все это совершенно не соотвѣтствовало моему характеру, направленному на возвышенное и важное. Говорятъ, что въ дѣлѣ воспитанія нѣтъ мелочей—совершенно раздѣляю это мнѣніе, но тѣмъ не менѣе не всѣ *умѣютъ* одинаково слѣдить какъ за религіозно-нравственнымъ состояніемъ воспитанниковъ, такъ и за секретной поклажей въ ихъ сундучкахъ, ящичкахъ, а также въ ихъ карманахъ, слѣдить за ихъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, «духомъ» школы и вмѣстѣ за духомъ изъ ихъ рта, когда они возвращаются откуда-нибудь. Послѣднее мнѣ было противно, я не могъ этого дѣлать, хотя и сознавалъ, что и безъ этого иногда нельзя, а потому въ воспитатели, какъ была поставлена эта должность, я не годился совсѣмъ.

Между тѣмъ я все-таки считался еще на педагогическихъ курсахъ и получалъ за нихъ 25 руб. ежемѣсячно. Прошли уже два года, на которые я былъ оставленъ на курсахъ; мнѣ перестали давать 25 руб.; я думалъ, авось не забудутъ ли меня и не оставятъ ли меня при тѣхъ занятіяхъ, которыя я имѣю. Однако же еще черезъ годъ требуютъ меня къ экзамену педагогическому и требуя двухъ сочиненій: одного на тему по предмету будущаго преподаванія, а другого на тему педагогическую. Я предвидѣлъ, что это можетъ быть, поэтому заранѣе загото-

Digitized by Google

вилъ сочиненіе на тему: о народномъ русскомъ календарѣ, въ которомъ разбиралъ смыслъ народныхъ примѣтъ и поговорокъ, соединенныхъ съ каждымъ днемъ января мѣсяца. На тему педагогическую написалъ уже по полученіи требованія этого рода сочиненія. Оба сочиненія были отправлены профессору Тихонравову.

Наконецъ, назначено было устное испытаніе въ совѣтѣ университета вечеромъ. Я не боялся этого испытанія, такъ какъ уже имѣлъ опытъ и порядочно работалъ надъ предметомъ. Когда я вошелъ въ залъ совѣта, испытаніе уже производилось другому кандидату-педагогу. Въ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ С. М. Соловьева, было много профессоровъ, директоръ гимназіи и учитель гимназіи, считавшійся моимъ руководителемъ, В. П. Шереметевскій. Мнѣ предложили тему для изложенія: «О сущности эпической поэзіи», и пока продолжалось испытаніе другого кандидата, мнѣ предложили обдумать тему и сѣсть вдали, около печки, которая была хорошо натоплена. Я, сѣвши тамъ на стулъ и сообразивъ, что тема знакомая мнѣ по моимъ урокамъ и что я не буду излагать ее въ видѣ непрерывной лекціи, скоро задремалъ на стулѣ; наконецъ меня позвали. Сѣвши на концѣ стола, напротивъ предсѣдателя, я началъ такъ: «Я не намѣренъ вести объясненіе сущности эпической поэзіи передъ учениками въ формѣ лекціи, или въ формѣ монологической; я предпочитаю въ преподаваніи форму діалогическую». Никто противъ этого ничего не могъ возразить. Но какъ же устроить, чтобы на этомъ испытаніи былъ діалогъ? Съ кѣмъ? Я предложилъ В. П. Шереметевскому разыграть роль ученика, а я буду играть роль учителя. В. П. согласился; я предложилъ ему читать «Иліаду» сначала: «Гнѣвъ, богиня, воспой» и т. д., и началъ дѣлать ему вопросы точно такъ же, какъ дѣлалъ ихъ ученикамъ при объясненіи «Иліады». Но бѣда въ томъ, что В. П. не могъ прикинуться, что онъ не понимаетъ того, что въ данномъ случаѣ уче-

Digitized by Google

никъ не долженъ былъ понимать, и скоро, вмѣсто того, чтобы идти подъ моимъ руководствомъ, началъ спорить. Главнымъ предметомъ спора было то, на какихъ произведеніяхъ лучше можно объяснить ученикамъ, что такое вдохновеніе поэтическое, на произведеніяхъ ли народной или искусственной поэзіи; я говорилъ, что лучше на произведеніяхъ народной поэзіи, такъ какъ, въ качествѣ безыскусственныхъ произведеній, они наиболѣе плоды чистаго вдохновенія, тогда какъ въ искусственныхъ произведеніяхъ есть дѣланность. В. П. утверждалъ наоборотъ, что лучше объяснить на искусственныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ часто прямо и объясняется, что такое вдохновеніе; я говорилъ, что въ такомъ случаѣ не надобно уже прибѣгать за этимъ къ поэзіи, а прямо къ какому-нибудь разсужденію о вдохновеніи. Собственно говоря, я чувствовалъ, что самое лучшее объяснять и по народнымъ и по искусственнымъ произведеніямъ, какъ и самъ дѣлалъ на практикѣ; но надобно же было о чемъ-нибудь говорить, надобно было показать, что я могу говорить ясно.

На этомъ спорѣ мое устное испытаніе и окончилось и, кажется, съ успѣхомъ. Затѣмъ Н. С. Тихонравовъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній относительно моего сочиненія о русскомъ народномъ календарѣ. Главное замѣчаніе состояло въ томъ, что я слишкомъ много придаю значенія въ объясненіяхъ миѳологическому элементу. Я спросилъ: въ чемъ именно я излишнее придаю значеніе миѳологіи? Не знаю почему, Н. С. мнѣ этого не объяснилъ, но въ одномъ мѣстѣ онъ заставилъ меня сконфузиться. По поводу чего-то онъ спросилъ меня: откуда происходитъ слово «мѣсяцъ»? Я уже тогда былъ любитель объясненія происхожденій словъ, но происхожденія этого слова никакъ не вспомню и не соображу. Это былъ единственный досадный пунктъ моего испытанія въ совѣтѣ университета. Затѣмъ мнѣ было назначено дать 3

Digitized by Google

урока во 2-й гражданской гимназіи по словесности въ классѣ передъ учениками. Тема была назначена—«Борисъ Годуновъ» Пушкина. Я тщательно, конечно, приготовился къ этимъ урокамъ и темой этой былъ доволенъ, такъ какъ первое сочиненіе Бѣлинскаго, съ которымъ я ознакомился еще въ школьный періодъ своей жизни, былъ разборъ «Бориса Годунова», найденный мною въ оставшемся въ библіотекѣ отца томѣ «Отечественныхъ Записокъ». Этотъ разборъ, не подписанный критикомъ, не выходилъ у меня изъ головы.

Замѣчательно то, что на урокахъ въ гимназіи я предпочелъ форму лекціонную, монологическую: мнѣ противно было разыгрывать, что я хочу чему-то научить учениковъ, до которыхъ мнѣ собственно никакого дѣла нѣтъ и которыхъ потомъ учитель, можетъ быть, будетъ переучивать. Опять-таки и здѣсь я думалъ: моимъ экзаменаторамъ достаточно видѣть, понимаю ли я дѣло и могу ли его объяснить; что же касается до пріемовъ обращенія съ учениками, для этого надобно, чтобы передо мной были ученики, которые мнѣ поручены, съ которыми я составляю единое цѣлое, за которыхъ я отвѣтственъ, а не манекены, посаженные для этого случая, которымъ я чужой и они мнѣ чужіе. По окончаніи трехъ лекцій директоръ гимназіи предложилъ мнѣ еще дать урокъ по сократическому методу. Я, на основаніи вышесказаннаго, предложилъ ему прослушать мой урокъ въ военной гимназіи. Тогда директоръ нашелъ достаточными тѣхъ испытаній, какія уже были. Все это было бы прекрасно, если бы такимъ образомъ испытывали всѣхъ кандидатовъ въ учителя, между тѣмъ какъ наиболѣе слабо окончившіе курсъ изъ моихъ товарищей прямо по окончаніи курса получили мѣсто учителей гимназіи даже въ Москвѣ, потому что имъ, какъ своекоштнымъ, не было обязательно поступать на педагогическіе курсы.

Digitized by Google

III.

1-я московская гимназія (1864 г.)

Теперь, по окончаніи испытанія, надобно было ожидать назначенія на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Не хотѣлось мнѣ покидать 2-ю военную гимназію, къ которой я уже привыкъ, гдѣ началась моя педагогическая дѣятельность. Согласно съ моимъ желаніемъ военно-учебное вѣдомство стало хлопотать объ оставленіи меня въ этомъ вѣдомствѣ. Но министерство народнаго просвѣщенія не согласилось, и меня назначили учителемъ въ 1-ю московскую гимназію, но не въ старшіе, а въ младшіе классы, такъ какъ въ старшихъ классахъ не было въ Москвѣ вакансіи.

Надобно замѣтить, что въ то время положеніе учителя русскаго языка въ старшихъ классахъ гимназіи считалось весьма почетнымъ, вообще званіе «старшаго учителя» тогда почиталось, но особенно имѣло значеніе положеніе старшаго учителя русскаго языка. Этотъ предметъ считался въ то время безусловно главнымъ въ гимназіи. Это была первая скрипка въ оркестрѣ педагогической корпораціи; считалось, что на этомъ предметѣ главнымъ образомъ ученики получаютъ свое образованіе и нравственное и патріотическое воспитаніе. На это, конечно, были и есть свои серьезныя основанія. Поэтому получить мѣсто въ Москвѣ старшаго учителя русскаго языка и словесности было нелегко, вакансіи эти открывались рѣдко. Въ младшихъ же классахъ преподаваніе мнѣ крайне не понравилось. Къ этому я не готовился и рѣшительно не зналъ, что и какъ мнѣ дѣлать. Прежде всего я грамматики школьной, особенно синтаксиса, почти совсѣмъ не зналъ: объяснять, гдѣ подлежащее, гдѣ сказуемое, сколько-нибудь увѣренно не могъ. Учился я когда-то въ дѣтствѣ грамматикѣ, мать научила меня склонять и спрягать, да такъ съ тѣхъ поръ никакого дѣла съ элементарной русской грамматикой я не имѣлъ. Дѣлать не-

Digitized by Google

чего — обложился Перевлѣсскими, Стоюниными и пр. и началъ знакомиться съ дѣломъ. При большой охотѣ и энергіи я скоро овладѣлъ этимъ дѣломъ, чему въ особенности помогла «Практическая грамматика русскаго языка» Перевлѣсскаго въ трехъ толстыхъ книгахъ. Въ этой грамматикѣ есть упражненія въ грамматическомъ разборѣ статей литературныхъ, изложенныя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Благодаря этому, я могъ вникнуть въ частные вопросы, возникающіе безпрестанно при разборѣ текста, и видѣть, какъ рѣшаетъ эти вопросы опытный грамматистъ. Скоро я уже сталъ самостоятельно относиться къ мнѣніямъ Перевлѣсскаго и замѣчать его ошибки или, по крайней мѣрѣ, сталъ понимать дѣло по-своему. Тѣмъ не менѣе занятія русскимъ языкомъ въ младшихъ классахъ мнѣ не нравились. Я чувствовалъ, что еще многаго у меня не достаетъ для правильныхъ и плодотворныхъ занятій въ этихъ классахъ. Но чего именно, я не зналъ, потому что никакихъ намековъ ни откуда не встрѣчалъ, какъ вести это дѣло. Такъ называемое «объяснительное чтеніе» мнѣ не нравилось; всегда оно мнѣ казалось и теперь кажется переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, при чемъ вмѣсто «объяснительнаго» всегда выходитъ «затемнительное» чтеніе и, по моему мнѣнію, надобно имѣть великую страсть къ пустословію, чтобы охотно этимъ заниматься. Что касается до грамматики русской, то я не могъ не чувствовать, что существа грамматики— именно логической ея стороны,—грамматики, какъ логики языка, ученики понять не въ состояніи. Упражненіе же учениковъ въ угадываніи частей рѣчи и частей предложеній по внѣшнимъ кое-какимъ признакамъ представлялось мнѣ работой довольно безсмысленной. А можетъ быть и то, что всего и вѣроятнѣе, не чувствовалъ я охоты заниматься съ маленькими учениками: ихъ подвижность, безпрестанныя вскакиванья, подниманія рукъ, вопросы, не идущіе къ дѣлу, Богъ знаетъ откуда берущіеся, производили на меня крайне разстраивающее мои нервы

Digitized by Google

дѣйствіе. Одинъ разъ я сижу во время урока на каѳедрѣ, занимаюсь и вдругъ чувствую ударъ чѣмъ-то въ голову; думаю: какой-нибудь шалунъ пустилъ въ голову, должно быть, стрѣлкой бумажной, какія обыкновенно дѣлаютъ ученики. Смотрю: гдѣ же стрѣла? нѣтъ. Смотрю на учениковъ — ничего не видно особеннаго на ихъ лицахъ. Значитъ, ударъ былъ другого рода—нервный. Послѣ этого урока я пошелъ къ попечителю (генералу Левшину) и сказалъ ему: «куда угодно, только назначьте меня въ старшіе классы гимназіи». Мнѣ предложено было въ Тулу или въ Тверь. Я выбралъ Тверь, такъ какъ она все-таки ближе къ Москвѣ, съ которой совсѣмъ разставаться я не желалъ. Вмѣстѣ съ этимъ пришлось, конечно, разстаться и съ другими учебными заведеніями московскими, въ которыхъ я преподавалъ и которыхъ мнѣ было очень жаль. Назначенный въ 1-ю гимназію, я не оставилъ уроки въ этихъ школахъ, хотя совмѣстить ихъ было не легко: въ школѣ типографовъ я давалъ уроки, съ разрѣшенія директора Апухтина, съ 8 часовъ вечера.

Послѣ назначенія меня въ Тверь, я въ Москвѣ тяжело заболѣлъ и отъ разъѣздовъ далекихъ по городу и отъ душевнаго волненія. Пролежалъ мѣсяца два, не увѣдомляя никого о своемъ положеніи. Попечитель, узнавъ, что я еще въ Москвѣ, былъ недоволенъ. Но, наконецъ, я оправился и надобно было ѣхать. Была у меня мысль: сохранить уроки въ излюбленной моей 2-й военной гимназіи, чтобы три дня давать уроки въ Твери и три дня въ Москвѣ. По расписанію уроковъ и поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ это было возможно, но оказалось невозможнымъ по формальнымъ причинамъ. Надобно быле каждый разъ брать формальный отпускъ въ другую губернію, что соединено съ большими хлопотами, и такъ часто брать отпуски едва ли и возможно по закону. Такъ, забравши сундукъ книгъ, я и отправился въ Тверь на лошадяхъ, потому что заѣхалъ по пути на родину.

Digitized by Google

IV.

Тверская гимназія (1865 г.).

Передъ отправленіемъ въ Тверь, я снесся съ однимъ изъ тамошнихъ учителей—Эльмановичемъ, гдѣ мнѣ тамъ поселиться. Оказалось, что тамъ четыре учителя гимназіи—холостяки—живутъ вмѣстѣ и ведутъ общее хозяйство. Такъ какъ одинъ изъ нихъ, именно мой предшественникъ, учитель русскаго языка, получилъ другое назначеніе, то его комната остается незанятой и ожидаетъ меня. Пріѣхавши въ Тверь ночью, ничего не зная тамъ, кромѣ фамиліи Эльмановича, я спросилъ у перваго извозчика: «не знаешь ли ты, гдѣ живетъ учитель гимназіи Эльмановичъ?»—«Пожалуйте, пожалуйте, денегъ не возьму, если не предоставлю васъ прямо къ Эльмановичу». И дѣйствительно, прямо предоставилъ къ квартирѣ, ожидавшей меня. Я прямо занялъ свою комнату. Товарищи мои по квартирѣ, а вмѣстѣ и по гимназіи, оказались прекрасные люди; старшій между ними—глава—былъ Эльмановичъ, почтенный математикъ, немножко суровый на видъ, но добродушный; затѣмъ учитель исторіи г. Макаровъ, полякъ, одинъ изъ любимѣйшихъ учениками учителей, краснорѣчивый ораторъ, впослѣдствіи, при открытіи гласныхъ судовъ, какъ юристъ по образованію, перешедшій въ присяжные повѣренные; третій былъ добродушный учитель чистописанія и рисованія, пріучившій канарейку садиться на его довольно большой носъ и чувствовать себя на носу, какъ на палочкѣ въ клѣткѣ. Прежде общимъ хозяйствомъ завѣдывалъ Эльмановичъ, а теперь, такъ какъ Эльмановичъ былъ женихъ и долженъ былъ проводить много времени у невѣсты, хозяйничалъ г. Макаровъ. Хозяйство шло отлично; была отличная кухарка, которая особенно хорошо умѣла дѣлать квасъ. На другой день я отправился въ гимназію; купцы, мимо лавокъ, которыхъ я проходилъ, узнавъ, что пріѣхалъ новый гражданинъ Твери, кланялись мнѣ, что также мнѣ

Digitized by Google

показалось очень необыкновеннымъ. Директоръ гимназіи былъ худенькій, тихій и спокойный человѣкъ, утромъ и до окончанія ученія тихо ходившій по гимназіи, а вечеромъ ежедневно игравшій въ карты въ клубѣ ровно до 11 часовъ вечера, ни минуты болѣе. Совершенную противоположность ему представлялъ инспекторъ Романъ Николаевичъ Никулинъ—толстякъ, вѣчно бѣгавшій, шумѣвшій, кричавшій, но очень добродушный человѣкъ. Порядки въ гимназіи были самые патріархальные, какихъ ужъ послѣ реформы Толстовской въ гимназіяхъ не было. Приведу нѣкоторые примѣры. Во время урока моего въ одномъ изъ старшихъ классовъ вдругъ съ шумомъ вторгается въ классъ Романъ Николаевичъ и, кивая пальцемъ одному ученику, говоритъ: «поди сюда, мерзавецъ». Тотъ вышелъ. Тогда Р. Н. бросается на него; ученикъ бѣжитъ; каѳедра учительская стояла посреди класса, и вотъ ученикъ бѣгаетъ кругомъ каѳедры, на которой я сижу, а инспекторъ за нимъ; наконецъ, инспекторъ, видя, что онъ не въ состояніи догнать, обращается къ классу: «ловите его мерзавца!» Ученики всѣ вскакиваютъ и начинаютъ гоняться за нимъ, показывая, какъ будто не могутъ догнать; бѣжитъ и Р. Н. съ крикомъ, какъ будто на охотѣ за зайцемъ. Наконецъ, ученики поймали злодѣя и предоставили его Роману Николаевичу, который тотчасъ же вцѣпился ему обѣими руками въ волоса. Дальше ужъ не помню, что было. Другой случай: прихожу одинъ разъ въ гимназію, учениковъ нѣтъ въ гимназіи. Обращаюсь къ Р. Н.: гдѣ ученики? Оказалось, что они ушли на площадь соборную, которая была противъ гимназіи, смотрѣть на ученіе солдатъ. Дѣло было весной. Р. Н., какъ былъ безъ шапки, въ вицмундирѣ, бросился на площадь къ солдатамъ; ученики, завидѣвъ его, бѣжать; онъ, толстый, потный, за ними, такъ что солдаты смѣялись. Третій случай: было прекрасное весеннее утро, солнце блестѣло и вмѣстѣ ласкало своимъ свѣтомъ. Прихожу въ гимназію—нѣтъ учениковъ старшаго класса; гдѣ они? Оказалось, что

Digitized by Google

по случаю такой прелестной погоды всѣ отправились на охоту. Таковъ былъ порядокъ; но ученики любили свою гимназію, любили своихъ наставниковъ; что-то свѣтлое и жизнерадостное было въ ихъ атмосферѣ, и гимназія какъ будто была озарена солнцемъ жизни и радости. Учителя не формально только исполняли свои обязанности, а съ любовью. Я упомянулъ уже о нѣкоторыхъ учителяхъ; упомяну еще объ учителѣ географіи А. Л. Линбергъ, извѣстномъ составителѣ географическихъ атласовъ и учебника географіи: онъ одну изъ громадныхъ залъ гимназіи всю увѣшалъ громадными рельефными картами, которыя онъ въ томъ же залѣ и работалъ. Упомяну еще объ учителѣ латинскаго языка — Страховѣ—большомъ знатокѣ и любителѣ своего дѣла. Этотъ Страховъ по праздникамъ приходилъ къ намъ на квартиру и жестоко бранилъ насъ за то, что мы такъ долго спимъ, вмѣсто того чтобы работать, изучать свой предметъ. Такова была тогдашняя Аркадія въ Твери. Это было до Толстовскаго режима, въ министерство Головнина.

Какъ я велъ въ это время собственно учительское дѣло, у меня не сохранилось въ памяти; причина въ томъ, что пріѣхалъ въ Тверь уже къ веснѣ, въ концѣ учебнаго года, не ранѣе марта мѣсяца; надобно было продолжать и заканчивать то, что сдѣлано было моимъ предшественникомъ; поэтому самостоятельно и съ сознаніемъ полной своей отвѣтственности я не могъ взяться за дѣло. Директоръ однако же, какъ видно, цѣнилъ меня, что обнаружилось въ слѣдующемъ. Въ то время собирались свѣдѣнія, въ какихъ городахъ нужна классическая гимназія, въ какихъ реальная. Свѣдѣнія собирались отъ представителей учебнаго вѣдомства и администраціи и городского управленія. Какъ мнѣ тогда казалось, никто собственно въ то время къ рѣшенію этого вопроса не былъ подготовленъ, потому что плохо понимали, что такое классическое образованіе, давно уже у насъ покончeнное, еще съ реформы гимназій въ 1849 году, а еще

Digitized by Google

меньше понимали, что такое реальное образованіе, какового въ сущности у насъ никогда не было, если не считать образованія въ немногихъ тогда такъ называемыхъ «реальныхъ гимназіяхъ» или скорѣе «реальныхъ отдѣленіяхъ» гимназій; но и въ нихъ реальнаго въ сущности ничего не было. Какъ бы то ни было, надобно было директору гимназіи дать отвѣтъ, какая нужна гимназія въ Твери—классическая или реальная. Директоръ, самъ математикъ, обратился ко мнѣ съ просьбой написать, что для Твери нужна реальная гимназія, потому что это нужно для торгово-промышленныхъ интересовъ города, и сами представители города такого же мнѣнія. Никогда не интересовавшись никакими торгово-промышленными интересами, очень далекій отъ этихъ сферъ, я, несмотря на все свое желаніе принять участіе, такъ сказать, въ государственномъ вопросѣ, долженъ былъ отказаться отъ этой чести.

Пришло время экзамена. Какъ мнѣ экзаменовать изъ того, чему я не училъ? Экзаменовать изъ выдолбленнаго, можетъ быть, учебника по словесности я находилъ безсмысленнымъ и недостойнымъ меня. Я и рѣшилъ такъ: изъ автора, доставшагося ученику (говорю о выпускномъ экзаменѣ) по билету, или изъ сочиненія ученикъ долженъ былъ прочитать на экзаменѣ маленькій отдѣлъ — это за тѣмъ, чтобы видно было, насколько осмысленно и толково можетъ ученикъ читать; затѣмъ онъ долженъ былъ разсказать содержаніе прочитаннаго, изъ чего видно было, насколько онъ умѣетъ схватывать существенное содержаніе прочитаннаго, а также ясно и послѣдовательно разсказать содержаніе. Наконецъ, по поводу только что прочитаннаго дѣлались вопросы литературнаго свойства и отчасти грамматическіе. До сихъ поръ думаю, что такой экзаменъ по-русскому языку и словесности, можетъ быть, и есть лучшій. Во время экзаменовъ получаю я однажды письмо, довольно толстенькое; значитъ, написано много. Въ адресѣ рука директора 1-й московской гимназіи. Открываю письмо: онъ пишетъ о своихъ домашнихъ и

Digitized by Google

частныхъ дѣлахъ и между прочимъ сообщаетъ, что съ начала слѣдующаго учебнаго года изъ параллельныхъ классовъ 1-й гимназіи образуется 5-я гимназія въ полномъ составѣ гимназическихъ классовъ; что обѣ гимназіи будутъ на первое время помѣщаться въ зданіи 1-й гимназіи и подъ его общимъ начальствомъ; что онъ представилъ попечителю меня въ учителя русскаго языка и словесности въ старшихъ классахъ этой новой гимназіи; что директоръ 2-й военной гимназіи, съ которымъ онъ близко познакомился, будетъ радъ, если я попрежнему возьму и у него уроки, и что, наконецъ, попечитель согласился на мое назначеніе, и если я принимаю это назначеніе, то чтобы встрѣтить попечителя, проѣзжавшаго въ это время мимо Твери, на вокзалѣ и поблагодарить его. Можно себѣ представить, какъ я былъ счастливъ отъ этого письма. Я ничего не имѣлъ противъ Твери, но все-таки въ продолженіе трехъ лѣтъ моей педагогической дѣятельности въ Москвѣ у меня завязалось тамъ много глубокихъ интересовъ, интересовъ умственныхъ и нравственныхъ, удовлетворить которые въ Твери я никакъ не могъ, по причинѣ слишкомъ большой ограниченности въ нашихъ городахъ всякихъ культурныхъ интересовъ. Не даромъ Фамусовъ называлъ жизнь въ Твери «коптѣньемъ»: «И будь не я», говорилъ онъ Молчалину, «коптѣлъ бы ты въ Твери».

V.

5-я московская гимназія (1865—1883 гг.).

Съ переходомъ въ 5-ю московскую гимназію начался для меня самый важный періодъ педагогической дѣятельности. Съ этимъ назначеніемъ я достигъ того, чего желала душа моя: преподаванія въ старшихъ классахъ гимназіи и при томъ въ Москвѣ. Бо́льшаго я ничего не желалъ и ни о чемъ больше не мечталъ. Профессорская дѣятельность не соблазняла меня: мнѣ хотѣлось быть ближе къ моимъ ученикамъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ

Digitized by Google

близокъ профессоръ; мнѣ хотѣлось читать имъ не лекціи съ уединенной каѳедры, а быть съ ними постоянно въ живой бесѣдѣ и дѣйствовать на ихъ минутныя движенія души, постоянно угадывать эти движенія и направлять ихъ. Имѣя такія педагогическія наклонности, я не могъ рѣшиться претерпѣвать тѣ мытарства, какія въ то время надо было претерпѣвать для выдержанія экзамена на магистра русской словесности: съ тѣхъ поръ, какъ Буслаевъ получилъ эту степень (1848 г.), магистровъ по русской словесности не было, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ. Адъютантъ Буслаева—Тихонравовъ—такъ до конца жизни и не держалъ экзамена на магистра и получилъ уже долго спустя степень доктора honoris causa. Первый послѣ Буслаева, выдержавшій въ Москвѣ экзаменъ на магистра по русской словесности, былъ И. С. Некрасовъ (выдержалъ въ 1870 г.), впослѣдствіи профессоръ и ректоръ новороссійскаго университета. И чего ему стоило выдержать? Самою страшною грозою этихъ ищущихъ степени магистра русской словесности былъ старикъ-профессоръ славянскихъ нарѣчій Бодянскій. «А вы знаете ли такую-то рукопись?» спрашивалъ онъ у экзаменующагося или претендента. — Нѣтъ, не знаю.—«Отчего жъ вы не знаете? а она у меня есть». Значитъ, претендентъ долженъ былъ знать всѣ рукописи, какія были у О. М. Бодянскаго. Дѣлать нечего, сталъ ходить И. С. Некрасовъ къ Бодянскому для изученія его рукописей по вечерамъ, а Бодянскій, у котораго глаза ужъ стали плохи, сталъ занимать Некрасова тѣмъ, что давалъ ему читать для себя газеты, и это продолжалось два года! Наконецъ, на экзаменѣ, какъ говорятъ, Бодянскій сказалъ ему: «вы ничего не знаете, ну да Богъ съ вами!» Были и другіе, гораздо худшіе факты относительно державшихъ экзаменъ магистерскій по русской словесности, но мы считаемъ неудобнымъ здѣсь излагать ихъ. Не могъ я и думать подвергнуться этой пыткѣ. Однако же я любилъ вращаться въ средѣ профессоровъ, такъ называемой аристократіи

Digitized by Google

ума, и не чувствовалъ себя въ ней не въ своей тарелкѣ. Кромѣ этой сферы, я любилъ еще особый, довольно оригинальный, міръ художниковъ, мало, правда, образованный у насъ, но въ общемъ очень талантливый. Начало моей заинтересованности живописью было положено во мнѣ отчасти Ѳ. И. Буслаевымъ. Дѣло было такъ: была выставка картинъ въ одной изъ залъ университета; выставку посѣтилъ Ѳ. И.; вмѣстѣ съ нимъ пришлось мнѣ остановиться у картины, тогда только что появившейся, а потомъ сдѣлавшейся большою знаменитостью; это была картина В. Г. Перова: «Сынъ дьячка, получившій первый чинъ». Въ первый разъ въ жизни я былъ пораженъ картиной такъ, какъ поражался лучшими произведеніями литературы. Боже, какіе типы, какая жизнь, какая трагикомедія жизненная отразилась и стала навсегда въ этой картинѣ! Не знаю, насколько помогъ мнѣ уразумѣть это Ѳ. И., знаю только, что смотрѣли мы на эту картину вмѣстѣ съ нимъ. Но потомъ, когда мы подошли къ ландшафту, кажется, Саврасова, онъ положительно заставилъ меня обратить вниманіе, въ чемъ тутъ дѣло. «Посмотрите, посмотрите,—говорилъ съ обычною своею поспѣшностью Ѳ. И.,—на это небо, какъ оно отражается въ водѣ; посмотрите, какъ тѣнь-то легла отъ этого дерева, какъ свѣтъ-то здѣсь проскользнулъ; посмотрите на отраженіе деревьевъ въ водѣ». Ландшафтъ, который я мало понималъ прежде, сдѣлался съ тѣхъ поръ не менѣе любимымъ мною предметомъ живописи, какъ и жанръ. Судьба потомъ свела меня съ двумя сильными художниками, съ однимъ почти на всю мою жизнь—недавно только онъ умеръ; съ другимъ, по причинѣ его ранней смерти, ненадолго. Первый былъ пейзажистъ Ѳ. И. Ясновскій, очень сильный талантъ, хотя и мало извѣстный, такъ какъ не билъ на эффектъ и на сбытъ; онъ былъ вполнѣ реалистъ въ живописи и для своихъ картинъ выбиралъ не самое красивое въ нашей сѣренькой дѣйствительности, а наиболѣе типичное. Предметомъ его картинъ были

Digitized by Google

исключительно окрестности Москвы и самая Москва. Это былъ мой ближайшій другъ до сихъ почти дней, и много я ему обязанъ не только въ любви къ искусству, но и въ любви къ идеальному міру, такъ какъ въ жизни онъ былъ великій идеалистъ, можно сказать, подвижникъ. Занимаясь искусствомъ, онъ былъ въ то же время учителемъ пейзажной живописи въ Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія, гдѣ и пользовался большимъ авторитетомъ. Другой художникъ, съ которымъ я сблизился, хотя и на короткое время, былъ самъ В. Г. Перовъ, котораго, какъ жанриста русскаго, можно поставить только наравнѣ съ Ѳедотовымъ. Познакомился я съ нимъ благодаря Ѳ. И. Ясновскому. Онъ почему-то заинтересовался знакомствомъ со мной; обо мнѣ же и говорить нечего. Онъ бывалъ у меня, но чаще я бывалъ у него: я любилъ слѣдить, какъ онъ создаетъ свои замѣчательные типы; помню, сидитъ у него натурщикъ-старикъ; онъ велѣлъ ему сидѣть, сложивши губы извѣстнымъ образомъ; выраженіе старика было очень безсмысленное; изъ этого Перовъ сдѣлалъ удивительно живой типъ чтеца-дьячка. Больше всего меня удивляло въ Перовѣ то, что онъ любилъ пофилософствовать и довольно туманно. Когда онъ заводилъ мнѣ рѣчь о томъ, что онъ думаетъ написать, онъ заводилъ такую философію, что я думалъ: ну, значитъ, тутъ ничего не выйдетъ. Помню, онъ думалъ изобразить пожаръ въ деревнѣ и началъ говорить о томъ, какія есть таинственныя силы въ душѣ человѣка, которыя проявляются только въ особые моменты его жизни; такъ вотъ онъ и думаетъ изобразить эти таинственныя силы. Что же вышло на самомъ дѣлѣ? Горитъ домъ въ деревнѣ; передъ домомъ, озаренная пламенемъ пожара, стоитъ глубокая старуха, очевидно собиравшаяся уже умереть спокойно, но, подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія отъ пожара, вставшая и вышедшая изъ дома. Въ рукѣ у нея икона, которую она держитъ энергично прямо по направленію къ пламени пожара и, очевидно, съ рѣшитель-

Digitized by Google

нымъ намѣреніемъ такимъ образомъ потушить его. Боже! какая жизненная картина и дѣйствительно, пожалуй, глубокая! Въ другой разъ Перовъ сказалъ, что онъ думаетъ написать картину «Утопленница» и началъ говорить таинственныя вещи о жизни и смерти. Ну, думаю, туманъ будетъ. Что же вышло? Утопленница лежитъ на берегу рѣки, покрытая рогожей; по фигурѣ только видно, что тѣло молодой, полной силъ женщины. Разсвѣтаетъ. Около нея сидитъ на какой-то колодѣ городовой, куритъ трубочку, поглядываетъ равнодушно въ поле и сплевываетъ. Этотъ контрастъ между тайной смерти и безпредѣльною безпечностью жизни глубоко поражаетъ зрителя. Вообще Перовъ любилъ такіе трагикомическіе сюжеты; на моихъ же глазахъ была написана имъ картина «Поѣздъ желѣзной дороги». Мужики, подъѣхавшіе къ шлагбауму, смотрятъ на мчащійся мимо нихъ поѣздъ—видятъ его, кажется, въ первый разъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ, очевидно, охватываетъ чувство ужаса при видѣ этой мчащейся машины при помощи нечистой силы. По поводу этого тоже, конечно, не мало философствовалъ В. Г. Но наклонность къ мистицизму отразилась въ концѣ-концовъ и въ немъ: подобно многимъ сильнымъ русскимъ талантамъ, начиная отъ Гоголя и кончая Л. Толстымъ, онъ рѣшилъ: не все же только шутить, надобно создать что-нибудь великое и при томъ положительное, и началъ писать мадоннъ, а затѣмъ историческія картины; но это ему не удавалось. Въ именины собирались къ Перову почти всѣ московскіе художники; его большая мастерская комната была полна народа; были и не-художники. Любилъ тутъ Перовъ поговорить о высокомъ значеніи живописи; помню, онъ все спрашивалъ, чѣмъ онъ хуже Наполеона. Не ниже онъ, а выше Наполеона. Это во вкусѣ вообще по крайней мѣрѣ нашихъ художниковъ. При этомъ знакомствѣ съ художниками понятно какой интересъ возбуждали во мнѣ художественныя выставки и какое наслажденіе доставляли дѣйствительно художественныя произведенія.

Digitized by Google

Кромѣ этого міра художествъ, большой интересъ возбуждалъ во мнѣ театръ, сначала драматическій, въ которомъ тогда блистали такія звѣзды, какъ Садовскій, Шумскій, Васильевъ, Акимова, Никулина-Косицкая, Ѳедотова и мн. др.; а потомъ, главнымъ образомъ, итальянская опера, въ которой я былъ всегда абонированъ, но, кромѣ абонементныхъ, посѣщалъ всѣ выдающіяся представленія; интересъ къ этой оперѣ постепенно все возрасталъ: сначала тутъ были меньшія свѣтила: Арто, Падилла, Вольпини, Марини и потомъ вдругъ такое солнце этого искусства—Патти, Аделина Патти. Пѣніе Патти было, кажется, высшее эстетическое наслажденіе, какое только я получалъ въ жизни: эти звуки, это искусство были поистинѣ божественные; это были звуки, долетавшіе до насъ какъ будто изъ лучшаго, высшаго міра. Нѣсколько сезоновъ мнѣ пришлось слышать ее, т.-е. всѣ сезоны, въ которые только она пѣла въ Москвѣ, и звукъ ея пѣсни до сихъ поръ раздается въ душѣ моей. Изъ всего этого видно, какъ я прикованъ былъ къ Москвѣ и какъ мнѣ въ Москвѣ мало было горя, что я не профессоръ, а скромный учитель гимназіи; можетъ быть даже, при моей любви къ прекрасному, къ искусству, заведенная уже въ то время архивная мудрость профессоровъ была бы для меня не совсѣмъ по душѣ. Но обращусь къ прямому своему дѣлу и къ прозѣ моей жизни въ Москвѣ, по назначеніи меня въ 5-ю гимназію.

VI.

По пріѣздѣ въ Москву послѣ каникулъ, я, такъ какъ не имѣлъ квартиры, остановился въ гостинницѣ Кокорева. Отсюда прежде всего отправился во 2-ю военную гимназію, чтобы знать навѣрное, что у меня тамъ будутъ уроки, и сколько уроковъ. Въ 5-й гимназіи, я зналъ, у меня не будетъ болѣе 12 уроковъ, потому что всего уроковъ русскаго языка въ гимназіи было на семь тогдашнихъ классовъ 24, а учителей 2: въ 4 старшихъ классахъ, въ ко-

Digitized by Google

торые я былъ назначенъ, было по 3 урока, въ трехъ младшихъ по 4; надобно замѣтить, что урокъ продолжался часъ съ четвертью. Все-таки у меня было еще достаточно свободнаго времени, чтобы имѣть еще уроки въ военной гимназіи, хотя страшные концы, отъ Пречистенскихъ воротъ въ Лефортово, а оттуда въ Замоскворѣчье, отнимали много времени и грозили въ непогоду здоровью. Но мнѣ жаль было оставить военную гимназію — колыбель моей учительской дѣятельности. Пріѣзжаю въ эту гимназію во время производства тамъ пріемныхъ испытаній; встрѣчаю директора и замѣчаю, что онъ меня не ожидалъ и не знаетъ, по какому дѣлу я являюсь. Я называю имя директора 1-й гимназіи и говорю, что этотъ директоръ писалъ мнѣ «о вашемъ желаніи, чтобы я вновь взялъ уроки во 2-й военной гимназіи». Оказалось, что разговора объ этомъ между означенными директорами вовсе не было и даже не было между ними знакомства никакого. Я увидѣлъ, что мнѣ написано было невѣрно. И зачѣмъ? Неужели затѣмъ, чтобы вѣрнѣе обезпечить мое согласіе на принятіе мѣста въ 5-й гимназіи? Но я и безъ всякихъ другихъ приманокъ все равно съ радостью поѣхалъ бы на мѣсто въ 5-ю гимназію; въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, если бы я пожелалъ, всегда могъ бы имѣть уроки. Тутъ выходило такъ: можно было подумать, что я самъ выдумалъ объ этомъ письмѣ директора 1-й гимназіи (нынѣ и 5-й). Я не зналъ, что дѣлать; первое движеніе было такое, что надо сейчасъ же уйти. Но не подчинился этому правильному первому движенію. Между тѣмъ директоръ военной гимназіи сказалъ: «Хотя рѣчи у меня не было объ этомъ съ тѣмъ лицомъ, о которомъ вы говорите, но я буду радъ, если вы возьмете эти уроки». Поворачивать назадъ я считалъ теперь неудобнымъ, но во всякомъ случаѣ считалъ начало скверным. Въ тонѣ рѣчи директора я чувствовалъ, что тутъ произошла какая-то перемѣна въ отношеніи ко мнѣ. И дѣйствительно, теперь дѣло въ военной гимназіи шло какъ-то не такъ гладко, какъ прежде,

Digitized by Google

и наконецъ произошелъ большой кавардакъ. Еще въ первый годъ моего учительства въ военной гимназіи однажды подошелъ ко мнѣ такъ называвшійся «наставникъ-наблюдатель по русскому языку», каковымъ былъ тогда кн. Назаровъ, сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей», и говоритъ мнѣ: «я васъ прошу разбирать произведенія словесности не со стороны ихъ содержанія, а только со стороны стиля, для того чтобы научить учениковъ писать правильнымъ стилемъ, ибо въ этомъ послѣднемъ заключается вся цѣль преподаванія словесности въ военныхъ гимназіяхъ». Самъ князь Назаровъ преподавалъ въ этой гимназіи словесность тоже въ старшихъ классахъ, но въ другомъ отдѣленіи. Я сказалъ ему, что не раздѣляю его взглядовъ. «Но я говорю вамъ офиціально, какъ наставникъ-наблюдатель».—«Это для меня все равно». Тѣмъ дѣло и кончилось. Я знаю только то, что его ученики, когда онъ не приходилъ въ гимназію, любили собраться вмѣстѣ съ моими учениками у меня на урокѣ. Теперь, скоро послѣ начала занятій, по возвращеніи моемъ въ Москву, назначается въ военной гимназіи совѣтъ педагогическій—первый при мнѣ совѣтъ, по крайней мѣрѣ первый, къ которому были приглашены штатскіе учителя. Совѣтъ былъ страшно многолюдный; собрались всѣ командиры, воспитатели и т. д.; я думаю, всего было не менѣе 60 человѣкъ, и почти всѣ военные. Оказалось, что главнымъ предметомъ совѣта былъ судъ надо мною. Инспекторъ начинаетъ говорить то самое, что говорилъ когда-то кн. Назаровъ. Надобно замѣтить, что въ это время Катковъ и Леонтьевъ уже подняли походъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» противъ преподаванія русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, находя, что это преподаваніе болѣе всего развращаетъ юношество, сбивая его съ толку зловредными идеями, что единое спасительное орудіе противъ этого развращенія—древніе языки и древняя литература; если же гдѣ эти языки не преподаются, то преподаваніе словесности должно состоять только въ разбо-

Digitized by Google

рахъ грамматическихъ и стилистическихъ. Отраженіе этихъ взглядовъ мы видимъ и въ теперешнихъ гимназическихъ программахъ русскаго языка и словесности. Рѣчь инспектора поддержалъ учитель русскаго языка Боженовъ, переводчикъ Анакреона и тогдашній издатель театральнаго листка. Я сказалъ на это; разбирать литературное произведеніе со стороны стиля можно только въ связи съ его содержаніемъ, ибо стиль есть только выраженіе внутренняго содержанія: какъ же вы будете разбирать образъ, не упоминая о томъ, какого содержанія, какой идеи этотъ образъ? и какъ можно въ такомъ случаѣ оцѣнить его въ художественномъ отношеніи? Если можно до нѣкоторой степени разбирать произведенія со стороны стиля, независимо отъ его содержанія, то только въ произведеніяхъ риторическаго характера, именно въ литературныхъ произведеніяхъ XVIII столѣтія, написанныхъ строго по правиламъ риторики и стилистики. Но литература XVIII столѣтія совсѣмъ не проходится въ военныхъ гимназіяхъ. Произведенія же лучшихъ авторовъ XIX столѣтія разбирать исключительно со стороны стиля очень трудно, а нѣкоторыя произведенія, и именно изъ самыхъ лучшихъ, и совсѣмъ невозможно. «Напримѣръ?» спрашиваетъ у меня Боженовъ. «Напримѣръ, вы считаете нужнымъ ознакомить учениковъ съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ» Пушкина? «Да».—«Ну»—я буду читать «Евгенія Онѣгина», а вы разбирайте его со стороны стиля:

Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ
И лучше выдумать не могъ:
Его примѣръ другимъ наука;
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,

Digitized by Google

Его подушки поправлять,
Печально подносить лѣкарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!

Что же, разбирайте со стороны стиля. Или дальше читать?»—«Да, но Пушкинъ самъ указываетъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» на слова: *хлопъ* и *попъ*, какъ на особенныя».— «Такъ какъ Пушкинъ самъ указалъ на эти слова, какъ на особенныя, то намъ, учителямъ, и тутъ не остается что-нибудь указать». Послѣ этого директоръ пускаетъ на голоса: какъ надо разбирать произведенія литературныя— со стороны содержанія или со стороны стиля? Почти всѣ рѣшили, что со стороны стиля. На моей сторонѣ остались только законоучитель и учитель исторіи. Послѣ такого рѣшенія я вышелъ изъ засѣданія и больше уже не являлся въ военную гимназію, благо служилъ здѣсь по найму, а не на дѣйствительной службѣ. Такъ я, хотя и съ глубоко сокрушеннымъ сердцемъ, разстался съ колыбелью своей учительской дѣятельности. Приходилось послѣ мнѣ встрѣчать бывшихъ своихъ учениковъ изъ этой гимназіи, и встрѣча всегда была дружеская, хорошая.

VII.

Московская 5-я гимназія до реформы гимназіи 1871 г. (1865—1871 гг.).

Въ 5-й гимназіи тоже въ первое время дѣло не особенно клеилось. Причиной было отчасти то, что директоръ, котораго хотя я считалъ черезчуръ ужъ формалистомъ, но которому я прежде довѣрялъ, потерялъ мое довѣріе послѣ означеннаго письма. Какъ это онъ продѣлалъ такую штуку, когда не могъ не знать, что эта штука должна же скоро обнаружиться, я понять не могъ: бываютъ у людей какіе-то ненормальные пункты даже въ пустякахъ какихъ-нибудь, когда во всемъ другомъ они вполнѣ нормальны. Какъ они чувствуютъ себя потомъ, когда дѣло

Digitized by Google

обнаружится, Господь ихъ знаетъ, или они забываютъ объ этихъ продѣлкахъ? А потомъ здѣсь, въ 5-й гимназіи, надобно было привыкать къ иному, чѣмъ то, къ чему я привыкъ въ военной гимназіи: не нравились мнѣ и классы, сравнительно слишкомъ маленькіе, въ которыхъ ученики набиты, какъ сельди въ боченкѣ, въ которыхъ повернуться свободно нельзя учителю; а я привыкъ говорить, ходя по классу или стоя рядомъ съ ученикомъ, который читаетъ разбираемое произведеніе; не нравились и столы, слишкомъ маленькіе и не возвышающіеся амфитеатромъ; однимъ словомъ, на первыхъ порахъ я чувствовалъ нѣкоторую неловкость и не совсѣмъ былъ въ духѣ въ классѣ. Но взялся я за дѣло очень усердно: къ каждому уроку я такъ готовился, что записывалъ весь урокъ: писалъ весь текстъ того произведенія, которое предполагалъ разбирать въ классѣ, и всѣ къ нему объясненія. Текстъ писался затѣмъ, чтобы при этомъ лучше сосредоточивать вниманіе на каждомъ словѣ, на каждомъ выраженіи, на каждомъ періодѣ текста. Объясненія затѣмъ я дѣлалъ въ классѣ, имѣя въ рукахъ эти записки, пополняя сказанное въ нихъ. Все существенное говорилось медленно, и ученики должны были записывать это; но записывались не отдѣльныя фразы, а связная рѣчь. Къ слѣдующему классу ученики должны были пополнить сдѣланные пробѣлы въ запискахъ и чисто все переписать. Я полагалъ, что это есть самая лучшая школа для собственныхъ ученическихъ сочиненій, тѣмъ болѣе что многое они записывали въ классѣ на основаніи тутъ же выработаннаго и выясненнаго общими усиліями класса; у всякаго ученика, у котораго я спрашивалъ урокъ, я бралъ его записки и просматривалъ ихъ. Ученики, повидимому, интересовались этой работой, а какъ они знали все, такимъ образомъ имъ преподанное, и говорить уже нечего. Слабыхъ учениковъ въ отвѣтахъ по словесности вовсе не было.

Выработкѣ учителя много помогало тогда то, кажу-

Digitized by Google

щееся на первыхъ порахъ неудобство, что опредѣленныхъ программъ не было: каждый учитель ежегодно представлялъ на разсмотрѣніе совѣта свою программу, соотвѣтствующую его опытности въ дѣлѣ, его знаніямъ, его личнымъ вкусамъ. Въ то время большею частью словесность преподавалась въ теоретическомъ порядкѣ, т.-е по родамъ и видамъ словесности; я находилъ, что въ этомъ порядкѣ изученія словесности не можетъ быть такой жизненной послѣдовательности, что это порядокъ не естественный, а выдуманный. Вполнѣ естественной я считалъ ту послѣдовательность преподаванія, въ какой сама литература развивалась, т.-е. послѣдовательность историческую, которая мнѣ казалась и наиболѣе соотвѣтствующею постепенному развитію учениковъ. Древній періодъ словесности и народная поэзія, по простотѣ, несложности идей, наиболѣе подходитъ для первыхъ шаговъ серьезнаго ознакомленія съ литературой,—это у меня было въ V кл.; литература XVII и начало XVIII стол. въ VI кл.; новѣйшая литература въ VII кл. Заканчивалось это историческое изученіе произведеній словесности краткимъ очеркомъ теоріи словесности, на основаніи уже разобранныхъ произведеній. Такой порядокъ мнѣ очень нравился, и я старался, по мѣрѣ возможности, къ русской литературѣ присоединять иностранную, какъ древнюю, такъ и новую. При изученіи Пушкина ученики знакомились съ Байрономъ, съ Шекспиромъ; при изученіи Жуковскаго — съ Шиллеромъ, отчасти съ Гете; при изученіи одъ XVIII стол.—съ Пиндаромъ, Гораціемъ; при изученіи народной поэзіи — съ Гомеромъ.

Выработкѣ учителя въ этотъ первый періодъ моей дѣятельности въ гимназіи много также помогали учительскіе съѣзды. Таковъ былъ съѣздъ въ Москвѣ всѣхъ учителей русскаго языка и словесности въ московскомъ учебномъ округѣ въ 1866 г., при попечителѣ Д. С. Левшинѣ. Предсѣдательствовалъ въ съѣздѣ профессоръ Н. С. Тихонравовъ. Въ немъ принимали участіе профессора

Digitized by Google

Ѳ. И. Буслаевъ и П. Д. Юркевичъ. Цѣлью съѣзда было «обсужденіе улучшенія способовъ преподаванія русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ округа». Засѣданія съѣзда были полны живого интереса и поучительности; каждый учитель явился съ своимъ опытомъ, съ своими взглядами. Эти взгляды иногда были довольно курьезны. Такъ, напр., одинъ очень почтенный учитель предложилъ для пріученія учениковъ къ логическому мышленію и къ серьезному чтенію изучать «Историческую грамматику» Буслаева (тогда еще не было его «Учебника русской грамматики, сближенной съ церковно-славянской»); особенно рекомендовалась статья въ началѣ 2-й части этой грамматики: «Отношеніе языка къ мышленію». На это Ѳ. И. Буслаевъ, бывшій здѣсь, сказалъ: «Что вы? что вы? да я самъ не знаю, въ какой послѣдовательности написана эта статья, и полагаю, что ни въ какой; я и самъ не могъ бы послѣдовательно разсказать, что въ ней написано». И это не скромность только Ѳедора Ивановича говорила, а истая откровенность, такъ ему свойственная. Прекрасныя, полныя тонкой наблюдательности и художественнаго вкуса статьи Ѳедора Ивановича о литературѣ и искусствѣ, я замѣчалъ, легче въ логическомъ отношеніи читаются съ конца, чѣмъ сначала, т.-е. надо читать сначала послѣдній абзацъ, потомъ предпослѣдній и т. д.— гораздо больше будетъ послѣдовательности. Плодомъ этого съѣзда была программа преподаванія русскаго языка и словесности въ полныхъ классическихъ гимназіяхъ, которая и была напечатана въ томъ же 1866 г. Но эта программа указывала только, что̀ долженъ знать гимназистъ или постороннее лицо, желающее держать экзаменъ для поступленія въ университетъ. Слѣдовательно, указывался только матеріалъ преподаванія, безъ раздѣленія этого матеріала по классамъ; это послѣднее предоставлялось преподавателямъ и педагогическимъ совѣтамъ.

Черезъ три года послѣ этого съѣзда, въ 1869 г., были собраны вновь учителя московскихъ гимназій «для обсу-

Digitized by Google

жденія объема и методовъ преподаванія русскаго языка и словесности». Въ этомъ собраніи принимали участіе слѣдующіе учителя словесности: 1-й гимназіи А. В. Тверской, 2-й гимназіи—Н. П. Кондаковъ (нынѣ академикъ), 3-й гимназіи—П. А. Виноградовъ, 4-й—Л. И. Поливановъ и 5-й гимназіи — я. Въ предыдущемъ съѣздѣ учителей члены его высказались за то, что учебники по теоріи и исторіи словесности не нужны, что свѣдѣнія по этимъ предметамъ ученики должны получать на классномъ разборѣ образцовъ литературы, что такимъ образомъ весь курсъ словесности долженъ состоять въ разборахъ образцовъ, безъ всякихъ учебниковъ. Практика однако же показала большія неудобства такого способа преподаванія: онъ не указываетъ объема, въ какомъ должны быть сообщены свѣдѣнія, относящіяся къ теоріи и исторіи словесности, и не указываетъ матеріала, который долженъ сообщаться. Вопросы, приложенные въ выработанной съѣздомъ 1866 г. программѣ по поводу каждаго разбираемаго въ классѣ произведенія, мало помогали дѣлу, когда неизвѣстно, каковы должны быть отвѣты. Потомъ, такимъ образомъ, безъ учебника, надъ какимъ-нибудь пустымъ вопросомъ надобно было толочься Богъ знаетъ сколько времени. Положимъ, для того чтобы ознакомиться съ русскимъ стихосложеніемъ, надобно было ждать случая, когда придется разбирать стихотвореніе, написанное амфибрахіемъ или анапестомъ, чтобы ознакомить съ этими размѣрами, а также ждать случая, когда придется ознакомить и со многими другими свойствами стихосложенія. То же самое въ ученіи о тропахъ, фигурахъ и т. п. Вмѣсто того, чтобы ознакомиться со всѣмъ этимъ въ самое короткое время въ систематическомъ изложеніи этого по какому-нибудь учебнику, надобно было годы путаться около этого на разборахъ образцовъ. Относительно необходимости учебника по исторіи словесности голоса раздѣлились, такъ какъ нѣкоторые члены полагали, что историческія свѣдѣнія лучше сообщать на историческомъ изученіи образцовъ. Что же касается тео-

Digitized by Google

ріи словесности, единогласно была признана желательность введенія учебника, какъ «руководства при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ».

Я уже говорилъ, что я каждый годъ какъ въ военной, такъ и въ гражданской гимназіи заканчивалъ устнымъ систематическимъ изложеніемъ теоріи словесности, при чемъ въ это изложеніе вводились, какъ объясняющіе примѣры, всѣ тѣ образцы, которые были разобраны съ учениками. На это систематическое изложеніе теоріи словесности употреблялось не болѣе двухъ-трехъ уроковъ. Ученики, видимо, интересовались этимъ изложеніемъ и хорошо его усваивали. Теперь я рѣшился изложить письменно то, что я говорилъ, по возможности въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ излагалось устно, чтобы сохранить для учениковъ ту легкость и доступность изложенія, какими отличалось устное изложеніе. На это потребовалось у меня не болѣе недѣли, и я немедленно издалъ книжку въ томъ же 1869 г. Книжка имѣла успѣхъ необыкновенный: мѣсяца въ три разошлось все изданіе (тогда еще ученый комитетъ мин. нар. пр. не занимался одобреніемъ учебниковъ и учебники выбирались по усмотрѣнію преподавателей). Какъ книжка была доступна и интересна ученикамъ, видно изъ слѣдующаго. Скоро по выходѣ ея я одинъ разъ замѣтилъ во время урока въ V кл., что ученикъ читалъ какую-то книжку, спрятанную въ столѣ, въ концѣ урока я спросилъ его, что онъ читаетъ. «Вашу Теорію словесности, я уже всю ее прочелъ».—«Что же, вы поняли ее?»—«Все понялъ», отвѣчалъ увѣренно ученикъ, правда довольно развитой. Это меня очень порадовало. Позволю себѣ разсказать немножко дальше, что было съ этой «Теоріей словесности». Одинъ разъ сидѣлъ я въ клубѣ, гдѣ былъ концертъ. Ко мнѣ подходитъ пріятель (охъ, эти пріятели!) и говоритъ: «О твоей книжкѣ есть статья въ «Голосѣ», поди почитай въ библіотекѣ». Я пошелъ и былъ совершенно пораженъ грубымъ издѣ-

Digitized by Google

вательствомъ надъ книжкой. Собственно ошибки какой-нибудь не указывалось, но выписаны выраженія изъ книги и при каждой выписанной фразѣ поставлено нѣсколько вопросительныхъ знаковъ и при этомъ такого рода восклицанія: «Ай да Москва, ай да бѣлокаменная, вотъ какія книжки она выпускаетъ! Бѣдные ученики, которые учатся у этого учителя!» и пр. все въ такомъ же родѣ. Я не могъ опомниться отъ этихъ публичныхъ комплиментовъ, направленныхъ по моему адресу. Затѣмъ въ другихъ петербургскихъ изданіяхъ явились рецензіи совершенно въ томъ же родѣ, написанныя, очевидно, однимъ и тѣмъ же авторомъ. Что такъ растревожило рецензента, я не могъ понять. Одинъ мой знакомый сообщилъ мнѣ, что лѣтомъ на подмосковной дачѣ Кунцево нѣкій петербургскій газетный репортеръ Александровъ просилъ у него моей книжки, увидѣвши ее у этого знакомаго; пріятель мой не далъ ему книжки, потому что репортеръ показался ему подозрительнымъ. Тогда уже Александровъ сказалъ, что онъ отдѣлаетъ эту книжку. Кто такой Александровъ, я не знаю. Но статьи эти такъ на меня подѣйствовали, что я рѣшился болѣе не издавать «Теорію словесности», несмотря на приставанія книгопродавцевъ о разрѣшеніи издать, и только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда теорія словесности была уже обязательно введена въ гимназіи, какъ самостоятельный предметъ, и когда вслѣдствіе этого появилось много учебниковъ по теоріи словесности, изъ коихъ многіе значительно общипали мой учебникъ, я рѣшился, съ измѣненіями и исправленіями, вновь его издать. На этотъ разъ печать встрѣтила его очень благосклонно, и онъ до сихъ поръ все болѣе распространялся въ школахъ, пока, наконецъ, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не счелъ нужнымъ воспретить его употребленіе, несмотря на то, что три года передъ этимъ призналъ ее заслуживающимъ «рекомендаціи» въ качествѣ учебнаго руководства. Sic transit gloria mundi!

Digitized by Google

VIII.

Во всѣхъ этихъ съѣздахъ, собраніяхъ учителей словесности ни разу не поднимался сколько-нибудь серьезно вопросъ объ ученическихъ сочиненіяхъ: какъ ихъ вести, какія темы задавать, а между тѣмъ это едва ли не важнѣйшій или, по крайней мѣрѣ, самый трудный вопросъ въ преподаваніи русскаго языка и словесности. Вѣроятно, какъ самый трудный, онъ и обходился такъ тщательно въ съѣздахъ. Вслѣдствіе этого каждый учитель велъ это дѣло по своему усмотрѣнію, какъ Богъ ему на сердце положитъ, и поэтому же оно велось тогда въ гимназіяхъ далеко не соотвѣтственно его важности. И я, въ началѣ своего преподаванія въ гимназіи такъ тщательно относившійся къ приготовленію уроковъ, къ сочиненіямъ учениковъ относился очень небрежно: я рѣшилъ сначала, что не стоитъ читать все сочиненіе ученика, а достаточно прочитать первую страницу, потому что изъ нея можно достаточно видѣть искусство ученика и слѣдовательно, на основаніи одной страницы, можно совершенно правильно оцѣнить работу; я ухитрился даже такъ—оцѣнивать работу по одному-двумъ первымъ періодамъ и оцѣнивалъ вѣрно, и ученики ничего не имѣли противъ этого. Но я упустилъ тогда изъ виду, что дѣло учителя не оцѣнивать только работу ученика, но учить его писать, а такимъ образомъ научишь очень мало и, пожалуй, только пріучишь къ небрежности письма. Затѣмъ я придумалъ такой способъ: читать только сочиненія учениковъ старшаго класса, а сочиненія учениковъ прочихъ классовъ отдавать на разсмотрѣніе лучшимъ ученикамъ старшаго класса, которые-таки довольно хорошо брались за дѣло и усердно подчеркивали и исправляли работы и ставили надлежащія отмѣтки. Разумѣется, я все-таки просматривалъ эти исправленія передъ выдачею сочиненій, потому что надо было при выдачѣ объяснить эти помѣтки. Къ счастью для этой работы были между тогдаш-

Digitized by Google

ними учениками гимназіи силы довольно-таки надежныя, къ нимъ принадлежали особенно (позволяю себѣ упомянуть): В. Д. Исаенковъ (извѣстный нынѣ педагогъ и администраторъ, помощникъ попечителя московскаго уч. окр.), Н. И. Карѣевъ (нынѣ извѣстный историкъ-профессоръ), а также покойный Влад. С. Соловьевъ (извѣстный философъ и публицистъ). Но, конечно, и это было далеко неправильно; при выдачѣ сочиненій, самъ не прочитавъ ихъ внимательно, я не могъ какъ слѣдуетъ указать достоинства и недостатки каждаго сочиненія, кромѣ того, при этомъ способѣ не могъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ и совершенствованіемъ ученика, не могъ изучать міросозерцаніе ученика на основаніи его сочиненій и направлять это міросозерцаніе. Скоро я увидѣлъ, какое это важное образовательное и воспитательное орудіе—веденіе ученическихъ сочиненій. Тутъ дѣло не въ томъ только, что научаешь писать грамотно, послѣдовательно и со смысломъ, а въ томъ, что на сочиненіяхъ этихъ изучаешь учениковъ; здѣсь душа твоя тѣсно сближается съ душой ученика; ученикъ тутъ бесѣдуетъ искренно съ тобою; это есть самое лучшее средство воспитывать ученика, воспитывать самыми тонкими нравственными средствами. Когда я все это понялъ, я сдѣлалъ веденіе и разсмотрѣніе сочиненій ученическихъ однимъ изъ самыхъ главныхъ занятій своихъ дома и въ классѣ. Къ этому предмету мнѣ еще придется вернуться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

IX.

Скажу теперь нѣсколько словъ о моихъ отношеніяхъ въ эти первые годы моего учительства въ Москвѣ къ окружавшимъ меня: къ начальству, товарищамъ и ученикамъ.

Къ высшему начальству—къ попечителю округа—отношеній, конечно, было мало. Но разскажу одинъ эпизодъ. Въ то время (это было въ срединѣ 60-хъ годовъ) учи-

Digitized by Google

теля, какъ и всѣ чиновники, должны были брить усы, а также пробривать и бороду дорожкой въ серединѣ. Пока я служилъ въ военной гимназіи по найму, я не дѣлалъ этого, не дѣлалъ и въ кратковременное пребываніе въ 1-й московской гимназіи и въ тверской; но теперь уже началась настоящая моя служба, и директоръ мнѣ сказалъ, какъ надобно бриться. Я пошелъ къ парикмахеру и снялъ усы и полбороды. Оттуда пришелъ въ квартиру, которую я теперь имѣлъ у своего родственника въ зданіи Синодальной типографіи на Никольской. У этого родственника была маленькая дочь, лѣтъ восьми, съ которой мы были большіе друзья. Увидѣвъ меня въ этомъ видѣ, она такъ расплакалась, что никакъ не могли ее унять; говорила, что того своего дяди, котораго она знала, уже нѣтъ, а этого она знать не хочетъ и видѣть не желаетъ. Я посмотрѣлся въ зеркало: безъ усовъ, съ дорожкой, дѣйствительно, я какъ будто исказилъ образъ Божій, и рѣшилъ, какъ донскіе казаки при Петрѣ В., пусть хоть голову отрубятъ, а бриться болѣе не буду, и вотъ, когда уже опять обросъ какъ слѣдуетъ усами и бородой, хотя тогда еще юной, не длинной, приходитъ попечитель генералъ-лейтенантъ Левшинъ; мы представлялись ему по какому-то случаю. По уходѣ попечителя директоръ говоритъ мнѣ: «Попечитель о васъ сказалъ: я его на барабанѣ обрѣю» (Смысла этого выраженія я до сихъ поръ не понимаю). Я сказалъ, что представлю объясненія письменно, и написалъ въ родѣ того, что мой носъ не выноситъ лишенія усовъ, потому что безъ усовъ у меня часто бываютъ насморки, а отъ насморковъ дѣлается сыпь на губахъ (что и правда) и я переносить этого не могу; если надобно, я представлю сколько угодно медицинскихъ удостовѣреній сказаннаго. Послѣ этого меня оставили въ покоѣ; по моему примѣру еще одинъ учитель запустилъ бороду, а тамъ начали ходить слухи о предстоящемъ разрѣшеніи отращивать сколько угодно усы и бороду, и всѣ начали понемногу ее запускать. Такимъ

Digitized by Google

образомъ я былъ въ Москвѣ одинъ изъ самыхъ первыхъ піонеровъ бороды и усовъ.

Кромѣ попечителя, былъ еще помощникъ попечителя. Таковымъ въ началѣ моей службы въ 5-й гимназіи былъ кн. В. П. Мещерскій. Сей князь, внукъ исторіографа Карамзина, считалъ неприличнымъ для себя подавать руку учителю, когда онъ входилъ въ классъ. Былъ экзаменъ въ гимназіи; это было въ первый годъ моей службы въ 5-й гимназіи, когда еще директоръ былъ у насъ одинъ съ 1-й гимназіей, мы были въ одномъ домѣ и многое еще творилось сообща. На экзаменѣ предсѣдательствовалъ инспекторъ 5-й гимназіи, Ѳ. Ѳ. Миллеръ; присутствовали, кромѣ меня, учителя: А. И. Кирпичниковъ (впослѣдствіи профессоръ московскаго университета), М. А. Саблинъ, Ѳ. Л. Гиляровъ и еще нѣкоторые—все совсѣмъ юные, я былъ между ними старшій. Мы и сговорились, что если придетъ князь на экзаменъ, не вставать (кромѣ, разумѣется, предсѣдателя), потому что онъ не къ намъ приходитъ, не здоровается съ нами, а потому будемъ сидѣть; и дѣйствительно, входитъ князь; мы сидимъ и стараемся показать, что очень заняты разговоромъ между собою. Князь поздоровался съ инспекторомъ и сѣлъ; экзаменъ продолжался. Черезъ нѣсколько времени князь всталъ, подошелъ къ той сторонѣ стола, гдѣ мы сидѣли, и вѣжливо расшаркался съ нами и поклонился. Мы при этомъ немного привстали. Будь такая штука позднѣе, въ министерство гр. Толстого, вѣроятно она худо бы для насъ кончилась да и для всей гимназіи, а тутъ ничего, только послѣ этого князь сталъ подавать руку учителямъ.

Что касается до непосредственнаго нашего начальства—директора, то тутъ, конечно, были отношенія очень сложныя. И самая личность директора была очень сложная, съ большими достоинствами и крупными недостатками. Это былъ въ высшей степени дѣятельный человѣкъ, умѣвшій управлять двумя гимназіями и въ то же время быть ближайшимъ человѣкомъ къ попечителю Левшину, у ко-

Digitized by Google

тораго онъ былъ нѣчто въ родѣ чиновника особыхъ порученій и окружного инспектора. Многочисленныхъ своихъ учениковъ онъ зналъ, какъ только можно было, и безпрестанно вступалъ и въ личныя сношенія и въ переписку съ родителями и воспитателями. При этомъ онъ не только зналъ учениковъ, но и понималъ ихъ требованія, умѣя отозваться на ихъ нужды и умѣя порадоваться ихъ успѣхамъ, ихъ совершенствованіямъ. Къ недостаткамъ его принадлежитъ то, что онъ былъ большой деспотъ, не допускавшій никакихъ возраженій. Учителя боялись его страшно, кромѣ, разумѣется, молодыхъ и неопытныхъ, еще не связавшихъ всѣхъ своихъ интересовъ съ гимназіей. Когда учителя проходили гимназическими коридорами, они старались не встрѣтиться съ нимъ. Онъ старался держать учителей въ черномъ тѣлѣ: отвелъ имъ для куренія, во время перемѣны между уроками, грязную комнату въ темномъ подвалѣ, безъ стола и стульевъ. Во время акта онъ не сажалъ учителей за столъ, за которымъ самъ сидѣлъ съ высшимъ начальствомъ, а сажалъ ихъ сзади, далеко отъ стола. Во время педагогическихъ совѣтовъ онъ говорилъ одинъ, изрѣдка спрашивая: «согласны?» и, не дожидаясь отвѣта, уже писалъ опредѣленіе совѣта. По поводу этого вспоминаю одинъ случай. Молодые учителя, недовольные такою безгласностью совѣта, сговорились: въ слѣдующемъ совѣтѣ, при первомъ же вопросѣ директора: «согласны?» скажемъ: «нѣтъ, не согласны», все равно, о чемъ бы ни говорилось. Открылось засѣданіе, и ужъ не знаю, услышалъ ли директоръ объ этомъ заговорѣ или случайно такъ вышло, только директоръ началъ рѣчь такъ: «служившій когда-то въ нашей гимназіи учитель такой-то, находящійся нынѣ безъ мѣста и безъ дѣла, больной, находится въ крайне затруднительномъ положеніи. Я полагалъ бы выдать ему пособіе изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи въ размѣрѣ сорока рублей. Согласны?» Мы было уже ротъ раскрыли сказать: «не согласны», да такъ и окаменѣли. Дальше

Digitized by Google

пошло въ совѣтѣ попрежнему, и мы уже болѣе не сговаривались. Кромѣ того, директоръ требовалъ точнаго соблюденія всякихъ формальностей и вообще всякихъ порядковъ, безъ чего, конечно, и нельзя, но онъ впадалъ иногда въ крайность. Одинъ разъ со мной случилось, что я, не помню—по нездоровью или просто по досадной забывчивости, не пришелъ на совѣтъ и не прислалъ вовремя рапорта о причинѣ отсутствія, можетъ быть потому, что некого было послать съ рапортомъ, что легко могло быть въ томъ большомъ семействѣ, въ которомъ я жилъ и на которое была всего одна прислуга. Я рѣшилъ, что объяснюсь о причинѣ отсутствія на другой день передъ уроками. Но, пришедши въ гимназію, узналъ отъ учителей, что директоръ распорядился на совѣтѣ записать меня въ протоколѣ отсутствующимъ «по неизвѣстной причинѣ». Послѣ этого я счелъ излишнимъ идти объясняться: пусть такъ и будетъ «по неизвѣстной причинѣ», и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Черезъ недѣлю получаю толстый пакетъ и въ немъ большую офиціальную бумагу, листа въ два, отъ директора. Въ бумагѣ прежде всего говорится о незаконномъ моемъ отсутствіи въ совѣтѣ, а затѣмъ и о другихъ вещахъ, изъ коихъ главная была та, что я не записывалъ въ книгѣ для записей уроковъ, что именно назначено къ слѣдующему уроку, дабы директоръ могъ слѣдить за размѣромъ задаваемыхъ уроковъ и такимъ образомъ предотвращать излишнее обремененіе учениковъ. Въ бумагѣ заключался и попрекъ мнѣ, что я былъ имъ, директоромъ, вызванъ изъ Твери; заключается бумага требованіемъ объяснить причину отсутствія въ совѣтѣ. Бумага взволновала всего меня. Я сидѣлъ почти всю ночь — писалъ отвѣтъ. Причину отсутствія я объяснилъ такъ, какъ выше было сказано. Что же касается до того, что я не записывалъ уроковъ, то мои записи, говорилъ я, не могли бы помогать въ отношеніи той цѣли, для которой онѣ назначены, по словамъ директора: я назначаю уроки не по книгѣ «отселѣ

Digitized by Google

доселѣ», а ученики приготовляютъ только то, что я имъ скажу и что́ выработано въ классѣ вмѣстѣ съ учениками. Если бы я написалъ, что именно выработали въ классѣ во время урока и что я сказалъ, директоръ никакъ не могъ бы по краткой записи опредѣлить, много это или мало, трудно или легко; но у каждаго ученика есть записки, по которымъ начальство можетъ точно видѣть, что именно дѣлается на урокахъ и что ученики приготовляютъ къ урокамъ. Относительно попрековъ мнѣ перемѣщеніемъ изъ Твери я замѣтилъ, что я готовъ опять ѣхать въ Тверь и куда угодно, вовсе не дорожу Москвой, что и было отчасти въ первое время по оставленіи 2-й военной гимназіи. На другой день директоръ приглашаетъ меня къ себѣ на квартиру и говоритъ: «Дайте разрѣшеніе уничтожить вашъ отвѣтъ; вы въ немъ представляете меня идіотомъ - педагогомъ, который понимаетъ только «отселѣ доселѣ»; я самъ былъ хорошимъ учителемъ». Я замѣтилъ: «Вѣдь вы прислали мнѣ бумагу за номеромъ».—«Все равно, я уничтожу и свою бумагу».

Такъ это дѣло, крупнѣйшее во всей моей учительской практикѣ, и кончилось. Но во всякомъ случаѣ оно показываетъ, что въ отношеніи къ директору у меня не все обстоитъ благополучно: ненавидѣлъ ли онъ во мнѣ не слишкомъ точное соблюденіе всякихъ формальностей или не замѣчалъ достаточно «трепета» въ отношеніи къ себѣ, а можетъ быть и подозрѣвалъ, что я дурно вліяю на другихъ молодыхъ учителей, только ладовъ у насъ не было. Въ концѣ учебнаго года читаю я циркуляръ попечителя московскаго учебнаго округа; въ немъ читаю отзывы директоровъ объ учителяхъ (это былъ, кажется, первый опытъ въ этомъ дѣлѣ и послѣдній). Нашъ директоръ, по обычаю, пишетъ, что у него учителя—первый сортъ, и перечисляетъ, какъ отличныхъ, почти всѣхъ, но меня пропустилъ. Посмѣялись товарищи надъ этимъ, и я съ ними посмѣялся, но въ глубинѣ души было не до смѣха: что же я, педагогъ или работающій надъ этимъ дѣломъ только изъ-за

Digitized by Google

куска хлѣба! Съ глубоко-сокрушеннымъ сердцемъ, совершенно разбитый физически и нравственно, съ наступившими каникулами уложилъ я кое-какія вещи въ чемоданъ и поѣхалъ отдыхать къ брату и доктору въ Новгородскую губернію. Всѣ каникулы былъ я растерянный; думалъ бросить гимназію. Воротился опять въ Москву. Къ счастію, въ это время для 5-й гимназіи назначили особаго директора, и таковымъ былъ почтенный ученый, профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, «армянскій божокъ», какъ его называли въ Москвѣ, Н. О. Эминъ. Съ нимъ сразу установились у меня наилучшія отношенія, и началось время спокойной, непрерываемой никакими ненужными волненіями, педагогической дѣятельности. Не могу сказать, чтобы и бывшій директоръ сохранилъ ко мнѣ непріятное чувство: онъ охотно навѣщалъ меня въ квартирѣ и, когда былъ перемѣщенъ въ помощники попечителя въ Вильну, нерѣдко переписывался со мною.

X.

Отношенія мои къ товарищамъ видны уже отчасти изъ предыдущаго. Прибавлю только, что я храню самыя свѣтлыя воспоминанія о тѣхъ нашихъ собраніяхъ, во время перемѣнъ, въ подвалѣ, въ курильной комнатѣ, безъ столовъ и стульевъ: двѣ гимназіи собирались въ этой небольшой комнатѣ, и было такъ весело, оживленно; остроты, шутки и смѣхъ безпрестанно оживляли это логовище—все можетъ быть потому, что мы здѣсь были далеки отъ начальства, чувствовали себя свободными,—въ этомъ отношеніи и логовище было на пользу. Да и что могло быть не на пользу этой свѣжей молодости? Особенно мнѣ нравился тогда юный, не старше нѣкоторыхъ учениковъ, тонкій, высокій, нѣсколько женственный по выраженію лица, А. И. Кирпичниковъ. И онъ ко мнѣ хорошо относился. Помню, экзаменъ въ старшемъ классѣ; назначена тема сочиненія. Я волнуюсь, что ученики

Digitized by Google

не сладятъ съ темой. А. И. былъ ассистентомъ. «Не бойтесь,—говоритъ онъ,—хорошо напишутъ». И дѣйствительно, написали много лучше, чѣмъ я ожидалъ. Почему А. И. такъ говорилъ? Должно быть потому, что онъ считалъ меня не плохимъ учителемъ. «Вотъ видите,—сказалъ онъ, прочитавши работы,—я говорилъ». Въ это время А. И. издалъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по университету и по преподаванію, свою, всѣмъ извѣстную, русскую грамматику.

Чрезвычайною симпатичностью отличался учитель греческаго языка К. И. Женсифовъ, болгаринъ, уже взрослымъ приплевшійся въ московскій университетъ. Онъ былъ извѣстный на своей родинѣ поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Райко»; въ Москвѣ онъ былъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и писалъ о южныхъ славянахъ. Ученики его страшно любили, но онъ имѣлъ слабость къ хмельному, которая и свела его рано въ могилу; я не помню такого стеченія народа на похоронахъ, какъ при его погребеніи. Этотъ національный болгарскій поэтъ страшно любилъ и Россію, видя въ ней спасеніе своей родины, что и осуществилось впослѣдствіи.

Учитель латинскаго языка былъ въ первое время В. П. Басовъ, котораго переводъ латинской грамматики Мадвига имѣлъ вначалѣ большое распространеніе. Это былъ знатокъ своего дѣла, преподававшій латинскую грамматику, между прочимъ, для будущихъ педагоговъ-классиковъ въ университетѣ московскомъ.

Послѣ Басова былъ учителемъ латинскаго языка В. Г. Зубковъ, впослѣдствіи профессоръ московскаго университета. Учителемъ исторіи сначала былъ добродушный нѣмецъ Ѳ. Э. Будде, а послѣ него магистръ всеобщей исторіи И. А. Лебедевъ (нынѣ товарищъ городского головы въ Москвѣ). Учителемъ географіи и вмѣстѣ инспекторомъ гимназіи былъ Ѳ. Ѳ. Миллеръ, знатокъ своего дѣла, издавшій нѣсколько географическихъ картъ и отлично рисовавшій

Digitized by Google

на доскѣ карты. Этотъ добродушный толстякъ, любитель пошутить и повеселиться, попалъ въ качествѣ инспектора, въ такія ежевыя рукавицы директора, что скоро очутился въ Преображенской больницѣ. Замѣчательно, что, черезъ годъ-два вышедши изъ больницы, какъ страдающій тихимъ помѣшательствамъ, онъ опять преподавалъ географію, и преподавалъ прекрасно, до своей смерти.

Въ эту же больницу попалъ учитель французскаго языка Эллена. Онъ участвовалъ въ войнѣ подъ Севастополемъ и былъ раненъ въ голову; пуля осталась, кажется, въ головѣ. Одинъ разъ, пришедши въ гимназію, онъ заговорилъ директору что-то несообразное; директоръ и говоритъ ему: «вы себѣ мушку приставьте къ затылку». На другой день Эллена приходитъ въ гимназію съ медалью въ петлицѣ за севастопольскую кампанію и говоритъ, обращаясь къ директору, показывая на медаль: «вотъ моя мушка!» Затѣмъ пришелъ въ классъ и, когда ученикъ сталъ читать молитву, сказалъ: «подождите», снялъ медаль и прочелъ написанное на оборотѣ ея: «на Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся вовѣки», затѣмъ велѣлъ читать молитву. Во время урока побѣжала по классу мышь; ученики, видя, что учитель-то не въ своей тарелкѣ, сняли съ себя сапоги и начали бросать въ мышь; тогда и Эллена снялъ съ себя сапоги и съ крикомъ, безъ сапогъ, началъ гнаться за мышью.

Я объ этомъ ничего не зналъ, но въ тотъ же день получаю письмо отъ Эллена, въ которомъ, вмѣсто его имени и фамиліи, стоитъ въ подписи «Кафтанъ Бенедиктова». Что такое? На другой день узнаю отъ учениковъ, что онъ переводилъ въ классѣ съ русскаго на французскій статью Бенедиктова, подъ заглавіемъ «Пропавшій кафтанъ». Переводилъ, переводилъ и вдругъ хватается за голову: «господа, кафтанъ нашелся!» Ученики: «гдѣ, гдѣ?» — «Кафтанъ этотъ—я». Эллена тоже, по выходѣ изъ больницы, былъ гдѣ-то учителемъ.

Центромъ, около котораго собирались всѣ учителя

Digitized by Google

5-й гимназіи этого перваго ея времени, была квартира учителя математики Д. Ѳ. Назарова. Сюда собирались учителя и повеселиться на досугѣ, и въ карты поиграть. Д. Ѳ. отличался тонкимъ, оригинальнымъ, интереснымъ умомъ и неистощимою изобрѣтательностью во всякихъ предпріятіяхъ. Какъ учителя математики, его, можно сказать, знала вся Москва, ибо уроки онъ давалъ съ 8 часовъ утра до 12 часовъ ночи, приблизительно уроковъ 60 въ недѣлю; но это не мѣшало ему участвовать во всякихъ пирушкахъ, часто быть въ театрѣ, наконецъ, и книжки писать; его учебникъ ариѳметики и особенно задачники пользовались извѣстностью, а задачники до сихъ поръ въ употребленіи. Послѣ Ѳ. Ѳ. Миллера сынъ же Ѳ. Ѳ. былъ инспекторомъ гимназіи.

Первое время 5-й гимназіи это было для педагогическаго ея персонала «Sturm- und Drangperiode».

XI.

Но главное для меня были отношенія къ ученикамъ. Первый годъ службы моей въ 5-й гимназіи былъ въ этомъ отношеніи колеблющійся: много для меня въ этотъ годъ было тяжелаго, и я не зналъ, укрѣплюсь ли я окончательно въ этой гимназіи. Въ слѣдующемъ году я нанялъ квартиру отдѣльную, на Остоженкѣ, въ домѣ, бывшемъ Ивановыхъ, и эту квартиру, на которой я прожилъ 17 лѣтъ, до конца моей службы въ Москвѣ, хорошо знали почти всѣ мои ученики. Я не находилъ для себя лучше и пріятнѣе общества, какъ мои ученики; поэтому дверь имъ всегда была открыта. Замѣчу прежде всего, что то, что я буду сейчасъ говорить объ отношеніи къ ученикамъ, относится только къ эпохѣ до Толстовской реформы гимназій, т.-е. до 1871—2 г. Ко мнѣ шли ученики и посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ, и за разрѣшеніемъ какого-нибудь волнующаго ихъ вопроса; шли и тѣ, которые хотѣли показать свое искусство въ пѣніи или игрѣ на какомъ-

Digitized by Google

нибудь музыкальномъ инструментѣ [1]), а иногда здѣсь что-нибудь читали и даже здѣсь же я заставлялъ иногда писать ученическія сочиненія. Въ вечерахъ принимали иногда участіе и другіе учителя, наприм. В. П. Басовъ, у котораго былъ хорошій басъ. Наиболѣе постоянными посѣтителями меня изъ учениковъ были: В. Исаенковъ и Н. И. Карѣевъ. Оканчивались вечера чаемъ и маленькой закуской, оканчивались часто довольно поздно. Это нисколько не нарушало правильныхъ, серьезныхъ отношеній къ ученикамъ въ классѣ. Какъ будто это даже помогало и дисциплинѣ въ классѣ, и тщательному отношенію учениковъ къ задаваемымъ работамъ. Мнѣ кажется, я могу сказать, что я былъ строгъ, но, при этой строгости, у меня до конца педагогическаго поприща сохранилась черта, симпатичная ученикамъ: я никогда не издѣвался надъ ученикомъ, самымъ убогимъ, всегда старался поднять ученика, внушить ему въ себя вѣру, бодрость душевную, и чѣмъ болѣе ученикъ былъ придавленный, пришибленный, тѣмъ больше я заботился о немъ. Я не позволялъ ученикамъ смѣяться надъ своимъ товарищемъ, надъ ошибками, недостатками. Поднять духъ слабаго, угнетеннаго для меня доставляло величайшее наслажденіе. И я получалъ за это награду. Помню, былъ у меня въ старшемъ классѣ ученикъ, надъ которымъ всѣ привыкли смѣяться; какъ-то вызвалъ я его отвѣчать урокъ, онъ покраснѣлъ, всѣ на него съ улыбкой оглядываются, приготовляясь къ дружному смѣху. Я грозно взглянулъ на классъ,—и этого было достаточно, чтобы настроеніе класса перемѣнилось; послѣ этого ученикъ оправился. Но нѣкоторые учителя пользовались этою конфузливостью ученика и издѣвались надъ нимъ, находя поддержку въ смѣхѣ товарищей его. Наконецъ, ученикъ не вытерпѣлъ, ушелъ изъ гимназіи. А какое трогательное письмо онъ мнѣ прислалъ, въ которомъ

---

[1]) Игрой на фортепіано отличался здѣсь ученикъ Кротковъ, впослѣдствіи директоръ московской консерваторіи.

Digitized by Google

благодаритъ и пишетъ, что вѣкъ не забудетъ меня и будетъ молиться обо мнѣ за то, что я не издѣвался надъ нимъ! До конца своей службы я жалѣлъ ученика, и если наказывалъ, а наказывалъ часто строго, самъ страдалъ съ нимъ и часто больше его страдалъ. Классъ у меня всегда проходилъ въ бодромъ настроеніи. Я не помню, чтобы я когда-нибудь зѣвнулъ во время урока, и не помню, чтобы кто-нибудь изъ учениковъ въ это время зѣвнулъ. Урокъ всегда былъ въ формѣ бесѣды съ учениками, захватывающей вниманіе всѣхъ. Особенно напряженное вниманіе класса было при раздачѣ сочиненій ученикамъ, а также при разработкѣ темы. Я берегъ самолюбіе ученика при выдачѣ сочиненія. Надобно замѣтить, что хорошенько выбранить ученика, т.-е. сдѣлать ему строгій выговоръ, это его не оскорбляетъ, а оскорбляетъ ехидная насмѣшка. Поэтому въ нужныхъ случаяхъ я дѣлалъ жестокіе выговоры, которые никогда однако же не отталкивали отъ меня ученика, но скорѣе еще болѣе привлекали. Говорю все это не по своимъ только догадкамъ, но отчасти по печатнымъ матеріаламъ — воспоминаніямъ бывшихъ моихъ учениковъ. Когда я былъ боленъ, ученики приходили ухаживать за мной, сбѣгать за докторомъ, за лѣкарствомъ и т. п., чтобы помочь моему старику-слугѣ. Когда я выходилъ на бульваръ Пречистенскій прогуляться, обыкновенно ученики подсаживались ко мнѣ на лавочку побесѣдовать.

Какъ характерный фактъ, указывающій на отношенія мои къ ученикамъ этого времени, приведу слѣдующій случай. Кажется, на третьемъ году моей службы въ этой гимназіи случился такой казусъ. Директоръ разсердился за что-то на перваго ученика одного изъ старшихъ классовъ и велѣлъ стереть его съ такъ называемой Золотой доски, на которую желтой краской записывались лучшіе ученики класса. Когда это было исполнено, на слѣдующемъ урокѣ оказалось, что всѣ записанные на

Digitized by Google

Золотую доску стерты, а ихъ было на этотъ разъ человѣкъ семь [1]).

Началось разслѣдованіе, ни до чего не доберутся. Тогда директоръ, зная, что отъ меня ученики ничего не скрываютъ, и въ виду серьезнаго нарушенія порядка, просилъ меня узнать, кто это сдѣлалъ. Я боялся взяться за исполненіе такого щекотливаго порученія: если мнѣ не скажутъ ученики, то между нами ляжетъ нѣкоторая тѣнь, а между тѣмъ, если это сдѣлалъ плохой ученикъ, ему могла грозить серьезная опасность. Я вошелъ въ классъ, посмотрѣлъ на доску: на ней остались только слѣды размазанной желтой краски. Послѣ этого я, стараясь быть спокойнымъ, спросилъ: «кто это сдѣлалъ?» Тотчасъ же встаетъ длинный красивый молодой человѣкъ и, съ важно опущенными длинными черными рѣсницами, отвѣчаетъ: «это я сдѣлалъ». Ученикъ этотъ былъ Влад. Серг. Соловьевъ, бывшій вторымъ ученикомъ въ классѣ, а первымъ ученикомъ былъ Н. И. Карѣевъ. «Зачѣмъ же вы это сдѣлали?»— «Если Карѣева стерли съ золотой доски, то мы никто не желаемъ быть на этой доскѣ». Это было такъ высказано, что я не нашелъ возможнымъ доказывать, что онъ очень дурно поступилъ, и доложилъ, какъ было дѣло, директору. Положеніе его было очень трудное; онъ сказалъ мнѣ, что онъ сообщитъ объ этомъ поступкѣ Соловьева его отцу, который тогда былъ ректоромъ университета. Я высказалъ, что, по моему мнѣнію, проступокъ этотъ, какъ заключающій въ себѣ только нарушеніе школьной дисциплины, долженъ бы быть наказанъ школой, а не переданъ на усмотрѣніе родителей. Чѣмъ это дѣло кончилось, я не знаю. Можетъ быть, просто ничѣмъ. Это все было до Толстовской реформы.

---

[1]) Имена ихъ, сколько мнѣ помнится, слѣдующія: Н. Карѣевъ, Влад. Соловьевъ, Писемскій (извѣстный романистъ), Исаевъ (впослѣдствіи профессоръ политической экономіи), Коротневъ (впослѣдствіи профессоръ зоологіи), Ярцевъ (впослѣдствіи профессоръ въ моск. универс.) и Кононовъ (умершій во время студенчества).

Digitized by Google

Это время я считаю лучшимъ временемъ гимназіи за періодъ моей педагогической службы. Легко дышалось въ гимназіи; міръ юности, дѣйствительно, былъ свѣтлый, не подавленный, и учитель дышалъ свободно, не угнетенный массой правилъ, циркуляровъ, предписаній, которыя не даютъ ступать свободно. Отсутствіе излишняго формализма дѣлало то, что не только учителя имѣли нѣкоторую свободу въ выборѣ и расположеніи учебнаго матеріала, но и ученики могли до нѣкоторой степени проявлять свою индивидуальность. Любви къ наукѣ, къ образованію въ это время положительно больше было въ ученикахъ, чѣмъ послѣ введенія Толстовской реформы; поэтому и развитіе ученика шло сильно и своеобразно.

XII.

Введеніе реформы гимназій 1871 года.

Но вотъ настало тяжелое время для гимназій и вообще въ исторіи нашего просвѣщенія, тяжелое для всѣхъ — и для учениковъ, и для ихъ родителей, и для учителей, и начальства. Но я не буду говорить о значеніи толстовской реформы гимназіи вообще; скажу только о томъ, какъ отразилась эта реформа на мнѣ, какъ преподавателѣ русскаго языка и словесности, на моихъ ученикахъ и вообще на той гимназіи, въ которой я служилъ.

Помню, собрались мы въ совѣтѣ читать различныя правила, распоряженія и постановленія, которыя относились къ введенію новаго устава. Изъ этихъ правилъ мы узнали, что есть въ гимназіи главные предметы: древніе языки и математика, второстепенные: русскій и новые языки, и третьестепенные, къ которымъ отнесенъ,—прости, Господи!—законъ Божій, а также исторія и географія, въ томъ числѣ отечественная исторія и географія. Разница между предметами разной степени была, во-первыхъ, въ количествѣ часовъ, назначенныхъ на каждый изъ этихъ пред-

Digitized by Google

метовъ: чѣмъ важнѣе степень, тѣмъ число уроковъ больше, а во-вторыхъ, въ той средней изъ четвертныхъ вѣдомостей годовой отмѣткѣ, какая требовалась для перевода въ слѣдующій классъ изъ главныхъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ предметовъ: тогда какъ по главнымъ предметамъ требовалось для этого 2, $2^1/_2$ до 3, смотря по классу (въ младшихъ классахъ меньше требовалось, въ старшихъ больше), по предметамъ второстепеннымъ требовалось во всѣхъ классахъ только $2^1/_4$, но съ тѣмъ, чтобы ученикъ на экзаменѣ получилъ 3, а по предметамъ третьей степени, по которымъ испытанія производились не въ каждомъ классѣ, достаточно было имѣть въ среднемъ $2^1/_4$, чтобы быть переведеннымъ въ слѣдующій классъ безъ экзамена въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ по этимъ предметамъ экзамена не полагалось. Потомъ мы узнали, что къ почетнымъ и вліятельнымъ обязанностямъ класснаго наставника привлекаются только преподаватели, имѣющіе въ классѣ наибольшее количество уроковъ; слѣдовательно, преподаватели русскаго языка, особенно въ старшихъ классахъ, разсчитывать на это не могутъ, такъ какъ у нихъ въ этихъ классахъ по 2 урока. Дальше узнали, что на должности инспекторовъ и директоровъ гимназіи назначаются тѣ преподаватели, которые доказали свои способности педагогическія въ качествѣ классныхъ наставниковъ. Значитъ, и на это преподаватели русскаго языка не могутъ разсчитывать. Ехидно, съ улыбкой посматривали на меня въ совѣтѣ классики; послѣ той, можно сказать, первенствующей роли, которую имѣлъ въ составѣ преподавателей учитель русскаго языка и словесности, это, дѣйствительно, для него должно было быть ударомъ. Я однако же не такъ смотрѣлъ: преподаватель русскаго языка въ предшествовавшемъ устройствѣ гимназій выдѣлялся своимъ значеніемъ не благодаря какимъ-нибудь особымъ распоряженіямъ, охранявшимъ и поднимавшимъ его значеніе, а единственно благодаря самому свойству этого предмета, живо соприкасающагося съ глубочайшими

Digitized by Google

умственными, нравственными и эстетическими интересами воспитывающагося поколѣнія.

Особенно я считалъ важными въ этомъ отношеніи сочиненія учениковъ: до тѣхъ поръ, пока эти послѣднія въ рукахъ учителя словесности и только учителя словесности, до тѣхъ поръ онъ держитъ нравственно воспитанниковъ въ своихъ рукахъ, хотя бы ему дали всего одинъ урокъ въ классѣ недѣльный или даже полъ-урока. Въ заграничныхъ гимназіяхъ назначаютъ сочиненія, или по крайней мѣрѣ въ то время назначали, не одни учителя отечественнаго языка, но и еще болѣе преподаватели древнихъ языковъ, и, кромѣ этого, тамъ весьма часто отечественный и древніе языки, равно какъ древняя исторія, совмѣщались у одного преподавателя. У насъ это невозможно было сдѣлать: учителя древнихъ языковъ большею частью русскаго языка не знали, а имѣть какое бы то ни было нравственное или эстетическое вліяніе на экстемпораляхъ было, конечно, невозможно. Такимъ образомъ, устройство гимназій было таково, что оно само, поддерживая внѣшнимъ образомъ классиковъ, внутреннимъ образомъ подрывало это значеніе. Пришлось прибѣгать къ грознымъ мѣрамъ для поддержанія классицизма. Начались разгромы гимназій одной за другой. Въ началѣ введенія классицизма во 2-й московской гимназіи, которая одна въ Москвѣ никогда не переставала быть классическою, случился первый разгромъ. Инспекторъ и нѣкоторые преподаватели этой гимназіи, недовольные не совсѣмъ благовиднымъ образомъ дѣйствій одного изъ преподавателей, рѣшили отстраняться отъ него и не подавали ему руки. Но этотъ преподаватель былъ классикъ, переводчикъ греческой грамматики Курціуса, знакомый Каткову и Леонтьеву. И вотъ, по требованію послѣднихъ, рѣшено разгромить гимназію, тѣмъ болѣе что директоромъ въ ней былъ естествовѣдъ (впослѣдствіи директоръ Петровской академіи въ Москвѣ), а инспекторомъ—учитель русскаго языка и словесности, извѣстный педагогъ В. П. Шереметевскій. И вотъ инспек-

Digitized by Google

торъ гимназіи вовсе удаленъ отъ службы, преподаватели, не поладившіе съ классикомъ, перемѣщены; директоръ самъ вышелъ. Событіе это для гимназіи, о которой я говорю, имѣло то значеніе, что сей классикъ, не пожелавшій послѣ этого оставаться въ стѣнахъ этой гимназіи, былъ перемѣщенъ въ 5-ю гимназію, а учитель греческаго языка въ 5-й гимназіи, К. И. Жинзифовъ, котораго ученики такъ любили, переведенъ во 2-ю гимназію. Скоро оказалось съ этимъ классикомъ что-то неладное: ученики у него такъ безпорядочно держали себя въ классѣ, такой крикъ и гвалтъ поднимали, при чемъ становились одинъ на другого, упражняясь въ акробатическихъ фокусахъ, что заниматься и въ сосѣднихъ съ этимъ классахъ не было никакой возможности. Благодушный директоръ Н. О. Эминъ только улыбался, смотря въ дверь этого класса, и показывалъ на это проходящимъ учителямъ: вотъ, молъ, какого молодца намъ прислали. Но дѣло становилось все серьезнѣе: ученики, узнавъ, что классикъ этотъ большой трусъ, изобрѣли такой способъ принудить его ставить имъ удовлетворительные баллы за отвѣты: какъ только онъ спросилъ одного ученика, такъ они начинали полѣньями, забранными заранѣе изъ приготовленныхъ для топки печей, стучать по столу, а ближайшіе къ учителю ученики вынимали ножики изъ кармана и раскрывали ихъ. Тогда ужъ, навѣрное, ученикъ получалъ 3. Но все-таки тутъ могло произойти Богъ знаетъ что: однажды ученики привѣсили ранецъ тяжелый съ книгами къ лампѣ и раскачали его такъ, чтобы классикъ, какъ войдетъ въ дверь, получилъ ударъ ранцемъ по головѣ. Къ счастію, классикъ какъ-то увернулся. Я уже привыкъ заботиться не только о своемъ дѣлѣ, но и дорожить честью гимназіи и позаботиться объ ученикахъ; поэтому я счелъ долгомъ сказать классику, чтобы онъ какъ-нибудь позаботился завести порядокъ у себя. Какъ онъ на меня обозлился: «А вамъ какое дѣло?»—«Да вы мѣшаете мнѣ заниматься въ классѣ, потому что шумятъ у васъ ученики».—«А вы знаете, что

Digitized by Google

было во 2-й гимназіи: тамъ всѣхъ выгнали, кто былъ противъ меня; я скажу П. М. Леонтьеву—и вамъ то же будетъ».—«Ну, этого не будетъ», а впрочемъ, думалъ я, Богъ знаетъ. Но оказалось, что нервы у бѣднаго классика такъ разстроены, что онъ заниматься больше не могъ: его, какъ излюбленное чадо тогдашней системы, на казенный счетъ отправили за границу для лѣченія, и что потомъ было съ нимъ, я уже не знаю, а къ намъ опять вернули любимаго всѣми К. И. Жинзифова.

Къ сожалѣнію, дошла очередь разгрома и до нашей 5-й гимназіи. Директоромъ у насъ былъ, какъ уже было сказано, Н. О. Эминъ, спеціалистъ армянской словесности, въ гимназіи имѣвшій нѣсколько уроковъ по русскому языку въ младшихъ классахъ, а инспекторомъ былъ Д. Ѳ. Назаровъ—математикъ. Такое начальство гимназіи, не имѣвшее никакого отношенія къ классицизму, было бѣльмомъ на глазу у высшаго начальства, хотя гимназію всѣ считали одной изъ самыхъ лучшихъ въ Москвѣ. Попечителемъ въ это время былъ въ Москвѣ кн. М., бравшій, по случаю назначенія въ попечители, уроки латинскаго языка у одного чеха-учителя, который однако же особыхъ успѣховъ съ нимъ не достигъ; ибо однажды, желая показать свое знаніе латинскаго языка, князь, вмѣсте поговорки: de gustibus non est disputandum, сказалъ: de mortuis aut bene, ant nihil. Окружнымъ инспекторомъ былъ классикъ-галичанинъ С. На бѣду 5-й гимназіи въ ней не было ни одного ни чеха, ни галичанина, которые тогда, въ качествѣ наставниковъ классицизма, пользовались особымъ покровительствомъ высшаго начальства. Былъ прежде одинъ галичанинъ, преподаватель греческаго языка, но его гимназія удалила, какъ неудовлетворительнаго преподавателя. И вотъ начинаются понемногу придирки къ 5-й гимназіи; сначала замѣчали, что въ ней слишкомъ много учениковъ оканчиваетъ курсъ, мало задержанныхъ въ старшемъ классѣ и исключенныхъ. Потомъ стали замѣчать и другія въ ней упущенія: однажды

Digitized by Google

пришелъ въ гимназію окружной инспекторъ С., прошелъ по коридору, гдѣ классы, приходитъ къ директору и говоритъ, что когда онъ проходилъ по коридору—дѣло было во время перемѣны и двери классовъ были раскрыты,—то замѣтилъ, что ученики смѣялись. Правда ли это, или нѣтъ, я не знаю, но могло быть и правда: ученики дали этому инспектору два смѣшныя прозвища. Директоръ позвалъ инспектора гимназіи, который въ это время былъ въ коридорѣ, и спросилъ: отчего ученики смѣялись при проходѣ окружного инспектора? Инспекторъ отвѣтилъ, что онъ не замѣчалъ этого. Позвали помощника классныхъ наставниковъ, который уже около 50 лѣтъ служилъ въ гимназіи и привыкъ все видѣть. Этотъ сказалъ прямо, что ученики не смѣялись. Тогда директоръ сказалъ: «извините, я имъ вѣрю». Ну, значитъ, надо было ожидать крупной исторіи. Приходитъ время экзаменовъ. На экзамены въ VII классѣ, на всѣ является окружной инспекторъ съ злобнымъ и жестокимъ видомъ. Ученики, и безъ того волнующіеся особенно на «испытаніи зрѣлости», совсѣмъ растерялись. Учителемъ латинскаго языка въ это время былъ недавно переведенный къ намъ изъ провинціи protege попечителя. Этотъ, никогда доселѣ не преподававшій латинскаго языка въ старшихъ классахъ, тоже совсѣмъ растерялся. Директоръ, забывшій латинскій языкъ, выпустилъ на экзаменѣ вожжи изъ рукъ. И вотъ окружной инспекторъ, одинъ на свободѣ, допрашиваетъ учениковъ: какъ будетъ perfectum? какъ supinum? Ученики едва держатся на ногахъ; съ нѣкоторыми было уже дурно. Какъ только ученикъ не знаетъ чего, слышится возгласъ: «довольно», «ступайте». Ужасно было не только экзаменоваться, но и смотрѣть на этотъ экзаменъ. Такъ продолжались всѣ экзамены. Одинъ разъ былъ на нихъ и попечитель. По нѣкоторымъ признакамъ видно было, что пущена была насчетъ гимназіи какая-то скверная сплетня. По крайней мѣрѣ, попечитель почему-то внимательно распрашивалъ одного изъ экзаменующихся—экс-

Digitized by Google

терна, носившаго фамилію богатыхъ московскихъ купцовъ, кто его родители, и, узнавъ, что отецъ его умеръ, а былъ какой-то маленькій чиновникъ, очень удивился и долго не могъ въ толкъ взять. По окончаніи всѣхъ экзаменовъ директоръ получилъ отъ попечителя письменный выговоръ за плохіе успѣхи учениковъ, за то, что въ гимназіи слишкомъ многихъ переводятъ. Инспекторъ переведенъ въ учителя другой гимназіи; учитель латинскаго языка тоже перемѣщенъ. Директоръ послѣ этого не счелъ также возможнымъ оставаться въ гимназіи и подалъ въ отставку. Это было въ 1876 г. На мѣсто выбывшихъ назначены: директоромъ—уже бывшій въ гимназіи учителемъ латинскаго языка В. П. Басовъ, инспекторомъ и вмѣстѣ учителемъ греческаго языка—галичанинъ, слабо владѣвшій русскимъ языкомъ; учителемъ латинскаго языка—чехъ. Значитъ, гимназія была приведена въ порядокъ. Должно сказать, что болѣе или менѣе сильному разгрому подвергались въ это время и другія московскія гимназіи; такъ, 3-я гимназія подверглась разгрому за то, что на письменномъ испытаніи зрѣлости по латинскому языку произошелъ недосмотръ наблюдателей: ученики списали работу. За это директоръ уволенъ былъ по 3-му пункту. Въ 4-й гимназіи произошла такая исторія: кн. М. пришелъ въ классъ, всѣ, конечно, встали. Князя сопровождалъ директоръ. Теперь какъ сѣсть? Стульевъ въ классѣ всего два, а имѣющихъ претензію на стулъ, вмѣстѣ съ преподавателемъ, трое. Попечитель положилъ на одинъ изъ стульевъ свою шляпу и стоялъ; стояли, конечно, и всѣ, и такъ урокъ продолжался. Наконецъ, попечитель съ директоромъ вышли, и только что они вышли, какъ одинъ ученикъ и скажи: «всѣ стояли, а шляпа сидѣла». Послѣдовалъ взрывъ смѣха. Прибѣжалъ совсѣмъ потерявшій голову директоръ: «что, что такое?» ему объяснили; «останьтесь всѣ послѣ уроковъ на 2 часа, и вы съ ними», сказалъ онъ, обращаясь къ учителю. Тогда учитель тотчасъ же вышелъ изъ гимназіи и подалъ прошеніе объ

Digitized by Google

увольненіи отъ службы. Но недолго продержался и директоръ, въ гимназіи котораго произошла такая исторія; его уволили въ отставку за выслугой лѣтъ, и такимъ образомъ, какъ тогда говорили педагоги, «дѣло было въ шляпѣ» во всѣхъ отношеніяхъ. Разгромы гимназій еще энергичнѣе творились въ провинціяхъ. Объ этомъ, конечно, не публиковалось, но до меня доходили извѣстія вопіющія и вѣрныя. Скажу объ одномъ примѣрѣ. Былъ въ провинціальныхъ гимназіяхъ кочевавшій изъ одной гимназіи въ другую учитель русскаго языка Шейнъ. Этотъ Шейнъ былъ изъ крещеныхъ въ лютеранскую вѣру евреевъ. Онъ извѣстенъ, какъ собиратель великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ. Однажды приходитъ ко мнѣ старикъ, совершенный калѣка. Онъ назвалъ свою фамилію Шейнъ; я его зналъ, какъ собирателя пѣсенъ. Онъ заявилъ, что онъ желалъ бы, чтобы я упомянулъ о его сборникѣ пѣсенъ въ моей теоріи словесности. Я, конечно, съ удовольствіемъ согласился. Потомъ онъ началъ мнѣ разсказывать о своей судьбѣ удивительныя вещи. Онъ былъ уже во многихъ, сначала низшихъ (онъ получилъ только низшее школьное образованіе), потомъ въ среднихъ, учебныхъ заведеніяхъ и вездѣ замѣчалъ въ учителяхъ и начальствѣ вольномысліе, развратъ и пьянство, чему, конечно, слѣдовали и ученики. Поэтому онъ считалъ долгомъ доносить объ этомъ высшему начальству, и вездѣ, къ его удовольствію, изгоняли изъ школъ виновныхъ, но и ему оставаться оказывалось не совсѣмъ удобнымъ, потому что ученики становились къ нему въ угрожающее положеніе. Въ настоящее время онъ числился учителемъ въ калужской гимназіи. Директоръ и учителя этой гимназіи, говорилъ онъ, собираются по очереди другъ у друга, пьянствуютъ, развратничаютъ, поютъ запрещенныя пѣсни, и онъ, разумѣется, счелъ долгомъ донести объ этомъ начальству. Послѣ этого ему невозможно стало выйти на улицу; ему казалось, что его хотѣли бить, особенно ученики. Наконецъ, вотъ на-дняхъ ночью былъ

Digitized by Google

подожженъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и подожженъ отъ крыльца, чтобы онъ не выскочилъ. Послѣ этого губернаторъ и предводитель дворянства, минуя попечителя, обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой объ удаленіи изъ гимназіи и изъ города не директора съ его приближенными, а его, Шейна. Испытавши такимъ образомъ несправедливость къ себѣ во всѣхъ школахъ, онъ болѣе не желаетъ служить и проситъ только, кого слѣдуетъ, объ усиленной пенсіи, каковую онъ впослѣдствіи и выхлопоталъ. Какъ я ни уважалъ и ни цѣнилъ энергичную, самоотверженную дѣятельность Шейна по части собиранія памятниковъ русскаго народнаго творчества, но разсказъ его меня крайне возмутилъ, и я болѣе не желалъ его видѣть.

Можно себѣ представить, что сдѣлали эти разгромы съ гимназіями: всѣ въ педагогическомъ персоналѣ боялись другъ друга, не довѣряли одинъ другому; приглашенные славяне стали рожномъ въ педагогической средѣ, потому что они только и держались высшимъ начальствомъ и какъ чуть что, такъ къ нему обращались: идеи какого-нибудь товарищества педагогическаго, какой-нибудь порядочности товарищественной, а также и учительской имъ были чужды, при данной обстановкѣ даже, можетъ быть, и невозможны. И все то, что накипѣло въ педагогахъ, все это отражалось и на ученикахъ. Довѣріе между педагогами и учениками исчезло; я ужъ и не говорю о какой-нибудь любви, уваженіи.

Лично ко мнѣ ученики относились насколько возможно хорошо, но чувствовалась и перемѣна; напр., прежде, когда ученикъ встрѣчалъ меня на Пречистенскомъ бульварѣ, онъ непремѣнно любезно раскланяется, ласково смотря въ глаза, а часто подойдетъ и поговоритъ, посидитъ вмѣстѣ на лавочкѣ; теперь, замѣтивъ, старается свернуть куда-нибудь въ сторону. Посѣщенія меня учениками на квартирѣ почти совсѣмъ прекратились, по крайней мѣрѣ прекратились такія посѣщенія, при которыхъ ученики чувство-

Digitized by Google

вали себя у меня совсѣмъ какъ у близкаго родного. А между тѣмъ я, во все время своего пребыванія въ гимназіи до 1883—4 учебнаго года, былъ безспорно однимъ изъ самыхъ близкихъ ученикамъ наставниковъ и пользовался ихъ полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ, какого, можетъ быть, я и не заслуживалъ.

XIII.

Справедливость однако же заставляетъ сказать, что люди, которые были въ Москвѣ и ея округѣ проводниками этой злой системы, были сами по себѣ совсѣмъ не злые. Не забуду я, какъ любезно и предупредительно отнесся ко мнѣ кн. М., когда я учебное время почти всего года былъ прикованъ къ постели жестокимъ ревматизмомъ: безъ всякой моей просьбы, по представленію директора В. П. Басова, князь разрѣшалъ нѣсколько разъ выдать мнѣ пособіе, вмѣсто того, чтобы уволить меня по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ по закону. Когда же я, вставши съ постели, пришелъ поблагодарить князя, онъ предложилъ мнѣ отправиться на годъ за границу для полнаго возстановленія здоровья, съ сохраненіемъ жалованья и съ пособіями. Я не принялъ этого предложенія, боясь соскучиться за границей, и надѣялся лучше поправиться за привычною работой и въ привычной обстановкѣ жизни.

Разсказы всѣ, предметомъ которыхъ былъ кн. М., разсказы, относящіеся къ его не служебнымъ, а частнымъ свойствамъ, были всѣ очень милаго характера. Напр., онъ любилъ поговорить иногда съ преподавателями, и въ бесѣдахъ этихъ обнаруживалась его, можно сказать, sancta simplicitas. Приведу изъ многихъ разсказовъ о немъ два достовѣрнѣйшихъ факта. Однажды онъ приходитъ въ гимназію во время письменнаго испытанія зрѣлости по русскому языку и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ, что онъ очень мнѣ благодаренъ за тему, которую я рекомендовалъ для этого испытанія (темы каждаго изъ учителей отпра-

Digitized by Google

влялись попечителю на выборъ); тема, мною рекомендованная, были извѣстные стихи Пушкина.

Но въ искушеньяхъ, долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ, тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Въ этой темѣ, говорилъ онъ, есть что-то утѣшительное (дѣло было въ смутную эпоху конца семидесятыхъ годовъ). «Только я,—говорилъ онъ,—пропустилъ изъ этой темы послѣднія слова: «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ», потому что они не совсѣмъ понятны и могутъ сбить ученика съ толку; скажите пожалуйста, какъ вы понимаете это мѣсто? объясните мнѣ технически, какимъ образомъ изъ битья стекла можетъ выйти булатъ? Я объяснилъ. «Да, такъ вотъ что! но ученики этого, навѣрное бы, не поняли». Между тѣмъ ученики почти всѣ знали эти слова и привели ихъ въ сочиненіи съ полнымъ разумѣніемъ.

Относительно этой темы разскажу еще одинъ случай. Кто-то изъ постороннихъ поинтересовался узнать, какая тема предложена въ гимназіи, и просилъ письмомъ одного изъ преподавателей сообщить тему. Тотъ написалъ ее и въ конвертѣ послалъ со сторожемъ въ квартиру этого господина. Сторожъ что-то не вдругъ отыскалъ квартиру. Полицейскій замѣтилъ его, что онъ ходитъ съ конвертомъ, и почему-то сторожъ показался ему подозрительнымъ. Онъ остановилъ сторожа, взялъ у него письмо и посмотрѣлъ, что въ немъ; увидѣвъ, что въ письмѣ говорится что-то о стеклобитьѣ, онъ отправилъ сторожа въ участокъ, оттуда къ полицемейстеру; оттуда съ городовыми его препроводили въ гимназію длл повѣрки личности и для объясненій. Насилу дѣло выяснилось.

Другой случай съ кн. М. на экзаменѣ по географіи.

Дѣло было во время русско-турецкой войны. Обращаясь къ учителю, который считался знатокомъ дѣла, попе-

Digitized by Google

читель сказалъ: «Вчера я прочелъ въ газетахъ, что турецкій корабль сѣлъ на мель около Сычевокъ. Скажите пожалуйста, этого совсѣмъ быть не можетъ: у меня имѣніе въ Сычевскомъ уѣздѣ (Смоленской губ.), и я хорошо знаю, что тамъ и моря никакого нѣтъ: какъ же можетъ турецкій корабль сѣсть на мель около Сычевокъ?» — «Я полагаю, что это опечатка», сказалъ учитель. «Я и самъ то же думаю», замѣтилъ попечитель и при этомъ, говорятъ, указалъ на свой лобъ, довольно высокій.

Повидимому, можно ли было ожидать отъ такого попечителя какой-нибудь злобы, чего-нибудь давящаго и до основанія разоряющаго, безжалостнаго во имя высшихъ принциповъ? А между тѣмъ такъ было дѣло. Что-то какъ будто въ атмосферѣ педагогической было убивающее у людей чувство любви, жалости, состраданія, и изъ этого добряка вышелъ, кажется, самый жестокій попечитель въ Россіи. Что было причиною этого,—близость ли Каткова и Леонтьева, творцовъ классической школы у насъ, изъ коихъ особенно Леонтьевъ, маленькій горбачъ, но умный, какъ большая часть горбачей, былъ бездушенъ. Помню случай съ нимъ, когда я былъ еще въ университетѣ: за ядовитыя выходки Леонтьева, когда студентъ дѣлалъ ошибки въ латинской грамматикѣ, студенты-филологи, обыкновенно смиренные, но выведенные изъ терпѣнія, рѣшили его освистать. По случаю такого рѣшенія въ аудиторію словесности набралась масса студентовъ, особенно медиковъ, помогать. И вотъ только что вошелъ Леонтьевъ въ аудиторію, раздался свистъ. Леонтьевъ, блѣдный, взошелъ на каѳедру и сказалъ: «Что за животные звуки я слышу? Мнѣ казалось, что имѣю здѣсь дѣло съ существами, обладающими способностью къ членораздѣльной человѣческой рѣчи. Если кто изъ васъ недоволенъ, выйдите и скажите». Нѣкоторые изъ студентовъ вышли и сказали, что причиной этого грубое обращеніе его со студентами, и назвали свои фамиліи; Леонтьевъ записалъ ихъ. Потомъ спокойно объяснилъ имъ: «Вы мнѣ доставили непріятныя

Digitized by Google

минуты; за это неудовольствіе, причиненное мнѣ вами, вы должны получить непріятность, можетъ быть, на всю жизнь». Студентовъ потомъ уволили изъ университета. Наказаніе, конечно, не выдающееся, но, какъ оно обосновано, показываетъ натуру этого человѣка. Можетъ быть, причиною особеннаго удушья въ московскомъ округѣ было множество въ немъ учителей-чеховъ и галичанъ, которые почему-то особенно облюбовали московскій учебный округъ и у большинства которыхъ, кромѣ карьерныхъ и денежныхъ, никакихъ другихъ интересовъ въ Россіи не было. Какъ бы то ни было, но въ этой атмосферѣ самые, повидимому, добрые люди—педагоги—дѣлались сухими и жесткими.

Директоръ 5-й московской гимназіи В. П. Басовъ былъ по натурѣ очень добрый человѣкъ, но держался въ это время такого принципа (послѣдніе только годы своей жизни онъ бросилъ этотъ принципъ): учениковъ надо бить единицами въ продолженіе года, чтобы они лучше выдержали экзаменъ, а то что же будетъ? въ продолженіе года будемъ-съ снисходительными, а потомъ выйдетъ плохо? Я говорилъ ему откровенно, ужъ лучше разомъ пусть убьютъ, чѣмъ мучить цѣлый годъ. Я самъ не былъ на сторонѣ излишней снисходительности, поблажки, но всегда оставлялъ ученику, самому плохому, просвѣтъ, надежду, для возбужденія силы, энергіи. Въ преподаваніи древнихъ языковъ и вообще въ тогдашней воспитательной системѣ этого не полагалось.

Помню такой случай. Былъ въ IV клас. ученикъ С., сынъ доктора. Не везло ему что-то: лупятъ ему учителя единицы да и только; забитымъ онъ смотрѣлъ, жалкимъ. Помню, что при выходѣ изъ гимназіи послѣ уроковъ онъ старался встрѣтиться со мною и заговорить. Что ему надобно было, Господь знаетъ; послѣ мнѣ казалось, что онъ какъ будто хотѣлъ найти во мнѣ помощь, опору.

Однажды онъ исправилъ въ своей бальной книжкѣ (въ этомъ нелѣпомъ тоже изобрѣтеніи) 1 на 4 и въ этомъ

Digitized by Google

видѣ показалъ книжку отцу, а когда надо было возвращать книжку классному наставнику, подскребъ исправленную отмѣтку и поставилъ опять настоящую. Классный наставникъ замѣтилъ подчистку и показалъ книжку директору, который позвалъ ученика и объяснилъ ему, что за такую поддѣлку документа онъ можетъ быть исключенъ изъ гимназіи, и сказалъ, что онъ вызоветъ его отца. На другой день директоръ передъ уроками вошелъ въ учительскую комнату блѣдный, растерянный. «Большое несчастіе случилось, господа. С. вчера изъ гимназіи пошелъ на желѣзную дорогу и положилъ голову на рельсы, подъ поѣздъ». Передъ этимъ онъ ходилъ по вокзалу и писалъ. Послѣ оказалось, что онъ писалъ проклятіе учителямъ-классикамъ, а нѣкоторымъ учителямъ посылалъ поклонъ. Потомъ объяснили, что онъ былъ въ ненормальномъ состояніи; это подтвердилъ и отецъ-докторъ. Ну, конечно, въ ненормальномъ: кто же сдѣлаетъ это въ нормальномъ состояніи? Педагоги же утѣшали себя тѣмъ, что такая важная вещь, какъ латинская грамматика, требуетъ себѣ жертвъ.

Не помню, Добролюбовъ или Писаревъ говорилъ, что для достиженія нѣкоторыхъ общественныхъ цѣлей необходимо хорошенько озлобить наше юношество при посредствѣ школы, чтобы оно получило хорошій закалъ въ злобѣ на всѣ окружающіе ихъ порядки: тогда, по выраженію Писарева, тараканъ будетъ пойманъ. И школа эта средняя какъ будто нарочно вела именно къ этому. Мы не умѣемъ соблюсти середину между распущенностью школы и неумолимою жестокостью и бросаемся изъ одной стороны въ другую, думая найти въ крайности спасеніе. Причина этого отчасти въ томъ, что мы дѣйствуемъ обыкновенно въ школьномъ дѣлѣ не по собственному убѣжденію, не сообразно съ требованіями окружающихъ насъ условій, а только соображаясь съ тѣмъ, куда подуетъ вѣтеръ изъ центральнаго управленія нашимъ просвѣщеніемъ: куда подулъ вѣтеръ, туда мы сейчасъ изо всѣхъ силъ,

Digitized by Google

боясь отстать отъ другихъ и остаться за флагомъ, а все норовимъ даже обогнать другихъ, дабы отличиться. Необходимо дать болѣе самостоятельности педагогическому дѣлу; педагоги имѣютъ дѣло съ слишкомъ нѣжнымъ матеріаломъ, чтобы можно было безопасно обращаться съ нимъ только на основаніи циркуляровъ, предписаній, а не на основаніи требованій сердца и чувства человѣческаго.

XIV.

Моя педагогическая дѣятельность въ Москвѣ послѣ реформы гимназій (1871—1883).

Но обращусь къ моей педагогической дѣятельности въ Москвѣ за первыя двѣнадцать лѣтъ послѣ реформы гимназіи, произведенной гр. Толстымъ, т.-е. съ 1871 по 1883 годъ (въ этотъ послѣдній годъ я оставилъ 5-ю гимназію и вмѣстѣ съ тѣмъ Москву).

Я уже сказалъ, что пришибленное положеніе въ это время преподаванія русской словесности заставило меня еще тщательнѣе заботиться о достоинствѣ этого преподаванія, чтобы сохранить то положеніе нравственное въ гимназіи, которое до сихъ поръ занималъ. Въ это время забота педагоговъ была о томъ, чтобы какъ можно болѣе низводить науку, дабы сдѣлать ее доступною ученикамъ; полагалось самымъ правильнымъ считать учениковъ несмысленными, чуть не идіотами, которымъ ничто *высокое* недоступно и которымъ самые пустяки надо разжевывать и разжевывать. И это одинаково какъ относительно учениковъ младшихъ, такъ и старшихъ классовъ. Я, напротивъ того, старался показать ученикамъ, что смотрю на нихъ нѣсколько повыше того, что они сами думаютъ о себѣ, и это приподнимало учениковъ и мало-по-малу ставило ихъ, дѣйствительно, на тотъ уровень, какой я имъ показывалъ; тогда я долженъ былъ еще приподнять этотъ уровень; всегда хотѣлъ держать ихъ въ состояніи стремленія къ лучшему, совершеннѣйшему, чего они еще не до-

Digitized by Google

стигли, но достиженіе чего для нихъ нравственно обязательно.

Далѣе, программа русской словесности предписывала не входить въ содержаніе разбираемыхъ литературныхъ произведеній, ибо содержаніе ихъ считалось зловреднымъ для юношества; по крайней мѣрѣ, говорилось въ программѣ, относительно содержанія, не выходить изъ предѣловъ, указанныхъ въ учебникѣ исторіи русской словесности Галахова; подробно же разбирать литературныя произведенія полагалось спеціально съ грамматической и стилистической стороны. Я, находя, что анализъ сочиненій съ грамматической стороны—дѣло низшихъ классовъ, со стилистической же стороны нельзя разбирать произведеніе независимо отъ его содержанія, дозволялъ себѣ, подвергаясь, конечно, риску, объяснять литературныя произведенія и со стороны содержанія, насколько это считалъ полезнымъ и необходимымъ для учениковъ. Далѣе, при разборѣ сочиненій, запрещалось указывать внутреннюю связь между ними, историческую послѣдовательность идей литературныхъ. Я рѣшительно не могъ этого исполнить, потому что ничего не могу дѣлать и говорить, не заботясь о какой бы то ни было послѣдовательности. Записки въ это время выдавать или диктовать ученикамъ какія бы то ни было по предмету преподаванія было строго воспрещено, потому что Богъ знаетъ что можетъ написать-таки учитель, и велѣно строго держаться опредѣленнаго учебника. Уроки свои, въ извлеченіи, я пересталъ диктовать, но и учебника никакого ученикамъ въ руки не давалъ: хотѣлъ, чтобы всѣ литературныя свѣдѣнія учениковъ, получавшіяся ими отъ преподавателя, были только выводомъ изъ разбираемыхъ въ классѣ произведеній, а не заучивались безсмысленно изъ учебника.

Можетъ быть, отъ этого потерпитъ нѣсколько дѣло относительно твердости отвѣтовъ на экзаменѣ, но, безъ сомнѣнія, выиграетъ въ сущности его, а главное, только благодаря такому преподаванію, можно постоянно дер-

Digitized by Google

жать классъ въ напряженномъ вниманіи и всегда поддерживать живой интересъ къ дѣлу. Неосмысленное, неанализирующее въ должной степени содержаніе литературныхъ произведеній и неимѣющее внутренней связи и послѣдовательности преподаваніе словесности было тѣмъ болѣе невозможно, что на испытаніи зрѣлости отъ ученическаго сочиненія, предметомъ котораго большею частью были литературныя темы, требовалось болѣе или менѣе обстоятельное разумѣніе литературныхъ явленій, пониманіе послѣдовательнаго хода развитія словесности,—однимъ словомъ, требовалось обнаруженіе нѣкотораго литературнаго образованія; иначе зрѣлость ученика, во всякомъ случаѣ, подвергалась сильному сомнѣнію. Какое же литературное образованіе можетъ быть при разборѣ произведеній словесности, отстраненномъ отъ идей литературныхъ и лишенномъ связи и послѣдовательности? Мы тогда только «усвоиваемъ» что-нибудь, когда ставимъ это въ связь съ тѣми знаніями, которыя уже имѣемъ, а чѣмъ эта связь глубже, чѣмъ отношенія между пріобрѣтаемыми нами свѣдѣніями имѣютъ болѣе характеръ неразрывности одного отъ другого, тѣмъ болѣе эти свѣдѣнія дѣлаются нашими, «усвоенными». Всякія же пріобрѣтаемыя нами знанія, оторванныя одно отъ другого, не дѣлаются дѣйствительнымъ нашимъ умственнымъ богатствомъ; они только излишнее обремененіе мозга и обыкновенно скоро и улетучиваются. Притомъ только тѣ свѣдѣнія могутъ дѣйствовать на улучшеніе нашего нравственнаго міросозерцанія, которыя дѣлаются дѣйствительнымъ органическимъ достояніемъ нашей души, а не нанизываются кое-какъ на нашу способность, такъ сказать, механическаго запоминанія. Мы часто видимъ, что гимназистъ или реалистъ, прошедшіе весь курсъ своихъ учебныхъ заведеній, выдержавшіе испытаніе по всѣмъ программамъ преподаванія, даже выдержавшіе съ большимъ успѣхомъ, остаются по своему умственному, нравственному, эстетическому міросозерцанію на степени совер-

Digitized by Google

ненно необразованныхъ людей, что обнаруживается ими особенно въ сочиненіяхъ, въ которыхъ они никакъ не могутъ приложить пріобрѣтенныхъ ими знаній къ тѣмъ самымъ примитивнымъ вопросамъ нравственной и общественной жизни, которыхъ касается заданная тема. Они могли бы написать на вопросъ, который стоитъ въ билетѣ ихъ программы, и то отвѣтить безъ всякой внутренней послѣдовательности излагаемыхъ ими данныхъ, а сколько могла сохранить ихъ память на этотъ моментъ экзамена, насколько они успѣли повторить объ этомъ передъ экзаменомъ, а какъ только они не успѣли повторить, такъ они безпомощны: сущность дѣла не стала ихъ достояніемъ. Отсюда и происходитъ, что наши кончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ большею частью нестойки въ своихъ убѣжденіяхъ; каждый, задумавшій воспользоваться ими для своихъ цѣлей, можетъ сбить ихъ съ толку, и только не можетъ привлечь ихъ на свою сторону офиціальная наука, которая дала имъ такъ мало въ школѣ. Причина всего этого—недовѣріе свыше къ педагогамъ, особенно къ такимъ, какъ преподаватели русской словесности, которыхъ предметъ преподаванія слишкомъ тѣсно связанъ со всѣмъ нравственнымъ міросозерцаніемъ человѣка. Но, по моему мнѣнію, каковъ бы ни былъ педагогъ, ему все-таки болѣе надобно вѣрить, чѣмъ тѣмъ случайнымъ нравственнымъ вліяніямъ, которымъ непремѣнно подвергается ученикъ въ той средѣ, въ которой онъ живетъ, и въ тѣхъ книгахъ, которыя ему случайно попадаютъ въ руки. Безъ довѣрія къ педагогу не можетъ быть истиннаго образованія и воспитанія.

Въ правильности указаннаго мною способа преподаванія убѣждало меня и то, что ревизоры, посѣщавшіе мои уроки, не возражали ничего противъ этого способа. Одинъ изъ наиболѣе мною чтимыхъ окружныхъ инспекторовъ московскаго учебнаго округа, Л. И. Лаврентьевъ, не разъ приходилъ ко мнѣ на урокъ въ VIII кл., именно незадолго до письменнаго испытанія зрѣлости, и, выслу-

Digitized by Google

шавъ мое систематическое изложеніе по поводу сочиненія какого-либо автора, назначалъ темой для письменнаго испытанія зрѣлости, конечно съ разрѣшенія попечителя, то, о чемъ была рѣчь у меня на урокѣ. Таковы были темы: «Значеніе Крылова въ исторіи русской литературы», а также—«Главные типы въ произведеніяхъ Гоголя».

XV.

Но если я все-таки былъ болѣе или менѣе стѣсненъ программами въ преподаваніи русской словесности, по крайней мѣрѣ не смѣлъ прямо и откровенно высказать моего способа преподаванія, какъ рѣзко уклоняющагося отъ существующей программы, то въ дѣлѣ веденія сочиненій, которое я считалъ не менѣе важнымъ, чѣмъ преподаваніе словесности, я былъ совершенно свободенъ. Дѣло въ томъ, что офиціальная программа, какъ ни старалась привести сочиненія учениковъ къ повторенію, или изложенію безсмысленныхъ, т.-е. лишенныхъ содержанія и послѣдовательности, уроковъ, а также къ письменнымъ переводамъ съ древнихъ языковъ, все-таки она не могла строго выдержать это и допускаетъ всякія темы: и отвлеченныя и историческія, и такія литературныя, которыя не заключаются только въ повтореніи урока. Поэтому на веденіе сочиненій я употреблялъ не менѣе половины уроковъ (впрочемъ, всѣхъ уроковъ на русскую словесность было всего по два въ VI — VIII кл.). По поводу сочиненій, обсуждая темы съ учениками, я могъ бесѣдовать съ ними обо всемъ, что находилъ для нихъ полезнымъ. Нерѣдко темой сочиненій были произведенія иностранной литературы, особенно Шекспира и Шиллера. Уроки, посвященные ученическимъ сочиненіямъ, были, пожалуй, у меня самые важные уроки. Однажды, пришедши въ классъ, я замѣтилъ, что вмѣстѣ съ учениками сидитъ чиновникъ министерства нар. пр., мнѣ незнакомый. Послѣ урока я узналъ, что это былъ

Digitized by Google

предсѣдатель ученаго комитета мин. нар. пр. А. И. Георгіевскій. Посѣтивши еще одинъ изъ моихъ уроковъ, онъ вступилъ въ бесѣду со мной о веденіи ученическихъ сочиненій. Эта бесѣда навела меня на мысль изложить подробно мой «методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназіи». Написавъ статью подъ этимъ заглавіемъ, я хотѣлъ ее напечатать въ «Журналѣ мин—ва нар. пр.». Тогда еще не было частныхъ педагогическихъ журналовъ. Но такъ какъ этотъ методъ долженъ былъ имѣть руководящее значеніе, то въ редакціи «Журн. мин. нар. пр.» онъ могъ встрѣтить затрудненіе въ напечатаніи; поэтому я послалъ статью А. И. Георгіевскому съ тѣмъ, что если онъ найдетъ полезнымъ, послалъ бы ее отъ себя въ «Журн. мин. нар. пр.». Скоро статья появилась въ этомъ журналѣ, что доставило мнѣ большое удовольствіе. Одинъ изъ уважаемыхъ педагоговъ сказалъ мнѣ, что статья эта составитъ эпоху въ дѣлѣ веденія сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Скоро я перепечаталъ статью въ видѣ отдѣльной брошюры и приложилъ къ ней темы сочиненій, распредѣленныя по классамъ (1881 г.). Брошюра была принята педагогической критикой очень благосклонно (см. Виктора Острогорскаго: «Бесѣды о преподававаніи словесности») и по крайней мѣрѣ въ московскомъ учебномъ округѣ имѣла большое вліяніе на способъ веденія сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Какая путаница въ этомъ дѣлѣ существовала тогда у насъ, да и теперь существуетъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго. Однажды, это было въ 1877 г.,—попечитель московскаго учебнаго округа затребовалъ свѣдѣній отъ всѣхъ преподавателей русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько письменныхъ работъ бываетъ у каждаго изъ нихъ въ годъ; предполагалось регулировать это дѣло и требовать отъ каждаго учителя разсмотрѣнія извѣстнаго числа работъ, такъ какъ за разсмотрѣніе письменныхъ упражненій полагается особое

Digitized by Google

вознагражденіе; между прочимъ имѣлось въ виду, для поощренія преподавателей къ болѣе частому задаванію письменныхъ работъ, давать вознагражденіе по количеству этихъ работъ. Свѣдѣнія, отобранныя такимъ образомъ у преподавателей, были отправлены управленіемъ учебнаго округа на заключеніе разсматривавшаго въ то время сочиненія учениковъ, написанныя ими на испытаніи зрѣлости, профессора моск. унив. Н. С. Тихонравова, который разсматривалъ эти сочиненія очень тщательно и ежегодно представлялъ о нихъ подробный докладъ попечителю округа. Разсмотрѣвъ доставленныя преподавателями свѣдѣнія о числѣ письменныхъ работъ, задаваемыхъ каждымъ изъ нихъ въ продолженіе года, Н. С. Тихонравовъ собралъ у себя, по распоряженію Попечителя, всѣхъ преподавателей русской словесности въ московскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, для обсужденія означеннаго вопроса о числѣ сочиненій, какое долженъ назначать каждый преподаватель русскаго языка въ продолженіе учебнаго года. Собраніе было, конечно, подъ предсѣдательствомъ проф. Тихонравова, который, открывая собраніе, началъ рѣчь въ такомъ родѣ: «Разсматривая сочиненія учениковъ, написанныя ими на выпускныхъ испытаніяхъ, уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и ознакомившись теперь съ числомъ сочиненій, назначаемыхъ каждымъ изъ преподавателей русскаго языка въ продолженіе года, я пришелъ къ тому выводу, что чѣмъ больше сочиненій назначаетъ преподаватель, тѣмъ сочиненія учениковъ на испытаніи зрѣлости хуже, и наоборотъ: чѣмъ меньше, тѣмъ лучше». Minimum количества сочиненій въ годъ при этомъ оказался 8—9 (вмѣстѣ и домашнихъ и классныхъ), maximum—сто съ чѣмъ-то. Въ самыхъ плохихъ гимназіяхъ по сочиненіямъ, какъ, напр., въ обѣихъ нижегородскихъ, было наибольшее количество сочиненій. Выставлялось такое количество этихъ работъ, какого, очевидно, невозможно было бы пересмотрѣть. Если же онѣ и были бы пересмотрѣны, то пересмотрѣны

Digitized by Google

кое-какъ и заданы кое-какъ, безъ всякаго обсужденія задаваемыхъ темъ и безъ всякаго руководства учителя. Такой способъ обученія сочиненіямъ, очевидно, можетъ только вредить этому дѣлу, какъ пріученіе къ пустой, неосмысленной болтовнѣ. Такъ и пришлось отмѣнить проектъ назначенія вознагражденій за разсмотрѣніе сочиненій по числу заданныхъ работъ. Особенно мнѣ было трудно въ то время настоять на разнообразіи темъ. По прямому смыслу программы выходитъ такъ, что какъ будто упражненія учениковъ въ сочиненіяхъ должны быть исключительно на литературныя темы, въ связи съ курсомъ литературы. Такъ это почти всегда и дѣлалось въ гимназіи; къ этому уже всѣ привыкли. И вотъ однажды появляется въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» фельетонъ, въ которомъ сообщается слѣдующее приблизительно: «Въ настоящіе дни ученики 5-й гимназіи голову ломаютъ себѣ надъ такой темой: «Воспоминаніе и надежда, какъ два главные источника радости для человѣка». А передъ этимъ они писали вотъ еще на какую тему: «Границы между искусствами на основаніи сочиненія Лессинга «Лаокоонъ». Должно быть, философы ученики 5-й гимназіи», и въ заключеніе фельетонистъ рекомендуетъ такую тему: «Что хуже: искать и не найти или найти и потерять?» На другой день прихожу я въ VII классъ, гдѣ была назначена вышеозначенная тема о воспитаніи. Замѣчаю по глазамъ учениковъ, что они статью прочитали и что она доставила имъ развлеченіе. Ожидалось очевидно, что я заговорю о статьѣ, такъ что ученики, по поводу этого казуса, даже не вынули книгъ изъ столовъ, приготовляясь слушать. Я однако не хотѣлъ придать такого важнаго значенія статьѣ и сталъ, по обычаю, спрашивать урокъ. Но, какъ видно, нетерпѣніе у нихъ разгоралось, да и я самъ, можетъ быть, былъ не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Наконецъ, одинъ ученикъ, воспользовавшись нѣкоторымъ антрактомъ во время урока, спрашиваетъ: «Какая будетъ тема на экзаменѣ?» (т.-е. литературная, историческая или

Digitized by Google

отвлеченная). Дѣло было незадолго до экзамена. Вопросъ, вызывающій на ту бесѣду, какой ученики желали, былъ поставленъ очень искусно, какъ и вообще ученики, при нормальномъ ходѣ дѣла, дѣйствуютъ чрезвычайно искусно. «А вы,—сказалъ я, обращаясь ко всему классу,—какую тему желали бы?» При этомъ раздается голосъ: «Только не отвлеченную». Это былъ отвѣтъ, какого я ожидалъ. «Какъ? васъ можетъ сбить съ толку всякій фельетонъ! Можетъ быть, тотъ, кто писалъ этотъ фельетонъ, учился меньше васъ: почемъ вы знаете? Вы до сихъ поръ всегда просили меня, чтобы я классныя сочиненія задавалъ вамъ на отвлеченныя темы; у васъ есть и привычка писать на нихъ. Въ литературныхъ темахъ достоинство сочиненія зависитъ главнымъ образомъ отъ того, насколько кто знаетъ о томъ предметѣ, о которомъ тема. Тутъ вы не будете поставлены на экзаменѣ всѣ въ одинаковыя условія; могутъ быть и случайные пробѣлы въ знаніи, которые, конечно, отразятся очень невыгодно на сочиненіяхъ, тогда какъ при отвлеченныхъ темахъ вы всѣ стоите въ одинаковыхъ условіяхъ. До сихъ поръ вы это понимали; какъ же вы вдругъ перестали это понимать?» Послѣдовалъ общій отвѣтъ: «Лучше отвлеченную тему». Въ этотъ же день я получилъ дома отъ директора конвертъ, въ которомъ запечатанъ этотъ фельетонъ, съ сообщеніемъ, что попечитель округа требуетъ письменнаго объясненія и съ предложеніемъ написать таковое. Попечителемъ въ это время былъ человѣкъ, понимающій въ педагогическомъ дѣлѣ, самъ бывшій и инспекторомъ, и директоромъ гимназіи, не былъ только учителемъ; это былъ князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ.

Въ объясненіи я написалъ между прочимъ, о чемъ было напечатано и въ циркулярахъ попечителя: «Когда попечитель моск. учебнаго округа объѣзжалъ въ нынѣшнемъ году гимназіи округа, то во всѣхъ гимназіяхъ онъ нашелъ однѣ и тѣ же темы сочиненій въ старшихъ классахъ: «Стародумъ и Правдинъ», «Скотининъ и Скалозубъ»,

Digitized by Google

«Чацкій и Фамусовъ», «Чичиковъ и Хлестаковъ», «Плюшкинъ и Ноздревъ», и вездѣ, во всѣхъ городахъ, все эти темы съ нѣкоторыми неважными варіяціями, такъ что, по замѣчанію попечителя, даже надоѣло все одно и то же»; къ этому я прибавилъ: «кромѣ того, что изъ гимназическаго курса литературы очень немного можно извлечь литературныхъ темъ, я нахожу, что вѣчное упражненіе въ такого рода сочиненіяхъ, изображающихъ почти исключительно только отрицательную сторону жизни, односторонне, я и ненахожу очень полезнымъ въ воспитательномъ отношеніи. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого приходитъ ко мнѣ на урокъ попечитель какъ разъ въ то время, когда я отбиралъ у учениковъ сочиненія на тему, подвергшуюся нападенію въ фельетонѣ. Попечитель сѣлъ, по своему обычаю, вмѣстѣ съ учениками и взялъ сочиненіе сосѣда, а я въ это время принималъ отъ каждаго сочиненіе, бѣгло просматривалъ его и если замѣчалъ что-нибудь очевидно неладное: небрежность или неряшливость, отдавалъ переписать вновь. Ученикъ, у котораго взялъ попечитель сочиненіе для прочтенія, былъ выдающійся ученикъ именно по мастерству изложенія, а также и по большому для его возраста умственному развитію. Это былъ извѣстный впослѣдствіи ученый и одинъ изъ самыхъ популярныхъ педагоговъ въ Москвѣ, преподаватель русской словесности Сергѣй Варшеръ. Большое его сочиненіе, необыкновенно тщательно и чисто переписанное, блестящее и по мыслямъ и по изложенію, не могло, конечно, не удивить попечителя; я былъ въ душѣ радъ, видя, что онъ читаетъ именно это сочиненіе; но затѣмъ онъ еще прочелъ сочиненія два. Когда урокъ кончился, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «прекрасныя сочиненія», потомъ, обращаясь къ ученикамъ, сказалъ: «такія темы и впередъ будутъ». Хотя у меня уже и было дѣло раньше улажено съ учениками, но все-таки я находилъ, что попечитель поступилъ съ большимъ тактомъ и съ большою любезностью ко мнѣ и что онъ это дѣло окончательно порѣшилъ.

Digitized by Google

По поводу этого преобладанія у меня отвлеченныхъ темъ я долженъ сказать, что въ 5-й московской гимназіи съ начала ея существованія развилось въ ученикахъ нѣкоторое стремленіе къ философствованію, т.-е. къ рѣшенію общихъ вопросовъ жизни и нравственности. И замѣчательно, что почти всѣ выдававшіяся впослѣдствіи личности изъ числа учениковъ этой гимназіи тогдашней ея эпохи были съ сильнымъ философскимъ направленіемъ. Не говоря уже о самомъ Влад. Соловьевѣ (окончилъ курсъ гимназіи въ 1869 г.), умъ котораго считается едва ли не самымъ сильнымъ философскимъ умомъ въ Россіи, не лишены философскаго направленія: товарищъ его Н. И. Карѣевъ, написавшій между прочимъ сочиненія: «Основные вопросы философіи исторіи», «Философскіе этюды» и пр., а также ученики слѣдующаго выпуска: С. С. Корсаковъ (окончилъ курсъ въ 1870 г.), котораго «Курсъ психіатріи» проникнутъ философскимъ психологическимъ элементомъ и который былъ дѣятельнымъ членомъ московскаго психологическаго общества и сотрудникомъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Товарищъ Корсакова былъ кн. Цертелевъ, критикъ философіи Шопенгауэра. Если не ошибаюсь, г. Лопатинъ, теперешній редакторъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», также былъ нѣкоторое время въ московской 5-й гимназіи, но курсъ кончилъ не въ этой гимназіи. Такимъ образомъ, представители возродившагося въ Москвѣ въ семидесятыхъ годахъ философскаго направленія мысли, и притомъ главные представители, въ значительномъ числѣ состояли изъ бывшихъ учениковъ 5-й московской гимназіи.

Точно такъ же въ этой гимназіи была сильна любовь къ литературѣ. Нѣкоторые ученики, еще будучи въ гимназіи, уже печатали свои произведенія. Такъ, братъ Влад. С. Соловьева, Всев. С. Соловьевъ, извѣстный романистъ, уже будучи въ гимназіи, помѣщалъ въ журналахъ свои стихотворенія. Литературный интересъ поддерживался особенно тѣмъ, что многіе ученики этой гимназіи принадлежали

Digitized by Google

по своему, такъ сказать, рожденію къ литературной средѣ и къ наиболѣе образованнымъ фамиліямъ; въ ней обучались: всѣ сыновья Д. Ѳ. Самарина, сыновья протоіерея Григорія Смирнова-Платонова, бывшаго редактора «Православнаго Обозрѣнія», сыновья романиста Писемскаго, профессоровъ: С. М. Соловьева, Баршева, Млодзѣевскаго, князь Шаховской, впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, авторъ книги о Н. Гиляровѣ-Платоновѣ, и много другихъ. Любовь къ литературѣ выразилась и въ томъ, мнѣ особенно симпатичномъ, явленіи, что многіе изъ учениковъ этой гимназіи тогдашняго времени посвятили себя преподаванію русской словесности; кромѣ упомянутаго С. Варшера, позволю себѣ назвать нѣкоторыхъ другихъ выдающихся московскихъ преподавателей словесности: моего преемника по преподаванію словесности въ 5-й гимназіи С. Г. Смирнова, А. Е. Грузинскаго, Н. И. Виноградова; назову также профессора русской словесности въ казанскомъ университетѣ Е. Ѳ. Будде. Я упомянулъ здѣсь только учениковъ, съ большинствомъ которыхъ не прерывалъ отношеній по выходѣ ихъ изъ гимназіи и не прерываю до настоящаго времени.

Заинтересованность учениковъ въ литературѣ дѣлала то, что ихъ сочиненія на литературныя темы представляли и для учителя живой интересъ. Большею частью ученики писали у меня по плану, выработанному ими самими подъ моимъ руководствомъ. Въ этомъ случаѣ наибольшій интересъ представляла выработка плана, къ каковой ученики подготовлялись недѣли за двѣ, почитывая нѣкоторыя сочиненія, относящіяся къ темѣ. Но иногда въ старшемъ классѣ я не давалъ предварительно выработаннаго плана; тогда ученики останавливались въ своемъ сочиненіи на тѣхъ сторонахъ содержанія темы, которыя имъ особенно близки.

Особенно большое оживленіе въ классѣ по поводу сочиненій было тогда, когда я приносилъ эти сочиненія, разсмотрѣнныя и оцѣненныя. Ученики всегда ждали этого

Digitized by Google

съ напряженнымъ интересомъ. И я самъ чувствовалъ это отношеніе учениковъ къ моей оцѣнкѣ, и потому она происходила, съ моей стороны, съ величайшимъ вниманіемъ. Я чувствовалъ, что всякое слово, высказанное мною въ это время, имѣетъ большое значеніе не въ учебномъ только отношеніи, но и нравственно-воспитательномъ. Въ виду этого я съ такимъ вниманіемъ разсматривалъ сочиненія, что при раздачѣ ихъ помнилъ въ подробностяхъ сочиненіе каждаго ученика, какъ въ цѣломъ, такъ и въ его частяхъ, какъ его достоинства, такъ и недостатки, помнилъ, можно сказать, почти каждое выраженіе ученика; зналъ хорошо, какіе недостатки сочиненія повторяются у нѣсколькихъ учениковъ и у какихъ именно, какіе ученики сходятся въ мысляхъ и въ какихъ именно, у какихъ учениковъ есть одинаковыя выраженія и т. п. Если бы мнѣ сейчасъ показать сочиненіе моего ученика, написанное тридцать пять лѣтъ тому назадъ, я бы вспомнилъ его во всѣхъ подробностяхъ.

XVI.

Я смотрѣлъ на сочиненія, какъ на важнѣйшее воспитательное орудіе, разумѣется, если только ученики съ учителемъ откровенны и не боятся его предательства, увѣрены въ его благожелательности къ каждому изъ нихъ. По поводу высказанныхъ учениками въ ихъ сочиненіяхъ мыслей приходилось обсуждать всякіе вопросы. Между прочимъ сочиненія учениковъ для меня были указателями нравственной атмосферы, существующей въ данный моментъ въ гимназіи. Приведу одинъ примѣръ. Иногда бывало такъ, что какую тему ни задай ученикамъ, они непремѣнно заговорятъ о самоубійствѣ: назначь о необходимости труда для человѣка, они непремѣнно напишутъ, что нетрудящійся, отъ бѣдности ли, отъ скуки ли, придетъ къ самоубійству; назначь о томъ, какую пользу приноситъ чтеніе, опять то же, что чтеніе избавляетъ че-

Digitized by Google

ловѣка незанятаго отъ хандры, а иначе хандра можетъ привести къ самоубійству. Сначала я считалъ это просто вошедшимъ въ моду, глупымъ шаблономъ. Но вотъ послѣ такихъ рѣчей, смотришь, кто-нибудь и вылетѣлъ. Тогда ученики перестаютъ писать о самоубійствѣ; но вотъ опять начинаютъ писать о томъ же,—смотришь, опять вылетѣлъ кто-нибудь, такъ что я убѣдился, что такого рода исчезновеніе кого-либо изъ учениковъ есть болѣе или менѣе результатъ общаго настроенія и что, слѣдовательно, надобно дѣйствовать на это общее настроеніе, чтобы предотвратить несчастіе. По поводу этого припоминаю такой случай. Нѣсколько учениковъ старшаго класса при развитіи какой-то темы, не имѣющей никакого отношенія къ самоубійству, все-таки написали о немъ, написали, что для самоубійства нужна сила воли, твердый характеръ, что такимъ образомъ самоубійца есть въ нѣкоторомъ родѣ герой. Я зналъ, что это не выдумка учениковъ, что тогдашняя модная литература проповѣдывала такіе взгляды; но болтовня литературная нерѣдко отражалась въ юномъ поколѣніи результатами печальными. Я рѣшилъ поговорить объ этомъ серьезно съ учениками, именно уяснить имъ, что самоубійство есть признакъ слабости воли, это есть боязнь жить, трусость передъ жизненной борьбой или же это есть ненормальное состояніе духа, соединенное главнымъ образомъ съ ослабленіемъ воли,—состояніе, которому у простонародья обыкновенно предшествуетъ продолжительное пьянство, а въ интеллигентныхъ классахъ—продолжительная безсонница. Когда я развивалъ эти мысли примѣрами, взятыми изъ литературы, вдругъ отворяется дверь класса—входитъ ревизоръ. Немножко досадно было, что не во время, такъ какъ обсужденіе этого вопроса требовало интимности, и нѣкоторые ученики, какъ всегда было въ подобныхъ случаяхъ, возражали мнѣ. Но дѣлать нечего, не привыкъ я скрываться и не хотѣлъ стать предъ учениками въ смѣшное положеніе, вдругъ перемѣнивъ рѣчь. Я, какъ будто ничего не произошло,

Digitized by Google

продолжаю рѣчь о самоубійствѣ. Этою рѣчью воодушевился, наконецъ, самъ ревизоръ и началъ свою рѣчь такъ: «два войска борются между собою, и вдругъ одно изъ этихъ войскъ все лишило себя жизни самоубійствомъ. Хорошо это? Кто же тогда будетъ защищать отечество, если войска сами себя будутъ убивать, а? кто?» Но въ это время раздался звонокъ, возвѣстившій окончаніе урока. Ученики долго помнили эту рѣчь; вѣроятно и теперь помнятъ и вѣроятно никто изъ нихъ никогда не чувствовалъ послѣ этого охоты застрѣлиться. И въ самомъ дѣлѣ, если всѣ застрѣлятся, кому же тогда защищать отечество?

Еще большій интересъ возбуждался въ классѣ по поводу сочиненій, когда я одному ученику предлагалъ прочитать свое сочиненіе вслухъ всего класса (обыкновенно это было лучшее сочиненіе въ классѣ), а другимъ ученикамъ предлагалъ указать недостатки его. При этомъ ученикъ сначала прочитывалъ все сочиненіе, потомъ начинался разборъ и прежде всего со стороны содержанія, т.-е. со стороны правильности общаго пониманія темы, а также правильности и отдѣльныхъ мыслей, входящихъ въ сочиненіе, потомъ со стороны расположенія и наконецъ выраженія. Разборъ этотъ обыкновенно былъ такъ строгъ и обстоятеленъ, что разборъ учителя никогда въ этомъ отношеніи не могъ съ нимъ сравниться; ученики не пропускали ни одной мелочи безъ замѣчаній; всякія крайности въ сочиненіи, всякія преувеличенія, неточности—все подвергалось ихъ строгому суду. Большею частью возраженія были такъ убѣдительны, что упираться автору нельзя было; но иногда завязывался горячій споръ, который въ концѣ-концовъ надобно было рѣшить преподавателю. Ученики-товарищи обыкновенно съ такимъ усердіемъ нападали на читавшаго свое сочиненіе, что преподавателю, насколько возможно, приходилось держать сторону читавшаго, чтобы его не сбили совсѣмъ съ толку. Въ концѣ-концовъ учениками дѣлался выводъ вообще о

Digitized by Google

сочиненіи, и этотъ выводъ всегда былъ безпристрастенъ и почти всегда безусловно правиленъ.

Иногда при помощи сочиненія приходилось направлять мысль ученика и въ политическомъ отношеніи. Въ гимназіи, о которой я говорю, не было у учениковъ въ мое время стремленія политиканствовать; но иногда попадали въ нее ученики изъ провинціальныхъ гимназій съ самымъ крайнимъ политическимъ направленіемъ. Разскажу одинъ случай. Дѣло было въ концѣ семидесятыхъ или началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда наша школа вообще подверглась сильнѣйшему вліянію политическихъ агитаторовъ. Въ это тяжкое для школъ время поступилъ въ 8-й классъ одинъ ученикъ изъ провинціальной гимназіи, парень лѣтъ 20, не глупый, но мрачный, смотрѣвшій исподлобья воспаленными глазами; съ товарищами, повидимому, онъ плохо сближался; въ свое время подаетъ онъ первое домашнее сочиненіе, читаю его—сочиненіе проникнуто Писаревымъ, Шелгуновымъ и еще болѣе—распространенной тогда подпольной литературой. Въ этомъ году была въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ извѣстная панихида по Чернышевскомъ; онъ и Чернышевскаго сюда приплелъ, говоря, что Чернышевскій «на всякомъ поприщѣ дѣятельности былъ бы цѣлой головой выше всѣхъ окружающихъ», и о панихидѣ по немъ упомянулъ,—однимъ словомъ, онъ захотѣлъ показать въ сочиненіи, что стоитъ въ уровень своей эпохѣ и не посрамитъ московской гимназіи. На другой день, пришедши въ гимназію, я позвалъ его въ отдѣльную комнату для объясненій. «Что вы за чепуху здѣсь написали?»—Какую?—Я ему сказалъ, въ чемъ чепуха. Сначала онъ пробовалъ себя оправдывать, но вдругъ истерически разрыдался; я узналъ отъ него о несчастномъ его семейномъ положеніи и что онъ живетъ въ Москвѣ одинъ, гдѣ-то на чердакѣ. Рыданія его не давали ему возможности объясниться по самому дѣлу-то, поэтому я сказалъ, чтобы онъ завтра пришелъ сюда же объясниться. На другой день онъ пришелъ совсѣмъ уже

Digitized by Google

въ другомъ настроеніи. На вопросъ мой: «Что вы скажете по поводу содержанія вашего сочиненія?» онъ отвѣтилъ рѣзко: «я писалъ то, въ чемъ я убѣжденъ; это мои убѣжденія, и если надобно за нихъ пострадать, я готовъ». По поводу различныхъ нелѣпыхъ мѣстъ въ его сочиненіи, на которыя я указалъ ему, онъ отвѣчалъ только: «Это мое убѣжденіе».

На вопросъ мой, съ какою цѣлью онъ изложилъ эти свои убѣжденія, когда это къ темѣ вовсе не относилось: ужъ не желалъ ли онъ подѣйствовать на меня, чтобы обратить меня къ тѣмъ же мнѣніямъ; вѣдь ученическое сочиненіе пишется собственно для учителя, на разсмотрѣніе только ему, на этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ. Что прикажете съ такимъ молодцомъ дѣлать? Въ виду того, что онъ рѣшительно объявлялъ о своей готовности на все и что онъ какъ будто даже жаждетъ пострадать, и въ виду того, что онъ обдумалъ хорошо, какъ онъ будетъ себя держать въ этотъ день предо мною, совершенно перемѣнивъ вчерашній тонъ, я пришелъ къ заключенію, что тутъ убѣжденіями ничего не возьмешь: для него желаніе пострадать было даже выше убѣжденій. Но что же, не жаловаться же на него? Я рѣшился на обыкновенное свое средство, которое употреблялъ въ болѣе важныхъ случаяхъ, когда другія средства не дѣйствуютъ, хотя въ данномъ случаѣ это было довольно щекотливо и небезопасно; я рѣшился, такъ сказать, предать его суду его товарищей, на которыхъ, впрочемъ, я надѣлся, какъ на каменную гору. «Такъ вы желаете пропагандировать ваши убѣжденія?» спросилъ я. «Да». — «Хорошо, вотъ ваше сочиненіе, завтра вы принесете его въ гимназію; вы будете читать его въ классѣ».—«Хорошо». На другой день, когда я вошелъ въ этотъ классъ, я замѣтилъ въ классѣ напряженное состояніе; видно, что уже ожидали чего-то особеннаго. Я былъ тоже, конечно, очень серьезенъ, потому что и для меня рѣшался вопросъ: ошибаюсь я въ своихъ ученикахъ или нѣтъ? Въ случаѣ же ошибки мнѣ грозило, пожалуй, обвиненіе въ распространеніи сочине-

Digitized by Google

ній преступнаго содержанія, и между кѣмъ же? Между своими учениками! Сѣвши на свое мѣсто, я обратился къ этому ученику: «Прочтите ваше сочиненіе». Классъ совсѣмъ затихъ и напряженно слушалъ, лукаво поглядывая на меня и стараясь понять, въ чемъ дѣло. При наиболѣе хлесткихъ фразахъ читавшаго ученики начинали улыбаться; потомъ, по мѣрѣ уясненія характера сочиненія, улыбка все болѣе переходитъ въ смѣхъ, который все усиливается: всѣмъ ясна была глупость и неумѣстность этой болтовни. Съ читающаго начинаетъ уже градомъ лить потъ; онъ поблѣднѣлъ; онъ чувствуетъ, что ошибся въ отношеніи товарищей къ его сочиненію, а еще до самаго пикантнаго мѣста въ сочиненіи онъ не дошелъ; наконецъ, духъ у него сперло: онъ остановился. «Позвольте мнѣ дальше не читать».—«Нѣтъ, читайте», говорю я.—«Не могу». Онъ сдѣлался совершенно блѣденъ. «Будете ли писать впередъ такой вздоръ?»—«Не буду».—«Никогда?»—«Никогда».—«Садитесь». Такимъ образомъ онъ пострадалъ за свои якобы убѣжденія, но только пострадалъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ этого желалъ. Послѣ этого онъ перемѣнился: сталъ открыто и свѣтло смотрѣть, какъ будто болѣзнь съ него свалилась, вошелъ въ среду товарищей и преблагополучно кончилъ курсъ, ни въ чемъ не провинившись. Этотъ свой подвигъ педагогическій я считаю однимъ изъ самыхъ важныхъ въ своей жизни. Послѣ этого я даже не взялъ прочитаннаго сочиненія себѣ, а оставилъ его въ рукахъ читавшаго ученика, вполнѣ увѣренный, что онъ изорветъ его на мелкіе клочки.

XVII.

Иногда ученики 5-й гимназіи обнаруживали слишкомъ рано страсть къ литературѣ, именно къ самостоятельной литературной дѣятельности, подъ вліяніемъ окружавшей ихъ литературной среды. Помню, въ первые годы моего учительства въ Москвѣ былъ въ IV классѣ гимназіи ученикъ, по фамиліи, если не ошибаюсь, Мешельковъ. Въ

Digitized by Google

то время я еще назначалъ сочиненія и въ IV кл., впослѣдствіи я находилъ, что это слишкомъ рано. Упомянутый мною ученикъ писалъ удивительно красиво по изложенію. Я въ этомъ году (1870) назначалъ въ IV классъ темы, предметомъ которыхъ былъ разсказъ о собственной жизни ученика до поступленія въ гимназію и послѣ него. Помню, темы были такія: описаніе родины, жизнь до поступленія въ гимназію, поступленіе въ гимназію, любимыя занятія и развлеченія, любимыя книги, воскресный день, каникулы. Какъ видно, между темами была нѣкоторая послѣдовательность. И вотъ изъ сочиненій означеннаго ученика на эти темы вышла цѣлая большая тетрадь какъ бы одного связнаго большого труда. Когда отдавались мнѣ сочиненія, всѣ ученики обыкновенно просили, чтобы Мешельковъ прочелъ свое сочиненіе, обыкновенно въ нѣсколько листовъ, и оно доставляло настоящее удовольствіе не только ученикамъ, но и мнѣ. Къ сожалѣнію, этою способностью ученика воспользовалась мелкая московская пресса и стала его заставлять писать на злобы дня для журналовъ. Будучи не изъ состоятельной семьи, онъ началъ такимъ образомъ зарабатывать деньги. Скоро онъ увидѣлъ, что служитъ уже не Аполлону, а Мамону и въ старшихъ классахъ началъ все болѣе и болѣе опускаться въ успѣхахъ, опускаться даже въ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ былъ уже не изъ лучшихъ. Замѣтна была психическая усталость. Потомъ сталъ задумываться, задумываться и, скоро по окончаніи курса въ гимназіи, покончилъ съ собой, этотъ прелестный юноша, поэтическихъ, мечтательныхъ глазъ котораго я до сихъ поръ не могъ забыть.

Послѣ этого я уже безъ сочувствія относился къ слишкомъ раннему авторству учениковъ. Между ними въ то время были довольно-таки распространены такъ называемые «ученическіе журналы». Иногда ученики подносили мнѣ таковой журналъ, большею частью разрисованный, иногда даже красками. Я относился къ этой забавѣ уче-

Digitized by Google

ковъ совершенно безразлично, находя только, что эта забава все же лучше многихъ другихъ, особенно когда она не скрывается. Но послѣ событія съ означеннымъ ученикомъ я сталъ приходить къ убѣжденію, что преждевременное авторство, особенно въ виду того, что оно можетъ скоро сдѣлаться нѣкотораго рода гешефтомъ для ученика, скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Тѣмъ болѣе, что въ толстовскія времена можно было попасть съ этими ученическими твореніями очень жестоко. Повидимому, ученическіе журналы прекратились. Но вотъ однажды директоръ получилъ анонимное письмо, сообщающее, что ученики издаютъ рукописный журналъ, въ которомъ есть неудобныя выраженія съ политической точки зрѣнія. Дѣло было въ концѣ семидесятыхъ годовъ, во время смутное. Директоръ обратился ко мнѣ съ просьбой узнать, въ чемъ дѣло. Въ письмѣ указано было, что издавался журналъ въ IV классѣ. Я пришелъ въ этотъ классъ и сказалъ строго: «У васъ издается рукописный журналъ тайно; кто издаетъ, долженъ мнѣ самъ сказать». Молчаніе; Я посмотрѣлъ въ глаза ученикамъ и замѣтилъ въ этихъ глазахъ то, что всегда замѣчалъ въ такихъ случаяхъ: самые невинные ученики, на которыхъ никакъ не можетъ пасть подозрѣніе въ чемъ-либо несовсѣмъ ладномъ, болѣе всѣхъ сконфузились и не знали, куда глаза дѣвать, отъ мысли, что ихъ могутъ заподозрить; это идетъ совершенно въ разрѣзъ съ принятымъ смысломъ пословицы: «на ворѣ шапка горитъ». Никто ничего ни сказалъ и ничего нельзя было догадаться по лицамъ. Послѣ урока я сказалъ: «Кто это сдѣлалъ, пусть придетъ ко мнѣ въ физическій кабинетъ» (гдѣ я могъ съ нимъ поговорить наединѣ). Къ удивленію моему, и приходитъ одинъ, плачетъ и говоритъ, что это онъ издавалъ: онъ выписывалъ въ свой журналъ статьи изъ разныхъ журналовъ, частью и гимназическіе разные смѣшные случаи записывалъ и, наконецъ, снабжалъ журналъ картинками, которыя даже исполнялись иногда художниками. «Гдѣ же журналъ?»—«Я продалъ его такому-

Digitized by Google

то ученику».—«За сколько?»—«За 75 коп.». Ну, не особенно много. «Завтра принесите мнѣ журналъ».— «Ради Бога только не исключайте меня изъ гимназіи; что хотите дѣлайте, только не исключайте». Я обѣщалъ. На другой день принесъ онъ толстую тетрадь, необыкновенно тщательно написанную и разрисованную. «Долго работали надъ ней?» —«Да, почти весь годъ только и дѣлалъ, что ею занимался; отъ этого и въ успѣхахъ совсѣмъ ослабѣлъ» (а уже былъ конецъ учебнаго года). Прочитавъ журналъ, я замѣтилъ, что въ немъ дѣйствительно есть одно выраженіе, не совсѣмъ удобное. Откуда онъ взялъ это выраженіе, Господь его знаетъ; можетъ быть, и самъ придумалъ, а написалъ его потому, что считалъ совершенно хорошимъ. Я обдумывалъ, какое же наказаніе ему назначить? Подумавъ, сказалъ: «За это вы останетесь на второй годъ въ классѣ (все равно онъ долженъ былъ остаться) и не будете допущены къ экзамену».—«Покорно благодарю». — «А въ слѣдующемъ году вы обѣщаетесь взяться за дѣло?» — «Обѣщаю, даю честное слово». Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлался первымъ ученикомъ и отлично затѣмъ прошелъ гимназію и университетъ: можетъ быть, благодаря отчасти своему увлеченію литературой. Впослѣдствіи изъ него вышелъ большой труженикъ-педагогъ, преподаватель русскаго языка и словесности, авторъ нѣсколькихъ книгъ по этому предмету, основатель въ г. Ригѣ коммерческаго училища, носящаго его имя: Н. Мироновъ, сохранившій ко мнѣ до конца своей жизни наилучшія отношенія.

XVIII.

Въ преподаваніи словесности и веденіи сочиненій, какъ я уже сказалъ, мнѣ помогало то, что въ составѣ учениковъ 5-й гимназіи было много дѣтей, принадлежавшихъ къ образованнѣйшимъ семействамъ московскимъ, такъ какъ гимназія находится въ той части города, гдѣ преимущественно поселилась высшая интеллигенція Мо-

Digitized by Google

сквы. Нѣкоторыя изъ этихъ семействъ имѣли своихъ представителей въ 5-й гимназіи во все время моего 18-лѣтняго учительства въ ней; таково было, наприм., семейство протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, объ одномъ изъ членовъ котораго я уже упомянулъ. Скажу нѣсколько словъ о другомъ, Алексѣѣ (умершемъ). Къ этому послѣднему товарищи обращались съ вопросами относительно сочиненій такъ же, какъ къ учителю. Прежде, чѣмъ подавать мнѣ сочиненіе, они просили его прочитать. «Ну, подавай, будетъ три съ минусомъ», говорилъ онъ. Самъ онъ писалъ, немного развѣ уступая Каткову въ стилѣ и логикѣ. Мнѣ передавали, что профессоръ Тихонравовъ читалъ его сочиненіе, написанное имъ на испытаніи зрѣлости въ попечительскомъ совѣтѣ, какъ замѣчательное. На бѣду Смирновъ терпѣть не могъ древнихъ языковъ; изъ класса въ классъ его переводили (хотя не всегда) главнымъ образомъ благодаря моему предстательству. Но въ VIII кл. надежды уже было мало окончить, такъ какъ письменныя работы, исполненныя на испытаніи зрѣлости и состоявшія тогда въ переводѣ съ русскаго на древніе языки, должны были идти въ округъ.

Тогда, чтобы пособить ему, я придумалъ такъ: я предложилъ ему сдѣлать мнѣ большіе письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій, съ комментаріями и указаніями неясныхъ мѣстъ. Добросовѣстно онъ исполнилъ эту работу и въ первое полугодіе VIII кл. представилъ мнѣ огромныя тетради переводовъ, очень тщательно исполненныхъ, съ обстоятельными объясненіями. Послѣ этого преподаватели-классики замѣтили, что онъ сталъ гораздо лучше писать переводы на древніе языки, а затѣмъ онъ благополучно кончилъ курсъ. Это былъ величавый типъ, и всѣ ученики гимназіи относились къ нему, какъ къ чему-то высшему. Въ продолженіе всего также моего пребыванія въ 5-й гимназіи учились въ ней одинъ за другимъ сыновья Д. Ѳ. Самарина. Это были

Digitized by Google

прекрасные ученики и при этомъ отличались твердыми и опредѣленными нравственными принципами, которые культивировались въ семействѣ Самариныхъ. Такъ, наприм., Самарины уже въ школѣ имѣли твердое правило — никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не говорить неправды. По поводу этого вспоминаю такой случай. Разъ прихожу я въ классъ, когда ученики должны были подать мнѣ сочиненіе домашнее. Одинъ изъ учениковъ говоритъ: «Мы не успѣли приготовить къ сегодняшнему дню сочиненія, потому что много работы было намъ назначено на сегодня». Это было въ VIII кл. Никогда въ старшихъ классахъ у меня этого не было, чтобы ученики не исполнили работу въ срокъ; сочиненіе же назначалось ровно на мѣсяцъ и въ серединѣ срока подвергалось со стороны содержанія и плана тщательному обсужденію въ классѣ. Потачку безпорядкамъ нельзя было давать, тѣмъ болѣе, что я былъ увѣренъ, что развѣ немногіе только наиболѣе лѣнивые не написали сочиненія; громадное же большинство написало и только изъ чувства товарищества, а можетъ быть и изъ страха передъ здоровыми лѣнтяями, рѣшились также сказать, что не написали сочиненія. Я обращаюсь къ первому по успѣхамъ ученику, сыну профессора университета, ставшему потомъ тоже профессоромъ: «Вы написали сочиненіе?» Весь вспыхнулъ онъ и неохотно сказалъ: «Нѣтъ, не написалъ.» Дальше не стоило спрашивать, чтобы не заставлять лгать. Тогда я объявилъ имъ, какія наказанія будутъ имъ за это: во-первыхъ, ихъ арестуютъ, во-вторыхъ, имъ будетъ сбавленъ баллъ за четверть года какъ по успѣхамъ въ русскомъ языкѣ, такъ и по поведенію. Но мнѣ все-таки хотѣлось убѣдиться, дѣйствительно ли они не написали сочиненія. Средство было очень легкое. Нѣсколько минутъ я колебался подвергнуть искушенію Ѳ. Самарина, но наконецъ все-таки спросилъ: «Вы написали сочиненіе?» — «Да, написалъ». Но, не желая подвергнуть его какой-либо тѣни непріятности со стороны товарищей, я

Digitized by Google

тотчасъ же сказалъ: «Но вы, можетъ быть, желаете раздѣлить наказаніе съ товарищами?»—«Да, позвольте». Когда послѣдній изъ сыновей Д. Ѳ. Самарина выдержалъ испытаніе зрѣлости, отецъ ихъ пожертвовалъ въ гимназію десять тысячъ рублей—примѣръ едва ли не единственный, по крайней мѣрѣ, въ ту эпоху гимназіи, о которой я говорю. Когда я уже вышелъ изъ этой гимназіи, Д. Ѳ. Самаринъ, издавая сочиненія брата своего Ю. Ѳ. Самарина, каждый напечатанный томъ высылалъ мнѣ при любезномъ письмѣ. Имѣлъ я также письма отъ того изъ учениковъ моихъ Самариныхъ, о которомъ упомянулъ выше.

Говоря объ отдѣльныхъ ученикахъ московской 5-й гимназіи, не могу не упомянуть о томъ, что я имѣлъ счастіе учить здѣсь, правда, всего только одинъ годъ, въ 3-мъ классѣ, внука Пушкина, тоже Александра Пушкина. Онъ пробылъ въ гимназіи только одинъ годъ, а затѣмъ былъ взятъ въ Пажескій корпусъ. Это былъ тогда совсѣмъ блондинъ, съ бѣлымъ, блѣднымъ лицомъ; но главныя, наиболѣе типическія черты лица Пушкина въ немъ сохранились. Отношенія къ нему дѣлали для меня поэзію и личность Пушкина какъ будто ближе. Одно изъ первыхъ стихотвореній, прочитанныхъ мною въ этомъ классѣ, гдѣ былъ А. Пушкинъ, было «Вновь я посѣтилъ». Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, какъ извѣстно, выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на него селомъ Михайловскимъ послѣ десятилѣтняго отсутствія. Въ этомъ стихотвореніи между прочимъ поэтъ, обращаясь къ выросшей въ его отсутствіе молодой рощѣ вокругъ знакомыхъ ему двухъ старыхъ сосенъ, говоритъ:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть *мой внукъ*

Digitized by Google

(эти и послѣдующія слова я произносилъ, обращаясь къ А. Пушкину)

Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

XIX.

Кромѣ словесности, любимымъ также моимъ предметомъ преподаванія былъ древній ц.-славянскій языкъ. Прозрачность и ясность образованія въ немъ словъ и ихъ измѣненій дѣлаютъ преподаваніе его, по моему мнѣнію, очень полезнымъ для юношества, въ особенности какъ средство для основательнаго изученія языка русскаго. Сначала древній церковно-славянскій языкъ изучался въ гимназіи въ старшемъ, VII, классѣ, какъ высшій курсъ русской грамматики, потомъ перенесли его въ IV кл., тоже въ завершеніе курса русской грамматики, проходимаго въ трехъ младшихъ классахъ. Въ VII кл. на урокѣ славянскаго языка однажды былъ у меня Ѳ. И. Буслаевъ, который собственно своею историческою грамматикой сдѣлалъ возможнымъ введеніе древняго ц.-славянскаго языка въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Пришедши ко мнѣ на урокъ, онъ объяснилъ причину своего посѣщенія такими словами: «Вы бываете у меня, вотъ и я къ вамъ пришелъ». Послѣ урока онъ выразилъ полное свое одобреніе моему преподаванію. Любовь къ древнему ц.-славянскому языку я получилъ еще во время пребыванія моего въ главномъ педагогическомъ институтѣ, въ которомъ пробылъ два года, до закрытія его въ 1859 г., когда перешелъ въ московскій университетъ. Профессоръ И. И. Срезневскій, желая практически ознакомить насъ съ древнимъ ц.-славянскимъ языкомъ, принесъ на лекцію Остромирово евангеліе, изданіе Восто-

Digitized by Google

кова, далъ мнѣ эту книгу въ руки и велѣлъ выйти на середину аудиторіи, читать и разбирать грамматически текстъ. Въ первый разъ я видѣлъ такой текстъ, такія буквы, значительно все-таки отличающіяся отъ новыхъ церковно-славянскихъ; тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что я уже слушалъ лекціи Срезневскаго о древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, я началъ читать и разбирать текстъ: составъ словъ и ихъ измѣненіе, и аудиторія съ профессоромъ слушали меня. По введеніи реформы гимназіи 1871 г., мнѣ директоръ предложилъ, въ дополненіе къ моимъ урокамъ русскаго языка, которые я имѣлъ (12 уроковъ), взять еще греческіе уроки въ III и IV кл. (11 уроковъ) я принялъ. Такимъ образомъ въ IV классѣ у меня соединилось преподаваніе русскаго, древняго ц.-славянскаго и греческаго языковъ. Занятіе греческой грамматикой углубило еще мои свѣдѣнія по славянскому языку, который такъ близко родственъ съ греческимъ. Это привело меня къ мысли написать «Этимологію древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенную съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго». Изъ этой книги я желалъ сдѣлать учебникъ для средне-учебныхъ заведеній. Работалъ я надъ ней долго и много, перечитавъ для нея все относящееся къ этому дѣлу, и переписалъ все сочиненіе нѣсколько разъ, чтобы опять не попасть на зубокъ критикамъ, какъ было съ моей «Теоріей словесности».

Когда книга была напечатана (1875), я послалъ ее между прочимъ къ академику Я. К. Гроту, прося его, если книга окажется того заслуживающею, сдѣлать о ней отзывъ; въ то же время послалъ ее на одобреніе и въ ученый ком. мин. нар. просв. Скоро получилъ отъ Я. К. Грота письмо, увѣдомляющее меня, что книга моя очень ему понравилась и что онъ, при первой же возможности, напишетъ о ней свой отзывъ. Въ январской книжкѣ «Журнала Мин. Нар. Пр.» за 1876 г. появился этотъ отзывъ. Мнѣ сообщили въ гимназіи о немъ. Можно себѣ пред-

Digitized by Google

ставить, съ какимъ волненіемъ я приступилъ къ его чтенію и какъ глубоко былъ тронутъ въ высшей степени сочувственнымъ отзывомъ о моей книгѣ автора «Филологическихъ разысканій». Скоро затѣмъ появился отзывъ проф. Н. И. Карѣева въ «Филологическихъ Запискахъ», вып. III, 1876 г., подъ заглавіемъ «Научный учебникъ русскаго языка»; наконецъ, подробный также отзывъ о книгѣ сдѣлалъ Л. И. Поливановъ въ «Учебно-воспитательной Библіотекѣ». По поводу послѣдняго отзыва, въ общемъ очень лестнаго, я написалъ отвѣтъ г. Поливанову въ V вып. «Филологическихъ Записокъ» 1876. Между тѣмъ въ ученомъ комитетѣ мин. нар. пр. не знали, кому передать мою книгу на разсмотрѣніе, такъ какъ не было у него спеціалистовъ, могущихъ разсматривать русско-славянскую грамматику въ связи съ греческой и латинской. Появленіе статьи Я. К. Грота облегчило его задачу. Тѣмъ не менѣе, какъ я слышалъ, въ комитетѣ были голоса противъ внесенія въ учебникъ этихъ сближеній съ древними языками. Споръ, какъ я слышалъ, былъ рѣшенъ заявленіемъ предсѣдателя ученаго комитета, что сближеній славянскаго съ древними языками у меня не болѣе, чѣмъ, напр., въ учебникѣ греческаго языка Курціуса сближеній съ латинскимъ языкомъ. Послѣ этого грамматика моя была одобрена ученымъ комитетомъ въ качествѣ учебнаго руководства. По образцу моего учебника, Л. Поливановъ передѣлалъ свой учебникъ славянской грамматики и вообще онъ имѣлъ значительное вліяніе на наши славяно-русскіе учебники, что̀ мнѣ всегда было пріятно видѣть.

XX.

Во время своей службы въ 5-й гимназіи я иногда давалъ уроки также въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Уже было упомянуто о томъ, что въ началѣ службы въ 5-й гимназіи у меня были уроки во 2-й военной гимназіи. Затѣмъ нѣкоторое время я преподавалъ въ коммер-

Digitized by Google

ческомъ училищѣ. Сначала въ этомъ учебномъ заведеніи мнѣ нравились уроки: здѣсь не было никакой установленной программы, можно было преподавать словесность какъ мнѣ угодно. Поэтому я здѣсь задумалъ прочитать систематическій курсъ исторіи русской литературы, въ видѣ лекцій; возрастъ учащихся въ старшихъ классахъ училища, гораздо болѣе старшій, чѣмъ въ старшихъ классахъ гимназіи, дозволялъ такой курсъ. Эти лекціи, надъ которыми я прилежно работалъ, излагались мною письменно, и училище на свой счетъ ихъ литографировало. Ученики относились къ моимъ чтеніямъ съ замѣтнымъ большимъ интересомъ, хотя расшевелить этихъ учениковъ было гораздо труднѣе, чѣмъ гимназистовъ, потому что ученики коммерческаго училища жили почти всѣ въ интернатѣ, тутъ же при училищѣ. Эта жизнь, по крайней мѣрѣ въ нашихъ интернатахъ, съ глухой казенной обстановкой, однообразная, при чемъ на виду вѣчно одни и тѣ же лица и требованіе однихъ и тѣхъ же дѣйствій, дѣлаетъ учениковъ вялыми, мало любопытными, сонными. Тѣмъ болѣе мнѣ хотѣлось оживить эту скучную атмосферу. Интересъ получили ученики и къ сочиненіямъ. До тѣхъ же поръ, кажется, только одно ихъ интересовало — каллиграфія: писали они такъ, особенно на классной доскѣ, что трудно было оторвать глаза отъ ихъ писанія и болѣе всего отъ изящной манеры писанія, какъ они держали при этомъ кисть руки. Этимъ они были обязаны извѣстному тогда въ Москвѣ учителю каллиграфіи Градобоеву, который промѣнялъ военную службу на службу учителя чистописанія. Я самъ иногда приходилъ къ нему на урокъ посмотрѣть, какъ онъ учитъ. Артистъ настоящій! И особенно онъ былъ мастеръ именно писать на доскѣ, такъ что высшее его искусство потеряно навсегда. Помню, написалъ онъ что-то на доскѣ, потомъ отошелъ отъ доски въ противоположный отъ нея конецъ класса, оттуда бросаетъ мѣлъ въ доску—вышла какъ разъ на мѣстѣ и въ томъ видѣ, какъ слѣдуетъ, точка.

Digitized by Google

Но дѣятельность моя въ коммерческомъ училищѣ продолжалась недолго: подозрительность и мелочная придирчивость бывшаго тогда директоромъ этого училища, человѣка, въ сущности добраго, вывели меня изъ терпѣнія, и я прекратилъ здѣсь уроки, кажется, не докончивъ учебнаго года. Такъ и лекціи мои литографированныя были прерваны еще на древнемъ періодѣ литературы. Въ этомъ училищѣ особенное мое вниманіе обратилъ своими сочиненіями ученикъ Гуржеевъ, казакъ. Въ настоящее время онъ, кажется, профессоромъ одного изъ высшихъ техническихъ училищъ въ Петербургѣ.

Въ 1876 году я былъ приглашенъ въ извѣстную классическую женскую гимназію г-жи Фишеръ. Это учебное заведеніе замѣчательно тѣмъ, что, слѣдуя во всемъ программѣ тогдашнихъ классическихъ гимназій, оно не только не возбуждало ненависти къ классицизму, которая господствовала тогда въ мужскихъ гимназіяхъ, а, напротивъ, возбуждало къ нему самый живой интересъ. Школа пользовалась, какъ и теперь пользуется, сохраняя тотъ же характеръ, любовью ученицъ и полнымъ довѣріемъ родителей. Ученицы этой гимназіи принадлежали большею частью къ образованнѣйшимъ московскимъ семействамъ, и родители не находили ни обремененія, ни изнуренія ихъ дочерей въ школѣ, ни уменьшенія какой-либо жизнерадостности. Напротивъ, находили, что здѣсь дѣтямъ учиться даже легче и пріятнѣе, чѣмъ во многихъ, повидимому, самыхъ не серьезныхъ школахъ. И это въ то время, когда гимназисты въ мужскихъ гимназіяхъ стонали отъ трудности школы. Между тѣмъ ученицы г-жи Фишеръ нисколько не отставали отъ гимназистовъ; письменныя работы выпускного класса отправлялись въ управленіе округа наравнѣ съ работами выпускныхъ учениковъ. Одна только была особенность этой гимназіи: во всѣхъ своихъ учебныхъ распорядкахъ она была вполнѣ самостоятельна, а также и воспитательною стороной дѣла она распоряжалась вполнѣ по своему усмотрѣнію. Такую самостоятельность гимназіи

Digitized by Google

пріобрѣла потому, что на первыхъ порахъ пользовалась могущественнымъ покровительствомъ Каткова, который охранилъ и свой лицей отъ вторженія окружной инспекціи, а потомъ, благодаря вліянію Каткова, она пользовалась покровительствомъ и высшаго управленія министерства народнаго просвѣщенія. Но главное-то конечно въ томъ, что этою самостоятельностью умѣло воспользовалась учредительница этой гимназіи. Лучшія педагогическія силы Москвы, а частью и силы ученыя—профессора университета—охотно шли поработать для этого учебнаго заведенія подъ командой С. Н. Фишеръ. Поэтому приглашеніе къ сотрудничеству въ этомъ учебномъ заведеніи было для меня лестно и пріятно. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось въ немъ работать недолго, не болѣе двухъ лѣтъ: тяжелая болѣзнь, а потомъ необходимость сократить занятія заставили меня оставить это учебное заведеніе, съ которымъ я однако же, какъ и съ 5-й гимназіей, доселѣ не прерываю духовной связи.

Вообще преподаваніе въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ учителю русскаго языка и словесности, преподающему только въ старшихъ классахъ, слишкомъ трудно, потому что съ этимъ преподаваніемъ связана обязанность разсмотрѣнія массы письменныхъ работъ. Надобно сказать, что, несмотря на кажущееся спокойствіе моего характера, я ко всему относился очень нервно: читая сочиненія учениковъ, я и радовался ихъ успѣшности и страдалъ отъ неуспѣшности; эта нервная работа утомляла. При томъ я не всегда могъ и приниматься за чтеніе этихъ сочиненій: для этого нужно было извѣстное настроеніе, чтобы слѣдить одновременно и за мыслью сочиненія, и за послѣдовательностью мыслей, за расположеніемъ и выраженіемъ. Это не то, что читать какую-нибудь книгу, развивающую систематически извѣстную идею; здѣсь безпрестанно надо переходить отъ одного сочиненія къ другому, изъ коихъ во многихъ не доберешься ни до какой мысли, или по крайней мѣрѣ трудно ее угадать, трудно понять, а понять

Digitized by Google

надобно; иначе ты, значитъ, не понимаешь ученика. Однимъ словомъ, чтеніе сочиненій учениковъ требуетъ своего рода вдохновенія, котораго надо выждать. Потому-то для меня были предпочтительнѣе во многихъ отношеніяхъ частные уроки отдѣльнымъ ученикамъ: тутъ надобно читать сочиненіе только одного ученика, а не цѣлаго класса, и это сочиненіе обыкновенно на урокѣ же и читалось. Правда, тутъ были свои неудобства. Большею частью эти уроки давались такимъ молодцамъ, что можно было въ отчаяніе придти; большею частью это были молодые люди, или не могущіе учиться въ учебныхъ заведеніяхъ и не поступавшіе въ нихъ, или удаленные изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, и вотъ ихъ надобно приготовить къ экзамену для поступленія въ университетъ. Случалось такъ, что дашь одинъ урокъ такому молодцу, берешь шапку и ужъ больше туда ни ногой, а то возьмешься, какъ будто есть надежда, и измучишься. Говоришь, говоришь ему что-нибудь и какъ къ стѣнѣ горохъ; тогда начинаешь думать, ужъ я-то въ своемъ ли умѣ, хватаешься за голову, какъ будто ничего; опять начинаешь говорить то же самое—и опять тѣ же результаты, и при томъ молодецъ нисколько и не конфузился.

Въ школѣ, по крайней мѣрѣ, этого быть не можетъ: учитель тутъ всегда можетъ утѣшаться: если не понимаетъ одинъ, то другой понимаетъ, что говоришь, и видно, что ты не грезишь, а урокъ даешь, и при томъ ученикъ не можетъ быть въ школѣ такъ равнодушенъ къ своей глупости: другіе ученики смѣяться будутъ. Особенно трудно обучать одного сочиненіямъ, если этотъ одинъ тупъ или лѣнивъ; его ничѣмъ не пробьешь, чтобы онъ почувствовалъ стыдъ такъ писать. Въ классѣ я заставлялъ читать, въ присутствіи всѣхъ, не только лучшія сочиненія, но иногда (рѣдко, когда я замѣчалъ крайнюю небрежность) и худшія, чтобы расшевелить лѣтняя, и это всегда было очень хорошимъ средствомъ. Такимъ образомъ уроки отдѣльнымъ ученикамъ доставляли труда

Digitized by Google

меньше, но разстройства нервнаго больше, нежели уроки школьные. А между тѣмъ безъ нихъ обойтись было нельзя: въ гимназіи у меня было всего 12 уроковъ. Одинъ разъ, какъ уже сказалъ, я взялъ было въ ней еще 11 уроковъ греческаго языка. Но скоро эти уроки понадобились для устройства въ Москвѣ чеха — того самого, который научилъ попечителя латинскимъ пословицамъ. Послѣ этого я уже и самъ не бралъ въ гимназіи больше 12 уроковъ, потому что это считается minimum'омъ числа уроковъ для учителя и уменьшить его безъ достаточныхъ причинъ было уже трудно.

XXI.

Въ заключеніе къ описанію своей педагогической дѣятельности въ Москвѣ считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе разсказать о той тяжелой болѣзни моей, о которой я нѣсколько разъ здѣсь упоминалъ. Эта болѣзнь была для меня источникомъ не однихъ страданій, но и великаго утѣшенія, связаннаго съ моею педагогическою дѣятельностью.

Лѣто 1878 года я провелъ на Кавказѣ, въ Эссентукахъ, куда ѣздилъ, по совѣту доктора. Отлично поправившись тамъ, я возвратился съ теплаго юга въ Москву въ самую отвратительную осень. Я чувствовалъ какое-то сильное нервное возбужденіе отъ сырости и холода. Наконецъ, въ началѣ ноября у меня сдѣлался острый ревматизмъ въ сочлененіяхъ, и къ этому присоединилась такъ называемая вѣтряная оспа. Посылаю за докторомъ. Прибывшій докторъ, узнавъ, что у меня оспа, на другой день прислалъ письмо, что онъ не можетъ болѣе ко мнѣ ѣхать. Посылаю за другимъ, профессоромъ, который жилъ по сосѣдству отъ меня. Этотъ приходилъ каждый день, садился у моей постели и начиналъ о чемъ-то размышлять, при чемъ нерѣдко улыбался (послѣ я узналъ, что у него была невѣста); отсидѣвши такимъ образомъ съ полчаса, уходилъ. Что дѣлать? Я рѣшился попросить прі-

Digitized by Google

ѣхать ко мнѣ одного изъ родителей моихъ учениковъ, доктора Е. А. Покровскаго, извѣстнаго впослѣдствіи редактора «Вѣстника Воспитанія». Правда, д-ръ Покровскій былъ спеціалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, но я, считая, что у меня главная болѣзнь—оспа, думалъ, что она подходитъ къ дѣтскимъ болѣзнямъ. Егоръ Арсеньевичъ Покровскій былъ не только замѣчательный врачъ, ученый (авторъ нѣсколькихъ сочиненій о физическомъ воспитаніи дѣтей), но еще болѣе замѣчательный человѣкъ. Онъ отдавался больному всей душой; онъ рѣшилъ вести мое лѣченіе и не соглашался брать вознагражденіе. Онъ ѣздилъ ко мнѣ ежедневно и черезъ нѣсколько времени говорилъ, что ему доставляетъ удовольствіе бывать у меня: «бываетъ,—говорилъ онъ,—что къ больному привязываешься», и сидѣлъ у меня по часамъ, самъ дѣлая всѣ забинтовки и т. п., для чего иногда привозилъ съ собою фельдшера. Это продолжалось ровно пять мѣсяцевъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ начала болѣзни у меня прошла изнурительная лихорадка, но вслѣдствіе небрежнаго первоначальнаго лѣченія осталась отъ болѣзни согнутая нога въ колѣнѣ. Сначала пробовали ее разогнуть при помощи массажа и тяжести на блокѣ, но ничего не помогало; пришлось дѣлать операцію. На операцію Е. А. пригласилъ лучшаго тогда оператора въ Москвѣ, профессора Новацкаго, а такъ какъ операція должна была производиться подъ хлороформомъ, то для наблюденія за дѣйствіемъ хлороформа я пригласилъ бывшаго своего ученика, извѣстнѣйшаго въ то время доктора по нервнымъ болѣзнямъ, профессора Сергѣя Сергѣевича Корсакова. Корсаковъ пріѣхалъ къ операціи, и съ тѣхъ поръ, до конца болѣзни, какъ и докторъ Покровскій, бывалъ у меня ежедневно; когда же не могъ пріѣхать, присылалъ телеграмму, извѣщающую о невозможности пріѣхать. Это былъ тоже одинъ изъ гуманистовъ-докторовъ въ Москвѣ. Само собой разумѣется, что о платѣ ему не могло быть и рѣчи. Слѣдуетъ замѣтить, что д-ръ Новацкій за операцію тоже не

Digitized by Google

взялъ платы, объявивъ при входѣ въ домъ на операцію, что онъ съ педагоговъ денегъ не беретъ. Вотъ она Москва! Повидимому, Москва—это случайное скопленіе людей; нѣтъ, это сила, большая нравственная сила, дающая вѣру въ человѣка, и никогда я такъ не вѣрилъ въ человѣка, какъ во время этой болѣзни, а вмѣстѣ и никогда такъ не гордился тѣмъ, что я педагогъ. Всѣ, чьимъ вниманіемъ я дорожилъ, навѣстили меня во время этой болѣзни. Директоръ гимназіи В. П. Басовъ навѣстилъ нѣсколько разъ; когда прошло четыре мѣсяца, крайній срокъ полученія содержанія больнымъ по закону, я спросилъ директора: «какъ же быть? срокъ моей службы оканчивается». На это Василій Петровичъ сказалъ: «вѣдь вы расписываетесь въ полученіи жалованья, значитъ вы служите; вотъ если бы вы не могли расписаться, тогда дѣло другое». Я уже упоминалъ, какъ попечитель отнесся ко мнѣ во время и послѣ моей болѣзни. Къ этому надобно прибавить, что въ продолженіе всей моей болѣзни уроки мои въ гимназіи не были никѣмъ заняты, чтобы не испортить заведеннаго мною дѣла. Постоянное вниманіе къ себѣ я видѣлъ также со стороны С. Н. Фишеръ, которая участливо слѣдила за ходомъ моей болѣзни и сама посѣщала меня. Время это, бывшее уже къ концу моего пребыванія въ Москвѣ, было для меня самой высшей наградой за мои педагогическіе труды въ Москвѣ, укрѣпило меня нравственно и приподняло мои силы на продолженіе этихъ трудовъ.

XXII.

Лѣтомъ 1882 года со мной произошло событіе, положившее переворотъ какъ въ моей личной жизни, такъ и въ педагогической дѣятельности. Поэтому скажу о немъ нѣсколько словъ. Послѣ той болѣзни, о которой сказано выше, я, какъ пожилой холостякъ, заботящійся особенно о своемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ, каждое лѣто отправлялся куда-нибудь на воды, или на югъ Россіи, или

Digitized by Google

за границу. На этотъ разъ мой докторъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться на рижское взморье, говоря, что для меня полезнѣе прохладная вода рижскаго взморья, чѣмъ теплая—юга. Мнѣ предстояло такимъ образомъ ознакомиться непосредственно съ русской окраиной, о которой я много читалъ: читалъ о томъ, какъ нѣмцы отстаиваютъ свою обособленность отъ Россіи, какъ они держатъ въ рукахъ латышей, эстовъ и т. д. Поэтому и посѣщеніе этого края меня интересовало. Сопутникомъ моимъ былъ учитель гимназіи, бывшій мой ученикъ, нѣмецъ, К. И. Кизлингъ. Въ то время нѣмцы этого края, благодаря извѣстнымъ къ нимъ отношеніямъ императора Александра II, были въ большой силѣ. Уже на станціи Витебскъ носильщики желѣзнодорожные имѣли двѣ надписи на фуражкахъ: первая, сверху: «Träger», а потомъ, внизу: «носильщикъ», а на вагонахъ сначала надпись: «für Nichtraucher», а потомъ: «для некурящихъ». На слѣдующей станціи послѣ Витебска уже всѣ служащіе желѣзнодорожные говорили только по-нѣмецки. Начиная же съ Двинска (тогда Динабурга) уже и названія станцій нѣмецкія: Ливенгофъ, Штокмансгофъ, съ названіями при нихъ гостиницъ въ родѣ «Deutscher Hof». Народонаселеніе же деревень еще далеко идетъ русское. Все это мнѣ, конечно, не особенно нравилось. Но было кое-что уже въ дорогѣ по этому краю, что мнѣ нравилось въ нѣмецкой жизни, нравилось какъ педагогу. Около меня сидятъ въ вагонѣ нѣмецъ лѣтъ 18 и русскій гимназистъ лѣтъ 10 и разговариваютъ; русскій гимназистъ держитъ себя черезчуръ развязно и свободно, нѣмецъ очень сдержанъ; мальчикъ разсказываетъ нѣмцу, что ему кто-то говоритъ: «поѣдемъ туда-то, будемъ дѣлать то-то», а онъ все отвѣчаетъ, что онъ не хочетъ. «Какъ же это возможно?—говоритъ нѣмецъ. Почему жъ? Вѣдь онъ старше тебя?» Мальчикъ видимо былъ озадаченъ; въ первый разъ онъ какъ будто слышалъ, что надо слушаться старшихъ, и сдѣлался послѣ этого скромнѣе. Вотъ мы пріѣхали на

Digitized by Google

рижское взморье. По совѣту пассажировъ на приморской дорогѣ мы стали искать пансіонъ на взморьѣ; я нашелъ очень чистую комнату въ пансіонѣ въ Дуббельнѣ, съ платой, вмѣстѣ со столомъ, по 10 руб. въ недѣлю, что я считалъ необыкновенно дешевымъ. Пансіонъ держала нѣмка-вдова, изъ сословія литераторовъ, т.-е. изъ тѣхъ, главы семействъ которыхъ получили университетское образованіе. У нея три дочери и сынъ гимназистъ. Дочери, изъ коихъ старшая окончила свое образованіе въ высшемъ женскомъ училищѣ и сама уже давала уроки въ томъ же училищѣ, теперь, какъ и ея сестра, помогала матери по хозяйству. На другой день послѣ пріѣзда въ пансіонъ, утромъ, когда я вышелъ во дворъ пансіона, мать представила мнѣ свою старшую дочь, на которую она надѣвала бѣлый передникъ, чтобы она приступила къ хозяйству. Въ назначенное время пансіонъ идетъ къ столу. На большой верандѣ (галлереѣ) пансіона, устроенной глаголемъ, два стола: за однимъ устроились нѣмцы, подъ предсѣдательствомъ хозяйки пансіона, за другимъ—русскіе, подъ предсѣдательствомъ старшей ея дочери. За нѣмецкимъ столомъ чинность невыразимая; сидятъ всѣ въ строгомъ порядкѣ: ближе къ хозяйкѣ старшіе, далѣе, по возрасту, все болѣе, и болѣе, и болѣе молодые и наконецъ Kinder (дѣти), къ числу коихъ относятся и студенты, хотя студенты и пользуются особенною любовью нѣмцевъ.

Когда приносятъ кушанье, то подаютъ его строго по порядку, начиная со старшихъ; когда же доходятъ до Kinder, то блюдо несутъ назадъ, чтобы подавать старшимъ на другой сторонѣ, а потомъ уже и для Kinder. Говорятъ за столомъ только старшіе, и при томъ самые старшіе, самые же младшіе не только не входятъ въ разговоръ, но и не смѣютъ говорить между собой; понятно, что никто и не думаетъ обратиться къ нимъ съ какимъ-нибудь вопросомъ. Теперь за русскимъ столомъ,—сидятъ всѣ безъ всякаго порядка, при чемъ самый старшій оказался

Digitized by Google

въ самомъ концѣ стола. Въ разговорѣ доминируетъ гимназистъ изъ военной гимназіи, юноша лѣтъ 16, живущій здѣсь съ студентомъ-репититоромъ, такъ какъ ему предстоитъ послѣ каникулъ переэкзаменоваться. Онъ всѣхъ судитъ, всѣхъ рядитъ, всѣхъ считаетъ дураками. Всѣ его слушаютъ и удивляются, какъ нынче молодежь-то стала умна. Старѣйшій за этимъ столомъ былъ богатый тамбовскій помѣщикъ Уваровъ, родственникъ гр. С. С. Уварова, человѣкъ очень образованный, окончившій курсъ и въ русскомъ и въ нѣмецкомъ университетѣ, въ это время переводилъ на русскій языкъ «Неистоваго Роланда». Этотъ мудрый мужъ, слушая подобострастно гимназиста, ударялъ себя въ лысину и говорилъ: «вотъ какіе нынче молодые люди, а мы-то этого ничего не понимали, да и теперь плохо понимаемъ». А гимназистъ-то ораторствуетъ пискливымъ, пронзительнымъ голосомъ: «у насъ заставили одного воспитанника, оставленнаго безъ обѣда, читать молитву послѣ обѣда; онъ и прочелъ: «благодарю Тя, Господи, яко *не* насытилъ мя еси». Общій хохотъ. «Воспитанникъ,— говоритъ гимназистъ,—былъ исключенъ; но странно заставлять его читать молитву послѣ обѣда, когда онъ не обѣдалъ». Слѣдуетъ общее удивленіе мудрости гимназиста, посрамившаго старшихъ. Своего репетитора, студента университета, онъ чуть не билъ за столомъ; какъ-то онъ толкнулъ стаканъ, изъ котораго пилъ репетиторъ, и все содержимое въ стаканѣ пролилось репетитору на платье. По поводу этого я сказалъ репетитору: «Зачѣмъ вы его не воспитываете въ должномъ уваженіи хоть къ себѣ?» на что репетиторъ мнѣ отвѣтилъ: «Я не гувернеръ, мое дѣло внушить ему премудрость». Были здѣсь и барыни русскія: онѣ только и говорили о театрѣ, о концертахъ, о пріемѣ гостей, о выѣздѣ въ гости, о пикникахъ и т. п., такъ что, по ихъ разговорамъ, можно было подумать, что онѣ только веселятся, а когда не веселятся, то не знаютъ, что дѣлать: не заниматься же тѣмъ, чѣмъ должны заниматься кухарки, няньки, швейки. Исключеніе, кромѣ уве-

Digitized by Google

селеній, допускается только для чтенія развивающихъ умственно книжекъ и для бесѣды объ этихъ книжкахъ. Вообще, воспитаніе нашего юношества, здѣсь свободно обнаруживавшееся, не производило на меня хорошаго впечатлѣнія, особенно при этомъ контрастъ нѣмецкаго воспитанія дѣвушки, при которомъ на первомъ планѣ имѣлась въ виду скромность, дѣльность (любовь ко всѣмъ домашнимъ работамъ и умѣніе въ нихъ) и неизбалованность. Русская дѣвушка, вступая въ жизнь, часто вполнѣ освоивается со своимъ положеніемъ и дѣлается прекрасной хозяйкой, умѣющей создать хорошій домашній очагъ. Но это по инстинкту только, а не по воспитанію. Человѣку съ ограниченными средствами, какъ учитель гимназіи, страшно жениться на нашей, воспитанной въ данныхъ условіяхъ, дѣвушкѣ. Однимъ словомъ, при помощи нѣмецкаго словаря я сдѣлалъ предложеніе красивой и изящной дочери хозяйки, которое было принято, и свадьба назначена на 10 октября.

XXIII.

Въ половинѣ августа я возвратился въ Москву къ началу ученія въ гимназіи, возвратился полный свѣтлыми мыслями о своей невѣстѣ и тревогой о томъ, будутъ ли средства жить семейною жизнью. До сихъ поръ я одинъ все проживалъ, что зарабатывалъ. Какъ же будетъ теперь? Вѣрныхъ средствъ къ жизни у меня только было жалованье за 12 уроковъ въ гимназіи; на это жалованье и одному можно было прожить только въ скудости. Главныя средства я получалъ отъ частныхъ уроковъ. Эти уроки хотя до сихъ поръ, въ продолженіе 21 года моего учительства, не обманывали меня, но все-таки въ душѣ всегда оставалось сознаніе невѣрности, ненадежности этихъ средствъ. Переписка съ невѣстой идетъ каждый день. Проходитъ августъ, идетъ къ концу и сентябрь, а никто не идетъ съ предложеніемъ урока; я уже бросаюсь въ

Digitized by Google

школы, отъ которыхъ по десяти разъ отказывался взять въ нихъ уроки, но и тамъ всѣ уроки заняты. Однимъ словомъ, повторилось, что когда надобно до крайности, тутъ-то и нѣтъ. Октябрь приходитъ и ужъ начинаются заморозки, а уроковъ нѣтъ. Приходитъ время ѣхать на свадьбу въ Митаву, а уроковъ нѣтъ. Уже наканунѣ отъѣзда я заполучилъ разомъ трехъ учениковъ. Дѣло поправилось, и съ облегченнымъ сердцемъ я отправился въ Митаву. Но во всякомъ случаѣ эта пытка не осталась въ моей душѣ безслѣдною. Надобно было, во что бы то ни стало, болѣе твердо себя обезпечить. Не хотѣлось мнѣ брать уроки въ другомъ учебномъ заведеніи, которые, конечно, прочнѣе уроковъ отдѣльнымъ ученикамъ, не хотѣлось потому, что чтеніе сочиненій ужъ слишкомъ меня обременяло, а въ младшихъ классахъ я не желалъ брать уроковъ. Пробовалъ искать какихъ-нибудь непедагогическихъ занятій въ дополненіе къ педагогическимъ, какъ, напр., занятій по археологіи, къ которой у меня было влеченіе, но, къ сожалѣнію, мало было къ этому подготовки. Мнѣ было извѣстно, что въ управленіи округомъ прежде была рѣчь о томъ, чтобы назначить меня директоромъ гимназіи, минуя инспекторство, какъ опытнаго педагога; но теперь объ этомъ не было слышно. Поэтому въ слѣдующее лѣто, когда я опять былъ съ женой на рижскомъ взморьѣ, я оттуда написалъ письмо окружному инспектору Л. И. Л., который относился ко мнѣ благосклонно, прося его о назначеніи меня на мѣсто инспектора (просить о директорскомъ мѣстѣ я считалъ неделикатнымъ). Немедленно былъ полученъ отвѣтъ, что въ тверской гимназіи открылось мѣсто инспектора—и это мѣсто предлагается мнѣ. Не чувствовалъ я охоты и даже способности къ этой должности—болѣе полицейскаго характера, по крайней мѣрѣ, какъ она у насъ была и есть поставлена—но дѣлать нечего: «не боги кирпичи обжигаютъ», думалъ я; все-таки инспекторъ, имѣющій казен-

Digitized by Google

ную квартиру, болѣе обезпеченъ матеріально, чѣмъ учитель, особенно словесности.

При томъ инспекторство есть, пожалуй, и необходимый шагъ къ директорству, и мнѣ было обѣщано, что черезъ годъ я буду переведенъ на директорское мѣсто, а мнѣ важно было получить директорское мѣсто въ виду того, что черезъ три года я выслуживалъ 25-лѣтіе и слѣдовательно пенсію, которая у директора повыше, чѣмъ у учителя; а извѣстное дѣло, что по выслугѣ 25-лѣтія могутъ уволить отъ службы педагога безъ всякихъ особенныхъ причинъ: выслуга 25-лѣтія, равно какъ и каждаго слѣдующаго затѣмъ пятилѣтія, опаснѣе для педагога даже, чѣмъ такъ называемый «3-й пунктъ». По 3-му пункту увольняютъ хотя и безъ объясненія причинъ, но все-таки эти причины должны быть, о нихъ надо сообщить высшему начальству. По выслугѣ же 25-лѣтія и каждаго слѣдующаго затѣмъ пятилѣтія педагогъ можетъ быть уволенъ безъ всякихъ причинъ, просто «за выслугой срока», т.-е. просто физіономія ваша не нравится начальству, но при этомъ прибавляется «съ пенсіей», хотя на пенсію жить нельзя. Поэтому хоть пенсія-то была бы побольше! Къ причинамъ матеріальнаго свойства у меня прибавились и причины нравственнаго свойства для перемѣны дѣятельности. Какъ ни любилъ я учительство, какъ ни считалъ, что я наиболѣе призванъ именно къ этого рода дѣятельности, все-таки мнѣ казалось, что я за 22 года этой дѣятельноси уже исчерпалъ все ея содержаніе и дальше не пойду, а кто не идетъ впередъ, тотъ идетъ назадъ; вотъ этого я и боялся, т.-е. боялся естественной смерти педагогической къ 25 годамъ службы. Особенно это могло быть въ виду неподвижности предписанныхъ программъ, отсутствія учительскихъ съѣздовъ, однимъ словомъ, всего, что оживляетъ педагогическую дѣятельность. Я былъ увѣренъ, что, по крайней мѣрѣ перемѣна занятія, перемѣна положенія въ гимназіи меня подбодритъ нравственно, придастъ мнѣ силы и энергіи

Digitized by Google

и я съ большою готовностью трудиться и съ большимъ запасомъ энергіи отправился въ Тверь.

Такъ начался второй періодъ моей педагогической дѣятельности—періодъ инспекторства и затѣмъ директорства, продолжавшійся столько же лѣтъ (1883—1901), какъ и время учительства въ 5-й Московской гимназіи, то-есть 18 лѣтъ.

XXIV.

Тверская гимназія, реформированная по уставу 1871 г. (1883—1886).

Это вторичное мое прибытіе на службу въ Тверь, спустя 18 лѣтъ, было для меня далеко не такъ свѣтло, какъ первое. Прежде всего мы нашли ужасную казенную инспекторскую квартиру, снаружи болѣе похожую на свиную закуту, чѣмъ на человѣческое жилище, а внутри — на старую, заброшенную огромную баню; эта квартира и была когда-то баней, въ тѣ отдаленныя времена крѣпостного права, когда еще при гимназіи былъ дворянскій пансіонъ. Сначала мы съ женой было рѣшились искать частной квартиры, бросить казенную, не желая въ ней погибнуть, но оказалось, что въ Твери всѣ квартиры въ родѣ этой казенной, такъ что тамъ никто не могъ понять, чего мы ищемъ. Правда, въ домѣ тогдашняго городского головы была квартира лучше, но она была слишкомъ дорога. Такъ мы пометались-пометались да и влѣзли въ эту закуту. И дѣйствительно, какими-то непостижимыми судьбами, въ этой сырой, холодной квартирѣ, Богъ хранилъ наше здоровье.

Послѣ квартиры наибольшее, конечно, имѣлъ для меня значеніе начальникъ гимназіи, съ которымъ вмѣстѣ, единодушно, я долженъ былъ работать, которому долженъ былъ подчиняться и быть вѣрнымъ исполнителемъ его предначертаній. Ко всему этому я вполнѣ искренно и

Digitized by Google

приготовился, понимая вполнѣ, какъ уже опытный педагогъ, что иначе быть не должно. Къ сожалѣнію, директоръ не отнесся ко мнѣ съ довѣріемъ, не говоря уже о какой-либо любезности.

Причиной этого обыкновенное явленіе въ провинціальныхъ гимназіяхъ, что директоръ съ инспекторомъ, какъ говорится, «на ножахъ». Обыкновенно такъ бываетъ, что если директоръ пользуется въ управленіи окружномъ расположеніемъ и довѣріемъ, то инспекторъ назначается къ нему съ его согласія, и иногда даже по его выбору. Въ данномъ случаѣ этого не было: ни я директора, ни директоръ меня вовсе лично не знали. А поэтому можно было директору подумать, что я для него «насланіе». Но я своимъ прямымъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу надѣялся какъ-нибудь сломить подозрительное его ко мнѣ отношеніе. Ничего, однако, нельзя было подѣлать. Онъ избѣгалъ встрѣчъ и разговоровъ со мною; я его только и видѣлъ спѣшащаго изъ своей квартиры въ канцелярію и обратно, и всегда съ огромными кипами дѣловыхъ бумагъ, которыми онъ, очевидно, былъ подавленъ, и поэтому ему было не до меня и ни до кого. А между тѣмъ дѣла должно было быть въ гимназіи очень много. Онъ самъ недавно только въ нее поступилъ директоромъ, мало ее зналъ, а наслѣдство отъ предшественника не могло быть особенно хорошимъ.

Предшественникъ его, директорствовавшій не менѣе 10 лѣтъ, пилъ, какъ говорится, «мертвую», рѣдко появлялся въ гимназію, а когда появлялся, то «лучше бы», какъ говорилъ мой предшественникъ-инспекторъ, «не появлялся». Во время его начальствованія были и учителя, вѣчно сидѣвшіе въ «распивочной» и водившіе туда учениковъ; пьянство между учениками распространилось до высшей степени; бывали случаи бѣлой горячки съ учениками среднихъ классовъ отъ пьянства. Сторожа гимназическіе и тѣ были вѣчно пьяны, и поэтому заботиться о

Digitized by Google

какой бы то ни было чистотѣ въ гимназіи вовсе не могли. Нравственные принципы этого предшественника моего начальника были таковы: въ послѣдній годъ его управленія гимназіей случилось такъ, что,—впрочемъ, случалось и во многихъ другихъ гимназіяхъ,—ученики списали на испытаніи зрѣлости греческую письменную работу и списали такъ неудачно, что прогнали далѣе, чѣмъ надобно было по тексту темы. Несмотря на очевидное мошенничество, всѣ работы учениковъ были аттестованы прекрасными баллами и отправлены въ округъ. На бѣду директора кто-то въ мѣстномъ «Тверскомъ Вѣстникѣ» написалъ объ этой штукѣ. Напечатанное въ газетѣ дошло до округа; вѣроятно, авторъ же и послалъ въ округъ сообщеніе. Директора вызвали въ Москву; онъ является къ окружному инспектору. «У васъ списали греческую работу на испытаніи зрѣлости?»—«Списали».—«И дальше чѣмъ надо?»—«Дальше, а что, выгонятъ меня за это со службы?»—«Я не знаю, можетъ быть, вы даже получите награду». Тогда директоръ, повернувшись на ногѣ, вдругъ говоритъ: «А кто вамъ сказалъ, что ученики списали?»—«Да вы же сейчасъ сказали».—«Нѣтъ, я не говорилъ».—«Да какъ же они дальше-то написали, чѣмъ надо?»—«Очень просто: они это мѣсто читали въ классѣ во время уроковъ и такъ твердо его выучили, что незамѣтно для себя прогнали дальше, чѣмъ надо: это указываетъ только, какъ внимательно, какъ тщательно они изучали древнихъ авторовъ».

Несмотря на это объясненіе, все-таки послѣ этого ему пришлось оставить службу, ибо, по тогдашнимъ взглядамъ въ высшихъ сферахъ учебныхъ, всякій грѣхъ педагога прощается, но грѣхъ противъ классицизма никогда не прощается.

Предшественникъ этого директора тоже долженъ былъ оставить гимназію преждевременно. Такимъ образомъ главное, доминирующее вліяніе на гимназію, идущее отъ

Digitized by Google

главы ея, уже давно въ ней было далеко не изъ благопріятныхъ.

Въ учительскомъ составѣ я встрѣтилъ здѣсь теперь людей способныхъ, но дѣятельность которыхъ была совершенно парализована взаимными отношеніями. Изъ классиковъ, которые, по тогдашнимъ порядкамъ, должны были наиболѣе давать тонъ гимназіи, были два чеха и одинъ полякъ, и одинъ русскій.

Скажу объ одномъ учителѣ - чехѣ. Каждый мѣсяцъ, по полученіи жалованья, онъ относилъ половину жалованья въ банкъ. Кромѣ этого, онъ зарабатывалъ деньги еще тѣмъ, что имѣлъ у себя пансіонерами своихъ учениковъ; это какимъ-то образомъ не запрещалось въ то время, когда, кажется, все запрещалось. Онъ копилъ денежки затѣмъ, чтобы, накопивши, уѣхать на родину и жить тамъ благополучно. Какая жадность у него была къ деньгамъ, видно изъ слѣдующаго факта: хозяинъ дома, въ которомъ онъ жилъ, разсердился на его цыплятъ, которыхъ онъ завелъ на дворѣ дома, и отравилъ ихъ фосфоромъ; чехъ рѣшилъ жаловаться на хозяина, а цыплятъ-то отравленныхъ, чтобы они не пропадали, все-таки съѣлъ и чуть не умеръ отъ этого вмѣстѣ съ своею женой.

Ученики разсказывали, что послѣ этого долго у ихъ классика свѣтился изо рта фосфоръ. Объ этомъ классикѣ будетъ еще рѣчь дальше.

Другой классикъ - чехъ, родственникъ предыдущаго, какъ будто предчувствуя, что родственникъ его скоро глубоко осрамится, оставилъ Тверь и поступилъ въ другую гимназію. На мѣсто его поступилъ добродушный галичанинъ.

Не буду говорить о другихъ педагогахъ; скажу только, что почти всѣ они, будучи сами по себѣ прекрасными людьми, относились другъ къ другу съ недовѣріемъ; были между учителями маленькія партіи, человѣка въ два, но больше дѣйствовали они совсѣмъ въ одиночку.

Digitized by Google

О какомъ-нибудь единствѣ въ педагогической дѣятельности, въ идеальныхъ стремленіяхъ и рѣчи быть не могло. Отношеніе ихъ къ тому учебному заведенію, въ которомъ они обучали, достаточно характеризуется тѣмъ, что каждый изъ нихъ называлъ свою школу «помойной ямой». Между тѣмъ 18 лѣтъ тому назадъ, въ первое мое пребываніе въ Твери, учителя жили дружно между собою, любили свою гимназію и старались о поддержаніи ея чести.

XXV.

Ученики гимназіи были также совсѣмъ уже не тѣ шаловливые и жизнерадостные дѣти и юноши, которые убѣгали изъ гимназіи смотрѣть на ученье солдатъ и прятались за спинами послѣднихъ отъ разыскивавшаго ихъ грознаго инспектора, всегда готоваго хоть на улицѣ вцѣпиться имъ въ волоса, и все-таки любимаго ими, не тѣ юноши, которые, вставши до восхода солнца въ прекрасный весенній день, отправлялись на охоту всѣмъ классомъ и опаздывали, благодаря этому, къ началу уроковъ. Нѣтъ, это были какіе-то мрачные юноши, безъ краски въ лицѣ, озлобленные и какъ будто гораздо болѣе великовозрастные, чѣмъ прежніе гимназисты; это послѣднее могло быть и въ дѣйствительности, потому что теперь прибавился лишній классъ—VIII, не считая приготовительнаго. При томъ, теперь рѣдкій ученикъ оканчивалъ курсъ въ гимназіи, не оставаясь на второй годъ въ нѣсколькихъ классахъ, иногда во всѣхъ; только позднѣе вышло распоряженіе, такъ называемое «о незасиживаніи учениковъ въ гимназіи», по которому дозволялось оставлять ученика на второй годъ въ томъ же классѣ только три раза въ продолженіе гимназическаго курса, такъ что теперь ученикъ, самое большее можетъ просидѣть въ гимназіи 11, а съ приготовительнымъ классомъ—13 лѣтъ; слѣдовательно, теперь въ гимназіи учениковъ

Digitized by Google

старше 22—23 лѣтъ рѣдко можно встрѣтить. Прежде же, въ эпоху наибольшаго разгара классицизма, о которой мы говоримъ, ученикъ нерѣдко отсиживалъ въ каждомъ классѣ по два года, а съ особаго разрѣшенія и три года. Если онъ отсидѣлъ въ каждомъ изъ восьми классовъ по два года да въ приготовительномъ пробылъ два года, хотя въ приготовительномъ классѣ срока никакого не полагалось, — хоть пять лѣтъ сиди,—выйдетъ, что въ старшихъ классахъ были ученики за 25 лѣтъ, въ общемъ же масса за 20 лѣтъ. Такому великовозрастію тверскихъ гимназистовъ содѣйствовало, кромѣ усердія классиковъ въ оставленіи учениковъ на второй годъ, также и то, что составъ учениковъ гимназіи былъ въ подавляющемъ большинствѣ далеко не изъ интеллигентныхъ семействъ. Прежде преобладающій составъ учениковъ были дѣти чиновниковъ, дворянъ, вообще интеллигентный классъ общества. Теперь, при первомъ же взглядѣ на тверскихъ учениковъ, ходящихъ по коридору, раскачиваясь изъ стороны въ сторону при каждомъ шагѣ, и такъ размахивающихъ локтями, что надо было педагогу при встрѣчѣ посторониться, видно было, что это совсѣмъ не то. Не привыкшій къ такимъ типамъ въ московской 5-й гимназіи, я сначала подумалъ, что это, должно быть, тѣ «кухаркины дѣти», о которыхъ въ это время зашла рѣчь и въ печати, и въ офиціальныхъ сферахъ и противъ пріема которыхъ въ гимназію стали приниматься мѣры. Но нѣтъ, непохоже: дѣти кухарки, скромной труженицы, были бы скромнѣе; при томъ у этихъ молодцовъ, размахивающихъ локтями, по лицу было видно, что они ведутъ несовсѣмъ трезвую жизнь; у кухаркиныхъ дѣтей не хватило бы на это средствъ. Что же это за люди? Впослѣдствіи я узналъ, что главные воротилы между учениками, главные коноводы, вездѣ выставлявшіеся, вездѣ лѣзшіе впередъ, — это были дѣти кабатчиковъ, трактирщиковъ, содержателей разныхъ увеселительныхъ заведеній, вообще—разныхъ кулаковъ и міроѣдовъ, жи-

Digitized by Google

вущихъ всякаго рода прикровеннымъ грабежомъ. Конечно, они, т.-е. собственно ихъ родители, искали въ гимназіи не просвѣщенія, а «правовъ», при помощи которыхъ они могли бы еще лучше обирать людей и въ особенности получить привиллегіи по воинской повинности. Уже для этого послѣдняго эти юноши готовы были сколько угодно сидѣть въ гимназіи, благо дается отсрочка до окончанія курса въ ней. Такъ вотъ какой составъ учениковъ главенствуетъ въ гимназіи; это есть тотъ составъ общества, который и въ городѣ провинціальномъ даетъ всему тонъ: изъ этого класса выбираются преимущественно гласные въ думу, какъ домовладѣльцы (интеллигенція, большею частью бездомная, не допускается туда) и ворочаютъ дѣлами города; они же, къ позору науки и нашей интеллигенціи, — меценаты, покровители науки и искусства; ихъ выбираютъ въ попечители учебныхъ заведеній и въ главы разныхъ культурныхъ предпріятій,— и во все, конечно, вносятъ свое міросозерцаніе, т.-е. «я васъ всѣхъ, интеллигентовъ, продамъ и куплю; дворянство, благородство у меня въ карманѣ, захочу открыть кошель—вотъ тебѣ и дворянство; ученье нужно, конечно, для «блезиру», а впрочемъ оно только мѣшаетъ дѣловой жизни, сбиваетъ съ протореннаго пути». Дѣти этого класса ринулись въ гимназію, кажется, только со времени установленія привиллегій по образованію въ воинской повинности, такъ какъ гимназія прокладывала самую вѣрную дорогу къ этимъ привиллегіямъ. Дѣти высшихъ классовъ общества въ это время рѣдко отдавались въ гимназію, какъ вслѣдствіе трудности въ ней ученья, такъ и вслѣдствіе того, что составъ учениковъ гимназіи ужъ слишкомъ овульгарился. Поэтому дѣти высшихъ классовъ устремились въ это время въ привиллегированныя учебныя заведенія, куда не всѣ могутъ поступать. Эти привиллегированныя заведенія были къ тому же легче по ученію и большею частію даровыя. Итакъ, въ гимназіи тверской сталъ преобладающимъ ученикъ-кулакъ, кулакъ

Digitized by Google

по нраву, смотрѣвшій, какъ и его родители, съ пренебреженіемъ на «учителишку», котораго, онъ полагалъ, онъ можетъ за грошъ купить. Это, конечно, тоже не мало содѣйствовало забитости и загнанности тамошняго педагога.

Всему этому соотвѣтствовалъ и видъ гимназіи, внѣшній и внутренній. По внѣшнему виду это — громадная казарма, лишенная въ своей архитектурѣ и тѣни чего-либо изящнаго; внутри—громадные коридоры, залы, классы, также лишенные всякаго баловства искусства; воздухъ во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ никогда не провѣтривался; пыль пропитывала воздухъ и покрывала все, что было въ гимназіи; окна никогда не мылись, такъ что въ нихъ,—какъ будто нарочно это было сдѣлано,—ничего не было видно на улицу. Я, какъ словесникъ, обратилъ вниманіе на ученическую библіотеку; оказалось, что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ старыхъ, никуда негодныхъ, книжекъ. Немедленно я занялся этимъ и написалъ списокъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, которые непремѣнно должны быть въ ученической библіотекѣ ради образовательныхъ цѣлей. Списокъ я внесъ въ комиссію. Не могу при этомъ умолчать объ одномъ эпизодѣ при разсмотрѣніи списка: предсѣдатель комиссіи, почтенный человѣкъ, самъ авторъ историческихъ сочиненій и, при томъ съ нѣмецкой фамиліей, при имени Шиллера, вдругъ ополчился: «Зачѣмъ Шиллера? Воспитаніе и образованіе должно быть въ народномъ духѣ, а тутъ Шиллера! Мельниковъ (Печерскій) выше Шиллера, онъ можетъ вполнѣ и съ большой выгодой замѣнить Шиллера». Члены комиссіи не осмѣлились прекословить предсѣдателю. Такъ Шиллеръ и провалился. Послѣ этого о Гёте, Лессингѣ, Шекспирѣ, конечно, и рѣчи ужъ быть не могло.

До начала экзаменовъ, въ теченіе учебнаго года, въ этотъ первый годъ моего инспекторства я ничего особеннаго не замѣчалъ въ гимназіи, кромѣ этого ужаснаго вида гимназистовъ и того, что нѣкоторые изъ нихъ приходили

Digitized by Google

въ гимназію нетрезвые. Но къ этому пороку педагоги относились довольно легко: на совѣтѣ педагогическомъ обыкновенно говорили объ ученикѣ: «онъ пьетъ, но въ хмелю тихъ». Я видѣлъ только одного молодца, который еще звѣрообразнѣе, чѣмъ мои ученики: приходитъ одинъ разъ въ гимназію молодой человѣкъ, типъ самаго отчаяннаго провинціальнаго нигилиста по внѣшнему виду; я спрашиваю: «что вамъ здѣсь надобно»?—«Я хочу поступить въ гимназію».—«Въ какой классъ»?—«Въ VIII».—«Гдѣ вы учились»? — «Домашняго образованія» .—«Вы, значитъ, желаете держать экзаменъ вступительный: кто васъ готовилъ»?—«Отецъ мой, священникъ».—«Можетъ быть, вы въ семинаріи были»?—«Нѣтъ, только дома учился».—«Ну, хорошо, а все-таки будетъ сдѣланъ запросъ въ здѣшней семинаріи духовной о васъ, а кромѣ этого будетъ сдѣланъ запросъ отъ полицейскаго учрежденія той мѣстности, гдѣ вы жили, о вашемъ тамъ поведеніи». Послѣ этого молодой человѣкъ этотъ больше не появлялся въ гимназіи, но о немъ я услышалъ впослѣдствіи.

XXVI.

Настало время экзаменовъ, т.-е. время, такъ сказать, генеральнаго сраженія; со стороны учениковъ, для пріобрѣтенія «правовъ», время своего рода купли и продажи, когда учителя стараются заломить какъ можно больше съ учениковъ, а ученики стараются пріобрѣсти какъ можно дешевле, а въ случаѣ надобности, обмануть и т. д. Сначала, по обычаю, шли письменныя работы тихо и мирно: предполагалось по гимназическимъ правиламъ, что тутъ ужъ, т.-е. въ письменныхъ работахъ, надуть трудно, и поэтому онѣ должны быть самымъ главнымъ мѣриломъ успѣшности и развитія умственнаго ученика. По окончаніи письменныхъ испытаній въ VIII кл. учитель греческаго языка приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Ученики VIII кл. списали греческую работу».—«Не можетъ быть»

Digitized by Google

(вѣдь это значило бы, произошелъ тотъ грѣхъ, который не прощается гимназіи никогда). «Вѣрно, что списали, ужъ я и самъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, а списали».— «Да вѣдь все время письменной работы было узаконенное число наблюдателей, по одному на каждый десятокъ учениковъ, и ученики не выходили изъ залы гимназіи?» —«Все было какъ слѣдуетъ, и все-таки списали». Думаю, ужъ не подводитъ ли онъ подъ меня мины: я и самъ сталъ заражаться подозрительностью. — «Покажите мнѣ работы и подлинникъ, съ котораго списано». Принесъ учитель, я протираю хорошенько глаза, думая, ужъ не во снѣ ли я, и вижу ясно: списано буква въ букву, даже съ удержаніемъ проклятой опечатки, встрѣтившейся въ этомъ мѣстѣ въ подлинникѣ. По правиламъ, о такихъ, впрочемъ безпримѣрныхъ, случаяхъ надобно было доводить немедленно до свѣдѣнія округа, съ заключеніемъ совѣта. Собрался совѣтъ. На совѣтѣ оказалось, что нѣкоторые ученики только исправили свои письменныя работы по подлинному тексту, а нѣкоторые, человѣкъ пять, просто списали слово въ слово и буква въ букву; по крайней мѣрѣ, откровенно. Тѣмъ не менѣе совѣтъ сдѣлалъ такое заключеніе, что этихъ пять учениковъ, которые списали слово въ слово, не допускать къ устнымъ испытаніямъ, какъ незрѣлыхъ, съ оставленіемъ ихъ на второй годъ въ классѣ, а прочихъ допустить къ устнымъ испытаніямъ. При чемъ, какъ это всегда говорилось въ запутанныхъ случаяхъ, обратить особенное вниманіе на степень познанія ихъ въ греческомъ языкѣ. Округъ это мудрое рѣшеніе утвердилъ. Послѣ я узналъ отъ виновныхъ, какъ это они ухитрились списать; они мнѣ разсказали слѣдующее: списываніе идетъ собственно каждый годъ на испытаніяхъ зрѣлости, какъ и на другихъ испытаніяхъ, но не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ: иногда дальше прогонятъ изъ текста, чѣмъ надо, какъ было въ прошломъ году, а иногда опечатка подгадитъ, какъ было нынче. А дѣлается списываніе очень просто: каждый гимназистъ

Digitized by Google

знаетъ, что на письменномъ испытаніи зрѣлости по греческому языку обыкновенно тема изъ «Memorabilia» Ксенофонта или изъ Ѳукидида. Этихъ авторовъ ничего не стоитъ помѣстить въ листахъ въ карманѣ. Къ нимъ есть указатели собственныхъ именъ, по которымъ живо можно отыскать диктуемый текстъ. Такъ это и было, и пока русскій текстъ диктовался, т.-е. въ то время, когда наблюдатели еще не особенно подозрительно смотрѣли за экзаменующимися, одинъ еврейчикъ уже отыскалъ текстъ, самъ списалъ и другимъ передалъ. Немножко посѣтовали оставленные на второй годъ на несправедливость въ отношеніи къ нимъ, а дѣлать нечего, не будьте впередъ олухи. Но этотъ казусъ былъ только первая ласточка въ это время налета казусовъ.

Въ одно прекрасное утро тѣхъ прекрасныхъ весеннихъ дней, когда всѣмъ хочется дышать на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, вдыхать ароматъ свѣжей растительности, но когда экзамены устные въ самомъ разгарѣ и отравляютъ жизнь учащагося поколѣнія, приходитъ въ гимназію одинъ учитель-классикъ и сообщаетъ мнѣ, что въ минувшую ночь, въ полночь, подъ его кабинетъ былъ подложенъ порохъ въ бутылкѣ и произведенъ взрывъ, вслѣдствіе котораго весь кабинетъ былъ наполненъ пороховымъ дымомъ, и что онъ подозрѣваетъ въ этомъ учениковъ, которые, посѣщая его по вечерамъ для экстренныхъ занятій латинскимъ языкомъ, хорошо знали расположеніе комнатъ въ его квартирѣ и, вслѣдствіе этого, подсунули порохъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ обыкновенно долго по ночамъ занимается. Скверно! Ну, думаю, а можетъ быть и не такъ; можетъ быть, это и не порохъ былъ и не ученики. Приходитъ другой классикъ и говоритъ: «Я не хотѣлъ говорить: на этихъ дняхъ ночью въ окно моей квартиры влетѣли большіе камни; я думалъ, что это сдѣлали ученики городского училища, съ которыми я имѣлъ уличныя непріятности. Но сегодня ночью, въ полночь, въ окна влетѣли пять огромныхъ булыжниковъ (при этомъ онъ по-

Digitized by Google

казалъ руками объемъ ихъ); одинъ булыжникъ попалъ въ лампу, и только счастливая случайность спасла меня и жену отъ бѣды. Я видѣлъ въ окно, какъ побѣжали послѣ этого какіе-то молодые люди; подозрѣваю, что это были ученики гимназіи, именно ученики VI класса, гдѣ я классным наставниковъ». Гадко! Потомъ еще мнѣ сообщили, что учителя французскаго языка одинъ гимназистъ на улицѣ догналъ верхомъ на конѣ и ударилъ кнутомъ. Въ этотъ день мнѣ надобно было предсѣдательствовать на экзаменѣ по физикѣ. Я пошелъ къ директору, разсказалъ ему дѣло и сказалъ: «Я пойду искать виновныхъ». Директоръ сначала не соглашался, думая, не заглохнетъ ли такъ дѣло, но, посовѣтовавшись съ женой, разрѣшилъ мнѣ уйти. Этому способствовало и то, что на дняхъ у самого директора были разбиты стекла, что онъ объяснилъ шалостью учениковъ. Въ канцеляріи я случайно узналъ, что одинъ изъ самыхъ грубыхъ и великовозрастныхъ учениковъ V кл. наканунѣ подалъ прошеніе объ увольненіи и настойчиво просилъ немедленно выдать ему документы, что и было исполнено. Чуя, что здѣсь кроется что-то недоброе, я отправился прямо къ нему на квартиру. Это была квартира, въ которой жило нѣсколько учениковъ. Когда я пришелъ, никого изъ учениковъ не было дома: всѣ были на экзаменѣ; не было и выбывшаго вчера изъ гимназіи. Я спросилъ у хозяйки, былъ ли этотъ выбывшій изъ гимназіи вчера вечеромъ дома, и узналъ, что онъ пришелъ домой уже на разсвѣтѣ, а гдѣ онъ былъ— хозяйка не знаетъ. На вопросъ: «гдѣ онъ теперь?» она сказала, что, должно быть, у знакомаго офицера, живущаго тамъ-то. Я туда. Прихожу они сидятъ за столомъ; ученикъ всталъ и, заложивъ руки въ карманъ, дерзко смотритъ на меня, очевидно пьяный. Я вынулъ его руки изъ кармана и показалъ, какъ надо стоять: «Гдѣ вы были прошедшею ночью?»—«Я не могу сказать».—«Вы должны сказать».—«Въ непристойномъ домѣ».—«Больше мнѣ ничего отъ васъ не надобно», и ушелъ. Такъ какъ онъ уже

Digitized by Google

не былъ ученикъ гимназіи, то я тотчасъ же далъ знать полиціи, чтобы она разслѣдовала, гдѣ онъ былъ ночью. Скоро оказалось, что, дѣйствительно, онъ произвелъ взрывъ и сдѣлалъ нападеніе на учителя французскаго языка. Любопытно объясненіе, которое онъ далъ на слѣдствіи, зачѣмъ онъ сдѣлалъ взрывъ. Онъ, какъ и многіе другіе слабые ученики, ходилъ къ этому учителю для вечернихъ занятій латинскимъ языкомъ. Но онъ, какъ и другіе, былъ убѣжденъ, что главная цѣль привлеченія учениковъ къ этимъ занятіямъ была не въ томъ, чтобы имъ помочь, а въ томъ, чтобы, узнавъ, кто изъ учениковъ чего не знаетъ, именно это и спросить на урокѣ или на экзаменѣ, для того чтобы влѣпить ученику единицу. Само собою разумѣется, что это было только воображеніе ученика, однако же очень характерное. Этотъ же молодецъ напалъ и на француза, вѣроятно, тоже изъ-за единицы или двойки на экзаменѣ.

Послѣ этого я пошелъ искать «стеклобитцевъ». Обыкновенно въ учебномъ заведеніи эти розыски такъ просты, что только дивиться, какъ отваживаются ученики на такія нелѣпыя дѣйствія. Отправляюсь въ квартиру, гдѣ жили особенно грубые, по своему воспитанію, ученики, которые могутъ быть орудіями самыхъ грубыхъ плановъ. Прихожу туда. Ихъ дома нѣтъ, они на экзаменѣ. Спрашиваю у хозяйки: «были ли дома вечеромъ ученики?»—«Нѣтъ, они пришли только на разсвѣтѣ».—«Вмѣстѣ всѣ пришли?»—«Нѣтъ, врозь, но скоро одинъ за другимъ». Не было почти никакого сомнѣнія, что это они сдѣлали. Но былъ еще одинъ ученикъ въ гимназіи не русскій по происхожденію, который никогда ни въ чемъ не попадался, но очевидно было, что никакія гадости въ гимназіи не обходились безъ его участія. Я отправился на его квартиру и засталъ тамъ его отца, служащаго по полиціи, который въ это время пріѣхалъ навѣстить сына. Этотъ полицейскій говоритъ мнѣ: «я знаю, зачѣмъ вы пришли; только увѣряю васъ, что сынъ мой неви-

Digitized by Google

повенъ; я вчера сказалъ ему: «я тебя убью, если это ты сдѣлалъ», а онъ сталъ на колѣни и говоритъ: «папа, ей-Богу не я; это сдѣлалъ А.» Больше я ничего не говорилъ. А былъ ученикъ VI кл., т.-е. того класса, на который высказалъ подозрѣніе учитель, заявившій о разбитіи у него стеколъ. Этотъ А. былъ извѣстенъ своею нетрезвостью и крайней грубостью воспитанія. На него именно у меня и было больше всего подозрѣніе. Теперь я былъ увѣренъ, что ключъ и къ этой исторіи найденъ.

На другой день прихожу въ гимназію. Надобно замѣтить, что порядокъ въ ней на это время, т.-е. на время экзаменовъ, былъ заведенъ очень странный. Ученики нѣкоторыхъ классовъ, въ томъ числѣ VI и VII, окончили уже всѣ свои экзамены, но должны были еще ходить въ гимназію на уроки, такъ какъ время отпуска учениковъ, указанное въ правилахъ, еще не пришло, и ждать опредѣленія совѣта относительно результатовъ экзамена. Такимъ образомъ приходилось ходить на уроки, безъ дѣла собственно, недѣли двѣ послѣ экзаменовъ, до наступленія каникулъ. Въ другихъ гимназіяхъ, во избѣжаніе этого, начинали экзамены въ тѣхъ классахъ, гдѣ экзаменовъ немного, по-позднѣе, чтобы дотянуть ихъ до времени отпуска, а здѣсь что-то не догадались сдѣлать это. Для инспектора это было страшно трудное время: учителя не идутъ въ свое время въ классъ, потому что тамъ дѣлать нечего, когда ужъ и экзамены кончены; ученики придумываютъ себѣ развлеченія, отъ нечего дѣлать. Я сталъ у отворенной двери VI класса, въ который учитель не шелъ. Ученики были, очевидно, въ возбужденномъ состояніи; рѣчь у нихъ шла предъ этимъ, безъ сомнѣнія, о завчерашнихъ происшествіяхъ. Я сталъ смотрѣть въ спину А., который старался показать себя спокойнымъ, но замѣтно слишкомъ старался. Черезъ нѣсколько времени, когда учитель вошелъ въ классъ, я сказалъ: «А., подите ко мнѣ». Я его отвелъ въ канцелярію. «Вы били стекла?» «Нѣтъ», торопливо заговорилъ А. «Мнѣ извѣстно, что вы били».

Digitized by Google

«Нѣтъ, я только присутствовалъ при этомъ, а стекла били другіе, вотъ такіе-то, а я не билъ». Я велѣлъ солдату принести книги этого ученика изъ класса, и отправилъ его домой. Послѣ этого я вызвалъ изъ класса одного изъ указанныхъ А. «Вы били стекла?» «Нѣтъ, нѣтъ». «Я знаю, что били». Послѣ недолгаго запирательства горькія слезы: «виноватъ». «Зачѣмъ же вы били?»—«Е. В., вы бы сами на нашемъ мѣстѣ сдѣлали бы тоже самое».—«Что вы говорите? а если бы и сдѣлалъ, то понесъ бы наказаніе такое же, какое и вы понесете».—«Ей-Богу, Е. В., сдѣлали бы».—«Ну, какъ же?» «Живущіе у этого учителя пансіонеры (ученики VI кл.) списали греческую работу съ книги слово въ слово, а мы списали уже съ работы пансіонеровъ, и тоже все слово въ слово, а онъ поставилъ своимъ пансіонерамъ по 5+, а намъ всѣмъ по 1—. Ну, развѣ это справедливо? Ужъ если ставить единицы, такъ надобно всѣмъ ставить, а ставить своимъ пансіонерамъ по 5+, а другимъ по 1— развѣ это справедливо? Мы были даже увѣрены, что онъ желаетъ, чтобы мы всѣ списывали, потому что онъ все время письменной работы глядѣлъ въ окно на улицу и стучалъ пальцемъ по стеклу». Остальные допрошенные (всего было ихъ 5 человѣкъ) показали то же самое и всѣ съ одинаковыми пріемами: сначала, по вызовѣ, ученики входили храбро, стараясь показать веселую, невинную физіономію. Сначала рѣшительное отрицаніе вины, но скоро лицо дѣлалось мрачнымъ и слезы, горячія слезы. Я когда кончилъ, самъ разрыдался въ учительской комнатѣ: меня они поразили, несмотря на свою грубую кору, дѣтской наивностью и душевной чистотой. Я рѣшился, насколько возможно, защитить ихъ. Но дѣло далѣе осложнилось.

XXVII.

Когда я сталъ докладывать директору о результатахъ своего изслѣдованія, директоръ перебилъ меня замѣчаніемъ: «это все пустяки; есть у насъ вещи поважнѣе».

Digitized by Google

Оказалось, что въ этотъ же день полиціей арестованъ одинъ ученикъ VII кл. по дѣлу о распространеніи преступныхъ въ политическомъ смыслѣ листковъ, и у нѣсколькихъ учениковъ того же класса произведены были обыски. Дѣйствительно, это уже совсѣмъ скверная исторія. Узнавши объ этомъ, я тотчасъ же отправился къ ученикамъ, у которыхъ произведенъ былъ обыскъ. Я не хотѣлъ, чтобы они вообразили, что они какую-то политическую роль играютъ, ибо хорошо зналъ, что они попали въ это дѣло только по глупости, по совершенному невѣдѣнію практической жизни. Естественно, что я засталъ ихъ крайне сконфуженными. Оказалось, что какой-то проѣзжій передалъ одному изъ учениковъ на желѣзнодорожной станціи пакетъ, какъ онъ сказалъ, съ книгами. Въ пакетѣ оказались преступные листки, частію, для того, чтобы вѣрнѣе заинтересовать учениковъ, листки порнографическаго содержанія. Тѣ и другіе листки переданы были нѣкоторымъ ученикамъ, а одинъ изъ учениковъ занялся на досугѣ, по окончаніи экзаменовъ, когда еще ученье не окончилось, воспроизведеніемъ этихъ листковъ при помощи гектографа. Надобно сказать, что уже во время экзамена въ VII кл. обнаружилось въ этомъ классѣ настроеніе не желательное. Просматривая сочиненія учениковъ этого класса, написанныя ими на экзаменѣ, я обратилъ вниманіе на сочиненіе перваго ученика, обнаружившаго въ сочиненіи такую заразу фразами отрицательнаго образа мыслей, что, я, несмотря на то, что трое разсматривавшихъ сочиненіе прежде меня поставили за него баллъ 5, поставилъ 1, съ замѣчаніемъ, что, по причинѣ крайней неразвитости этого ученика, считаю его не заслуживающимъ перевода въ слѣдующій классъ. И дѣйствительно, такіе ученики бывали въ ту эпоху крайне формальнаго классицизма: главнымъ образомъ требовалось отъ ученика, чтобы онъ наловчился писать латинскія и греческія экстемпораліи, и наловчались въ этомъ нерѣдко тупые ученики, какъ наловчаются совсѣмъ ограниченные

Digitized by Google

люди по интеллектуальному развитію прекрасно играть въ карты и обдѣлывать разныя мелкія дѣлишки. Вотъ и этотъ ученикъ, мать котораго держала въ городѣ кабакъ, гдѣ и онъ помогалъ матери, окруженной всегда самой грубой средой, у которой фантазія достаточно разстроена винными парами, умѣлъ писать экстемпораліи лучше другихъ товарищей. Поощряемый этимъ превосходствомъ надъ товарищами и почитавши еще упомянутыхъ листковъ, онъ вообразилъ, что онъ призванъ къ чему-то особенному, и чтобы доказать это, началъ воспроизводить листки при помощи гектографа. Тогда какъ другіе ученики быстро сознали глупость своего положенія, этотъ нѣкоторое время еще разыгрывалъ дѣятеля, пока не убѣдился, что его, дѣйствительно, оставили на второй годъ въ классѣ по причинѣ неразвитости. Были, конечно, и такіе ученики изъ попавшихся съ этими листками, которые не сконфузились, а только испугались за свою шкуру: одинъ изъ нихъ, отличавшійся въ классѣ особенной тупостью, доходившей до глупости, говорилъ: «Дерите меня сколько угодно, только не исключайте изъ гимназіи, потому что я хочу быть лѣкаремъ и жить хорошо, а не такъ, какъ мой отецъ».

Всѣ эти исторіи въ гимназіи произошли одновременно не случайно. Оказалось, что въ городѣ были кто-то старшіе, руководители всѣхъ этихъ безпорядковъ. Въ ночь, когда били стекла въ квартирѣ учителя и подкладывали порохъ подъ квартиру другого учителя, на столбахъ въ городѣ были расклеены литографированныя воззванія, чтобы бить такихъ-то учителей. Въ этомъ воззваніи было высказано крайне враждебное отношеніе къ классической системѣ, заведенной въ гимназіяхъ гр. Д. А. Толстымъ. Оно, очевидно, составлено было не учениками; тутъ только орудіемъ протеста были выбраны ученики, какъ болѣе удобный для этихъ цѣлей матеріалъ. О закулисной сторонѣ этого дѣла мнѣ не было сообщено. Случайно только я узналъ, что главнымъ дѣятелемъ между учениками, подстрекателемъ, былъ тотъ молодой человѣкъ, ко-

Digitized by Google

торый просилъ о дозволеніи держать экзаменъ въ VIII кл. и которому я сказалъ, что предварительно надобно справиться о его поведеніи на мѣстѣ его жительства. Этотъ молодой человѣкъ во время этихъ происшествій внезапно куда-то исчезъ, и по крайней мѣрѣ долго его никакъ не могли отыскать.

Педагогическій совѣтъ отнесся ко всѣмъ этимъ несчастнымъ юношамъ, какъ стеклобитцамъ, такъ и хранившимъ листки, довольно милостиво: большая часть ихъ были только переведены въ другія гимназіи; уволены были только арестованный полиціей и тотъ ученикъ, который просилъ драть его сколько угодно: первый изъ нихъ, кромѣ всего прочаго, сильно запивалъ, а второй былъ ужъ слишкомъ глупъ.

Въ продолженіе всѣхъ этихъ исторій и всего разслѣдованія ихъ я сохранилъ полное присутствіе духа, полное обладаніе собой, за что благодарю Господа Бога. Когда, по поводу этихъ исторій, пріѣхалъ на слѣдствіе окружной инспекторъ Л. И. Лаврентьевъ, я сказалъ ему: «Для гимназіи эти исторіи выгодны: это прорвавшійся нарывъ, который образовался и назрѣвалъ уже давно; теперь гимназія будетъ здоровѣе. Что же касается до меня, какъ инспектора гимназіи, на отвѣтственности котораго лежитъ порядокъ въ ней, то я всегда готовъ возвратиться опять къ своему учительству въ Москвѣ, если будетъ признано, что дебютъ мой въ инспекторствѣ былъ неудаченъ; учителемъ же плохимъ меня никогда не считали». Однако, даже директоръ приписалъ быстрое прекращеніе безпорядковъ главнымъ образомъ моему энергическому разслѣдованію этого дѣла. При томъ умиротвореніе гимназіи не считалось еще прочнымъ. Поэтому мнѣ было заявлено, что до полнаго умиротворенія гимназіи я долженъ остаться въ Твери; такъ не состоялось и назначеніе меня въ директора «черезъ годъ» инспекторства. Я и самъ считалъ нравственнымъ долгомъ сдѣлать все, что могу, для этой гимназіи.

Digitized by Google

Относительно учителей, противъ которыхъ устроены были безпорядочныя дѣйствія, я просилъ представителя окружного управленія не перемѣщать ихъ въ другія гимназіи, какъ этого требовалъ директоръ, говорившій, что онъ не отвѣчаетъ за порядокъ въ гимназіи, пока эти учителя находятся въ ней: я находилъ, что если перевести этихъ учителей, то выйдетъ, что какъ будто цѣль безпорядковъ достигнута, и ученики, потерпѣвшіе за нихъ,—въ нѣкоторомъ родѣ герои, пострадавшіе за благо ближнихъ; чтобы не подавать къ этому повода, я просилъ по крайней мѣрѣ на время оставить все какъ есть.

XXVIII.

Въ слѣдующемъ учебномъ году, дѣйствительно, наступило полное успокоеніе гимназіи. Остался между учениками только старый, закоренѣлый порокъ—наклонность къ выпивкѣ, но уже безобразій, связанныхъ съ нею, было мало. Наклонность эта обнаруживалась учениками при всякомъ удобномъ случаѣ: такъ, напр., одинъ почтенный преподаватель открылъ курсъ для учениковъ старшихъ классовъ, по воскресеньямъ, о Платонѣ, греческомъ философѣ. Первая лекція ученикамъ очень понравилась; они были въ восторгѣ и по этому случаю послѣ лекціи купили водки и такъ натянулись, что объ этомъ дошло даже до директора, который и наказалъ ихъ. Продолжать послѣ этого лекціи найдено было неудобнымъ; такъ онѣ и прекратились. Само собою разумѣется, что нельзя было устроить никакого гимназическаго празднества безъ великой опасности въ означенномъ отношеніи, ибо соблюдалась пословица: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ». Если случится такъ, что подъ рядъ два дня праздники церковные, то ужъ навѣрное, при посѣщеніи квартиръ, найдешь пьяненькихъ, особенно если посѣтить поздно вечеромъ. Наказывали; но что могутъ помочь обыкновенныя гимназическія наказанія? Я говорю одному

Digitized by Google

ученику: «Я васъ на трое сутокъ посажу въ карцеръ на хлѣбъ и воду». Онъ откровенно мнѣ отвѣтилъ: «Что значитъ мнѣ сидѣть въ темной комнатѣ, спать на хорошемъ казенномъ тюфякѣ съ чистымъ бѣльемъ и питаться хорошимъ хлѣбомъ съ водой, когда я по цѣлымъ суткамъ валялся на грязной дорогѣ—и ничего! послѣ этого вашъ карцеръ-то мнѣ покажется раемъ». А выгонять изъ гимназіи этого ученика было жаль: ужъ очень хорошо онъ пѣлъ въ церкви, я никогда не слыхалъ такого дивнаго пѣвца между учениками, да и человѣкъ онъ былъ, кромѣ пьянства, хорошій. Кромѣ того, во всю мою педагогическую дѣятельность я не считалъ увольненіе учениковъ изъ гимназіи мѣрою сколько-нибудь полезною, вопреки духу тогдашнихъ гимназическихъ правилъ, которыя требовали какъ можно усерднѣе изгонять учениковъ изъ гимназіи для того, чтобы дурные ученики не заражали хорошихъ. Я всегда думалъ, что гимназія, удаляя дурныхъ, обнаруживаетъ только свое безсиліе, пріучается къ воспитательной бездѣятельности и считалъ эту бездѣятельность законною. Учениковъ нельзя отвратить отъ какого-нибудь порока, или вообще недостатка, до тѣхъ поръ, пока они не сознаютъ, что этотъ порокъ дуренъ, что стыдно оставаться при немъ. Если же между учениками вкоренилось это убѣжденіе, то отдѣльные порочные или зараженные какимъ-либо явнымъ недостаткомъ не будутъ дѣйствовать вредно на товарищей; они изолированы общимъ презрѣніемъ или по крайней мѣрѣ сожалѣніемъ къ нимъ. Если же, напр., пьянство считается въ гимназіи молодечествомъ, то никакими исключеніями не искоренить его: оно только сдѣлается скрытнѣе и будутъ приниматься болѣе дѣятельныя мѣры для скрытія этого порока.

Часто сравниваютъ школу съ семьей; говорятъ по крайней мѣрѣ, что воспитатели должны отечески заботиться о своихъ ученикахъ; недостатокъ отеческой заботливости ставится имъ въ вину. Скажите, какой же отецъ

Digitized by Google

за дурное поведеніе выгонитъ своего сына изъ дому, чтобы нога его никогда не была въ семьѣ? Если же какой отецъ это сдѣлаетъ, трудно признавать его истиннымъ отцомъ, не признаетъ его таковымъ и прогнанный сынъ. «Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не раздражается, не мыслитъ зла, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ» (I Коринѳ., 13, 4—7). Только это и есть истинный воспитательный путь. Сколько у меня было такихъ учениковъ, которые, повидимому, совсѣмъ невозможны въ учебномъ заведеніи, но изъ нихъ черезъ годъ, два, три выходили прекрасные юноши! и сколько было такихъ, которые тише болота лѣсного, о которыхъ, повидимому, совсѣмъ не стоитъ заботиться, и изъ нихъ выходило худшее, что только было между моими учениками! Не очищаетъ гимназію исключеніе дурныхъ учениковъ, а только дѣлаетъ учениковъ не откровенными предъ воспитателями, скрытными, подозрительными, заставляетъ считать воспитателей врагами и недоброжелателями. Слѣдуетъ замѣтить, что самые преданные гимназіи, самые благодарные бываютъ обыкновенно изъ тѣхъ учениковъ, которые потребовали отъ гимназіи наиболѣе хлопотъ и причинили ей наиболѣе тревогъ; а такъ называемые «примѣрные» ученики принимаютъ всякія награды отъ гимназіи какъ должное, и имъ всегда мало.

Но если съ учениками, во второй годъ моего инспекторства, не было никакого особеннаго «казуса», то съ однимъ изъ учителей произошелъ большой казусъ. Мы говоримъ о томъ учителѣ - чехѣ, у котораго въ предыдущемъ году были выбиты стекла. Потерявъ пансіонеровъ - учениковъ, которые не хотѣли подвергаться опасности отъ бросаемыхъ въ окна каменьевъ, этотъ педагогъ придумалъ другое, болѣе вѣрное средство нажить что-нибудь; онъ рѣшился открыть, на имя своей жены, питейное заведеніе распивочно и на выносъ. Городъ тутъ поступилъ съ нимъ истинно по-предательски; для откры-

Digitized by Google

тія этого заведенія требовались хлопоты въ разныхъ инстанціяхъ общественныхъ и казенныхъ, и нигдѣ этому иноземцу, не знающему нашихъ нравовъ и обычаевъ, не сказали, что онъ затѣваетъ неладное, и вездѣ давали быстро разрѣшенія и патенты, и только наканунѣ открытія заведенія полиція «сочла долгомъ сообщить» гимназіи, что такой-то преподаватель гимназіи, статскій совѣтникъ, завтра открываетъ питейное заведеніе, на имя своей супруги; полиція сообщила объ этомъ, какъ бы приглашая гимназію почтить своимъ присутствіемъ это торжество. Въ день открытія, само собою разумѣется, означенный преподаватель не пришелъ въ гимназію, потому что онъ былъ занятъ у себя своимъ дѣломъ. Директоръ утромъ показалъ въ учительской бумагу отъ полиціи. Разумѣется, всѣ такъ и ахнули. Какъ будто зная объ этомъ торжествѣ, въ этотъ же день утромъ пріѣхалъ на ревизію гимназіи окружный инспекторъ Л. И. Лаврентьевъ. Конечно, ему немедленно была сообщена эта важная новость. Онъ тотчасъ же послалъ за симъ педагогомъ, приглашая явиться немедленно. Объясненіе было, конечно, очень курьезное: сначала учитель показывалъ, что не понимаетъ, что тутъ худого, потомъ ссылался на то, что патентъ, который долженъ висѣть въ заведеніи, данъ не на его имя, а на имя «жены статскаго совѣтника» такой-то. Когда ему сказано было, что и это неприлично, онъ сталъ говорить, что его подбилъ къ этому одинъ изъ русскихъ его товарищей, чего однакоже доказать не могъ. Послѣ этого и я уже находилъ, что теперь не ученики выжили его изъ гимназіи, а онъ самъ себя выживалъ. Все-таки ему была оказана большая милость: его перевели въ одну изъ прогимназій другого округа. Въ оправданіе нѣкоторое какъ нашего педагогическаго сословія вообще, такъ и въ частности педагоговъ-чеховъ должно сказать, что скоро на мѣстѣ своего новаго служенія онъ оказался совсѣмъ разстроеннымъ умственно. Вѣроятно, это разстройство уже началось въ Твери, и этимъ объясняется какъ откры-

Digitized by Google

тіе имъ заведенія, такъ и то, что онъ съѣлъ отравленныхъ цыплятъ, хотя и у сумашедшаго основные пункты бываютъ нерѣдко тѣ, которые были, когда еще онъ былъ здоровый.

Въ концѣ учебнаго года, просматривая расписаніе экзаменовъ и распредѣленіе уроковъ во время экзаменовъ, я вижу,—о ужасъ!—что опять въ VI и VII классахъ экзамены такъ распредѣлены, что послѣ нихъ двѣ недѣли еще должны продолжаться уроки.

Какъ ни убѣждалъ я измѣнить это, всегда получалъ въ отвѣтъ: расписаніе составлено согласно съ существующими правилами и инструкціями. Когда я писалъ объ этомъ директору 5-й московской гимназіи, считавшейся одной изъ самыхъ лучшихъ въ округѣ, директоръ ея написалъ мнѣ, что если бы устроить такой порядокъ во время испытаній въ 5-й гимназіи, то и въ ней, безъ сомнѣнія, произошли бы большіе безпорядки. Къ счастію, передъ экзаменами пріѣхалъ въ Тверь помощникъ попечителя, который, вслѣдствіе моего заявленія, и предложилъ измѣнить такъ расписаніе, чтобы послѣ экзаменовъ въ каждомъ классѣ ученики немедленно были отпускаемы домой и уроковъ болѣе не было бы.

Такъ экзамены и окончились благополучно.

XXIX.

Въ слѣдующемъ учебномъ году уже было совершенно ясно, что гимназія тверская пришла въ надлежащій порядокъ. На мѣсто означеннаго учителя-чеха поступилъ прекрасный учитель-классикъ г. Фаминскій. Я чувствовалъ, что въ этой гимназіи мое дѣло было сдѣлано, и пора мнѣ быть уже не помощникомъ, а самостоятельно вести гимназію. Лѣтомъ на каникулахъ я, послѣ женитьбы, всегда отправлялся на рижское взморье. Въ первую же поѣздку изъ Твери на взморье, т.-е. въ 1884 г., я случайно познакомился тамъ съ тогдашнимъ попечителемъ

Digitized by Google

Рижскаго (тогда еще Дерптскаго) учебнаго округа, знаменитымъ дѣятелемъ этого края, М. Н. Капустинымъ, который бывалъ въ томъ пансіонѣ, гдѣ я жилъ, у начальницы московскаго Чернявскаго училища Яблочковой. Личность М. Н. Капустина, обладавшаго яснымъ, широкимъ умомъ, а также его энергическая, неутомимая дѣятельность живо меня заинтересовали. Въ это время, можно положительно сказать, онъ былъ положительно «воодушевленъ» своимъ дѣломъ, считая свою миссію «исторической». Сначала меня просто интересовала эта личность и его дѣятельность, и мы не мало проводили времени вмѣстѣ. При этомъ, само собою разумѣется, я все болѣе былъ посвящаемъ имъ въ его дѣла и его интересы. Очень многому я сочувствовалъ въ его стремленіяхъ: надобно замѣтить, что въ началѣ своей дѣятельности въ этомъ краѣ онъ еще не обнаруживалъ того стремленія совершенно сломать порядки въ мѣстной средней школѣ, которые были во многомъ лучше тогдашнихъ толстовскихъ порядковъ въ нашей, и ввести въ эти школы всѣ наши порядки, которымъ я тогда, испытавъ вліяніе ихъ въ тверской гимназіи, совсѣмъ не сочувствовалъ. Я полагалъ, что то, что есть хорошаго въ мѣстной школѣ (разумѣется всегда средняя), должно быть сохранено, если только не вредитъ какимъ-бы то ни было дѣйствительнымъ интересамъ русской политики; полагалъ, что общая нивеллировка школъ по всей Россійской имперіи не вызывается никакими дѣйствительными потребностями. М. Н. сначала въ то время сочувствовалъ этому, и отчасти по его совѣту и съ его одобренія я составилъ записку о томъ, какія изъ особенностей мѣстной педагогической жизни слѣдовало бы не только сохранить, но и ввести во внутренней Россіи. Эту записку я, по совѣту его же, М. Н., представилъ лично тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Делянову. Министръ, ознакомившись съ ней, нашелъ ее заслуживающею вниманія и передалъ ее на обсужденіе въ Ученый комитетъ. Здѣсь, какъ я слышалъ,

Digitized by Google

нашли, что хотя многое въ запискѣ, дѣйствительно, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, но необходимости нѣтъ трогать существующіе великолѣпные порядки, т.-е. комитетъ держался принципа: quieta non movete.

Въ слѣдующія каникулы, въ 1885 г., я, по приглашенію М. Н. Капустина, былъ у него на дачѣ въ Ревелѣ, въ Екатериненталѣ. Здѣсь цѣлую недѣлю былъ съ нимъ почти неразлучно, съ утра до вечера, и еще больше ознакомился съ этой, во всякомъ случаѣ выдающейся, личностью. Образъ жизни его былъ крайне простой, совершенно такой, какъ живутъ бѣдные студенты, погруженные въ свои книжные интересы. Онъ самъ шелъ въ лавочку купить себѣ пару носковъ или пачку папиросъ за 25 к. Кабинетъ его былъ наполненъ табачнымъ дымомъ и никогда, ради избѣжанія сырости и сквозняка, не провѣтривался. Дома онъ постоянно ходилъ въ старомъ короткомъ халатѣ и растоптанныхъ туфляхъ, правду сказать, нѣсколько напоминая своего земляка Плюшкина (Капустинъ былъ малороссъ). Но все это какъ будто надобно было Михаилу Николаевичу для того, чтобы всецѣло посвятить себя труду, не заботясь ни о чемъ внѣшнемъ. Работалъ онъ много и всегда съ большимъ нервнымъ возбужденіемъ. Это возбужденіе, однако же, не мѣшало получить его работѣ стройность, ясность, законченность, своего рода изящество, рѣдкое въ административныхъ работахъ. Все, что онъ писалъ въ офиціальныхъ докладахъ и распоряженіяхъ, блистало умомъ, часто юморомъ и всегда дѣловой силой. Въ это время я познакомился у М. Н. съ огромной работой, такъ называемой «сенаторской ревизіей» Манассеина. Эта ревизія собственно и положила основаніе реформамъ въ краѣ. М. Н. называлъ ее «первой бороздой, проведенной здѣсь для русскаго дѣла». И дѣйствительно, трудъ этотъ монументальный.

Во время этого пребыванія въ Ревелѣ М. Н. однажды говоритъ мнѣ: «Пойдемте къ губернатору обѣдать». Я сказалъ: «Какъ же я пойду? Я съ нимъ не знакомъ и не

Digitized by Google

дѣлать ему визита.» — «Ничего, пойдемъ». — «Ну, на вашей отвѣтственности». Мы пришли, когда уже всѣ сидѣли за столомъ, и вдругъ губернаторъ и всѣ бывшіе за столомъ встаютъ и обращаются ко мнѣ: «Егоръ Васильевичъ, какими судьбами?» Оказалось, что тутъ почти всѣ были мои ученики по Москвѣ, въ томъ числѣ и самъ губернаторъ, не менѣе знаменитый дѣятель въ этомъ краѣ, чѣмъ М. Н. Капустинъ, кн. С. В. Шаховской и его братъ кн. Н. В. Шаховской, который впослѣдствіи былъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Я былъ представленъ супругѣ губернатора, урожденной графинѣ Милютиной, которая, вмѣстѣ съ своимъ супругомъ, основала монастырь женскій въ Пюхтицѣ. За столомъ у князя сидѣли почти всѣ русскіе чиновники въ Ревелѣ, а также мѣстный священникъ, такъ что русская колонія была здѣсь представлена почти вполнѣ. Князь С. В. разсказывалъ, какъ трудно было ему бороться въ этомъ краѣ за русское дѣло, какъ ничтожна была здѣсь власть губернатора. Между прочимъ онъ разсказалъ слѣдующее: православные эстонцы жаловались ему, что пасторы заставляютъ православныхъ работать на нихъ, въ данномъ случаѣ приказано было строить пастору домъ. Полиція, судъ — все въ рукахъ дворянства. У губернатора для приведенія въ дѣйствіе его распоряженій есть только шесть жандармовъ, и вотъ чтобы заставить мѣстныя власти не принуждать православныхъ работать на пасторовъ, онъ посылаетъ на мѣсто постройки нѣсколько жандармовъ съ приказаніемъ стрѣлять въ тѣхъ, кто будетъ принуждать православныхъ строить домъ пастору.

Разница между кн. Шаховскимъ и Капустинымъ въ ихъ реформаторской дѣятельности заключалась въ томъ, что кн. Шаховской шелъ къ своей цѣли прямолинейно, не отступая передъ препятствіями, тогда какъ Капустинъ, въ случаѣ сильнаго противодѣйствія, обходилъ препятствія и, такимъ образомъ, кружнымъ путемъ приходилъ къ цѣли; онъ обыкновенно говорилъ, что когда кормчій

Digitized by Google

встрѣчаетъ на пути корабля скалу среди моря, онъ обходитъ ее, чтобы не погубить всего корабля. Во всякомъ случаѣ эти два дѣятеля какъ бы дополняли другъ друга.

Въ слѣдующемъ учебномъ году, на рождественскихъ каникулахъ, по приглашенію Мих. Ник., я былъ у него также въ Ревелѣ, гдѣ на этотъ разъ онъ имѣлъ пребываніе въ квартирѣ губернатора кн. Шаховского. Остановившись въ гостиницѣ, я явился къ М. Н. въ черномъ фракѣ. М. Н. обрадовался, повидимому, не столько мнѣ, сколько фраку: ему надобно было ѣхать въ этотъ день на прощальный обѣдъ, который давался въ Ревелѣ какому-то отъѣзжавшему генералу, а между тѣмъ фрака чернаго онъ съ собою не взялъ изъ Дерпта; въ мундирѣ же явиться на обѣдъ было неумѣстно. Поэтому онъ попросилъ дать ему примѣрить мой фракъ: оказалось, что онъ въ моемъ фракѣ, какъ въ мѣшкѣ, но М. Н. нашелъ фракъ для него пригоднымъ. Самому же мнѣ пришлось надѣть его пиджакъ, который съ трудомъ я кое-какъ надѣлъ на себя и, къ счастію, выходя изъ комнаты М. Н., ни съ кѣмъ не встрѣтился въ квартирѣ губернатора.

Въ эту же поѣздку въ Ревель я познакомился съ главнымъ сотрудникомъ и помощникомъ М. Н. въ его административной дѣятельности, съ окружнымъ инспекторомъ Рижскаго учебнаго округа С. Ѳ. Спѣшковымъ. По вступленіи въ управленіе округомъ М. Н. была уничтожена должность помощника попечителя, бывшая до него; на мѣсто же помощника попечителя назначены были два окружныхъ инспектора, изъ коихъ одинъ имѣлъ пребываніе въ Ревелѣ, а другой въ Ригѣ. Лично для попечителя были, конечно, гораздо удобнѣе окружные инспектора, чѣмъ помощникъ попечителя, представляющій изъ себя нѣкотораго рода «особу», которая можетъ даже вступить въ глухую борьбу съ попечителемъ. Изъ назначенныхъ двухъ окружныхъ инспекторовъ М. Н. особенно цѣнилъ С. Ѳ. С—ва: «вотъ человѣкъ», писалъ онъ мнѣ: «уменъ и работникъ; самъ Богъ послалъ его мнѣ».

Digitized by Google

Въ продолженіе двухлѣтняго моего знакомства съ М. Н. мы оба «привыкли», какъ выражался М. Н., къ мысли, что я буду его сотрудникомъ по дѣятельности въ Прибалтійскомъ краѣ. Сначала М. Н. думалъ предложить мнѣ здѣсь мѣсто окружного инспектора, но къ этой должности я не чувствовалъ влеченія, затѣмъ, въ виду предстоявшаго открытія вакансіи директора въ рижской Александровской гимназіи, М. Н. предложилъ это мѣсто мнѣ, поставивъ на видъ, что рижская Александровская гимназія есть «главное русское учебное заведеніе въ краѣ», и постъ директора его не только педагогическій, но и политическій. На это письмо я отвѣтилъ, что не чувствую въ себѣ темперамента политическаго, т.-е. наклонности къ борьбѣ политической; но постараюсь поставить ввѣренную мнѣ гимназію на наибольшую высоту въ педагогическомъ отношеніи, и думаю, что этимъ я сдѣлалъ бы самую существенную услугу русскому дѣлу и въ политическомъ отношеніи. На это М. Н. мнѣ отвѣтилъ, что онъ самъ ѣхалъ въ этотъ край не для борьбы, а для мирной русской культуры, но онъ вызванъ на борьбу нападками на него и принимаетъ вызовъ; онъ увѣренъ, что то же будетъ и со мной.

Въ это же время директоръ 5-й московской гимназіи В. П. Басовъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе перейти въ дорогую мнѣ 5-ю московскую гимназію въ качествѣ инспектора. Онъ писалъ, что здоровье его плохо, и онъ желалъ бы, чтобы послѣ его смерти я принялъ эту дорогую намъ обоимъ гимназію, что онъ говорилъ уже объ этомъ съ попечителемъ и что попечитель на это согласился. Предложеніе было для меня, конечно, въ высшей степени пріятно; но я разсчиталъ, что лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ облакахъ; тверское инспекторство меня убѣдило, какія могутъ быть случайности. В. П. Басовъ не могъ не согласиться съ этимъ.

Въ то же время я получилъ еще одно предложеніе. Бывшій окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа,

Digitized by Google

а въ это время — помощникъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа, Л. И. Лаврентьевъ, предложилъ мнѣ мѣсто окружного инспектора въ Петербургѣ. Но, по указанной уже причинѣ, я долженъ былъ отказаться отъ этого мѣста, предпочитая болѣе скромное, но болѣе самостоятельное и независимое мѣсто директора гимназіи.

Когда, по окончаніи этого учебнаго года, я уѣзжалъ изъ Твери въ Ригу, ученики уже были въ отпускѣ, и я не могъ съ ними проститься. Но когда уже вещи были уложены на возы и мнѣ надо было ѣхать на станцію, служитель гимназическій приходитъ ко мнѣ на квартиру и сообщаетъ, что ученики ждутъ меня на дворѣ. Я вышелъ. «Что вамъ угодно?»—«Мы пришли поблагодарить васъ».—«За что»?—«За то, что вы не исключили насъ». Я посмотрѣлъ: это все были «зашибающіе или зашибавшіе». «Я васъ еще прошу бросить пить; обѣщаете ли вы мнѣ»? «Обѣщаемъ». Но одинъ сказалъ: «Я не обѣщаю; слишкомъ ужъ я пристрастился къ этому». Я, дѣйствительно, впослѣдствіи узналъ, что онъ, когда уже сдѣлался взрослымъ, ходилъ по улицамъ Твери, протягивая руку съ просьбой на водку.

Такъ я выѣхалъ изъ Твери: немногіе «воздали мнѣ хвалу»,—и тѣ были своего рода самаряне.

XXX.

Рижская Александровская гимназія (1886—1902).

Переселяясь на службу въ Ригу, я не ожидалъ здѣсь чего-либо особеннаго. Въ это время въ краѣ вводились такъ называемыя «объединительныя реформы». Господствовавшая до сихъ поръ здѣсь нѣмецкая національность вела энергическую борьбу противъ этихъ реформъ. Положеніе русскихъ служащихъ было здѣсь особенно щекотливо: за ними слѣдили внимательно представители враждебнаго элемента: надобно было всегда быть на чеку. Къ счастію, мнѣ пришлось служить въ гимназіи, которая

Digitized by Google

еще до реформъ основана была именно какъ русская гимназія. Въ 1868 году представители русскаго общества въ Ригѣ ходатайствовали объ основаніи здѣсь русской гимназіи, съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ и на основаніи уставовъ русскихъ гимназій. Не мало было препятствій къ этому основанію: нѣмцы утверждали, что никто не будетъ отдавать дѣтей своихъ въ эту гимназію, вслѣдствіе превосходства гимназій нѣмецкихъ, а также и потому, что русскій интеллигентный классъ, для дѣтей котораго требуется гимназія, а не начальное училище, слишкомъ небольшой въ Ригѣ; слѣдовательно, гимназія будетъ пустовать, и учителей хорошихъ русскихъ здѣсь не найдешь, потому что кто поѣдетъ въ этотъ чуждый русскому человѣку край? Развѣ только самые плохіе учителя. Однако же, 10 января 1869 года гимназія была открыта сначала въ частномъ помѣщеніи. Для того чтобы обезпечить контингентъ учащихся, дозволено было переходить въ нее ученикамъ Екатерининскаго уѣзднаго училища (которое было тоже русское) во 2-й и 3-й классы, безъ знанія латинскаго и новыхъ языковъ, съ тѣмъ, что потомъ они догонятъ усиленнымъ изученіемъ этихъ языковъ. Гимназія была открыта, согласно съ тогдашнимъ уставомъ, безъ греческаго языка. Однакоже сразу наплывъ въ нее на пріемные экзамены былъ значительный: если нѣмцы вначалѣ по принципу избѣгали этой гимназіи, то латыши, поляки, евреи не имѣли никакой особенной причины избѣгать ея. Напротивъ, русскій характеръ, русскіе обычаи, не отличающіеся замкнутостью, исключительностью, именно широкая русская натура,—дѣлали то, что разнымъ инородцамъ въ русской школѣ, пожалуй, дышать было легче, чѣмъ въ нѣмецкой. Нашлись и учителя изъ русскихъ, которые охотно поѣхали сюда, привлекаемые отчасти нѣкоторыми привиллегіями здѣшней службы, какъ службы на окраинѣ, а также и вообще болѣе выгодною постановкою здѣсь учителя въ матеріальномъ отношеніи. Правительство обѣщало даже увеличенное жалованье здѣсь

Digitized by Google

русскимъ учителямъ; но это обѣщаніе не было исполнено, когда показалось, что кандидатовъ на учительскія мѣста сюда оказалось достаточно. Но были нѣкоторыя выгоды по пенсіи, которая здѣсь была выше, чѣмъ внутри Россіи. А главное въ томъ: въ Александровской гимназіи, по обычаю мѣстныхъ нѣмецкихъ среднихъ учебныхъ заведеній, до половины сбора за ученье, или спеціальныхъ средствъ, шло въ раздѣлъ между преподавателями. Это была весьма существенная поддержка учителей въ матеріальномъ отношеніи, особенно принимая во вниманіе, что на частные уроки здѣсь русскимъ учителямъ разсчитывать трудно. Такимъ образомъ, первый составъ русскихъ педагоговъ здѣсь образовался очень недурной, а затѣмъ и пополнялся онъ съ надлежащимъ выборомъ, такъ какъ привиллегіи долго сохранялись. Но въ нѣмецкомъ обществѣ гимназія все-таки не пользовалась надлежащимъ авторитетомъ, во-первыхъ, потому, что она не нѣмецкая, во-вторыхъ, потому, что она безъ греческаго языка, значитъ, не настоящая гимназія, какъ понимаютъ ее нѣмцы, въ-третьихъ, вслѣдствіе большого наплыва въ нее евреевъ, такъ что нѣмцы называли ее еврейскою, въ-четвертыхъ, вслѣдствіе первоначальнаго состава учащихся, набраннаго отчасти изъ уѣзднаго училища. Этотъ взглядъ нѣмцевъ, а отчасти и другихъ народностей въ Ригѣ, засталъ даже и я, черезъ 17 лѣтъ по основаніи гимназіи, несмотря на то, что за это время введенъ было въ нее и греческій языкъ, и условія пріема въ нее были не легче, чѣмъ въ нѣмецкія гимназіи. Все еще смотрѣли на нее какъ на что-то низшее, тѣмъ болѣе что она была и по управленію совершенно изолирована отъ другихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній: она, какъ и другія *русскія* учебныя заведенія, находилась въ завѣдываніи помощника попечителя, а попечитель (всегда нѣмецъ до Капустина) и знать ее не хотѣлъ. Эта приниженность, пришибленность ея отражалась отчасти и въ ея нравахъ, въ которыхъ даже обнаруживалась большая грубость. Такъ, напр., въ по-

Digitized by Google

слѣдній годъ предъ моимъ назначеніемъ въ эту гимназію ученики одного изъ самыхъ старшихъ классовъ, во время перемѣны, такъ мило пошутили надъ своимъ товарищемъ, что его, едва живого, пришлось отправить въ больницу, и человѣкъ пять учениковъ пришлось исключить изъ гимназіи. Были и еще худшіе факты, но объ нихъ послѣ. Объ этихъ фактахъ мнѣ сообщилъ М. Н. Капустинъ, когда я еще былъ въ Твери; они напомнили мнѣ живо нравы тверской гимназіи, при моемъ поступленіи въ нее.

XXXI.

Личный составъ рижской Александровской гимназіи и ея высшаго управленія.

На другой день по прибытіи на рижское взморье, гдѣ я первоначально поселился (это было въ первыхъ числахъ іюня), я отправился въ Ригу и здѣсь узналъ, что въ этотъ день попечитель Рижскаго, до сихъ поръ Дерптскаго, учебнаго округа переселяется изъ Дерпта, гдѣ помѣщалось центральное управленіе учебнымъ округомъ, въ Ригу, которая назначена центромъ для учебнаго округа. Я отправился на желѣзную дорогу; русское общество, въ небольшомъ числѣ его представителей, встрѣтило Михаила Николаевича съ хлѣбомъ-солью на серебряномъ блюдѣ, и затѣмъ онъ поселился временно на квартирѣ окружного инспектора С. Ѳ. Спѣшкова. На слѣдующій день я прибылъ на эту квартиру, чтобы немножко оріентироваться въ своемъ новомъ положеніи. Но особеннаго въ это время я, кажется, ничего не узналъ: Мих. Ник. и здѣсь жилъ какъ дома, принимая всѣхъ въ старомъ халатѣ и туфляхъ. Скоро по прибытіи въ Ригу онъ уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за границу.

Положеніе, въ которомъ я засталъ рижскую Александровскую гимназію, было слѣдующее: директоръ ея, бывшій въ ней съ ея основанія, Н. П. Гамбурцевъ, вышелъ годъ тому назадъ въ отставку. Отставка эта была не-

Digitized by Google

совсѣмъ добровольная: какъ онъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, «меня тѣснили и сверху и снизу»: сверху тѣснилъ его попечитель, находившій, что онъ не соотвѣтствуетъ своему положенію, и не сносившійся съ нимъ, а дававшій распоряженія черезъ инспектора гимназіи; тѣснилъ его, по его словамъ, и инспекторъ, забравшій слишкомъ большую силу въ гимназіи вслѣдствіе вышеуказаннаго отношенія къ нему попечителя; тѣснила и начальница женской гимназіи, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта. Однимъ словомъ, этому доброму, дѣятельному, но съ недостаточно твердымъ характеромъ, человѣку пришлось бѣжать отъ притѣсненій, хотя онъ еще чувствовалъ въ себѣ силы для службы и, поселившись послѣ отставки въ Петербургѣ, все хлопоталъ получить какое бы то ни было мѣсто: «пошелъ бы въ дворники», говорилъ онъ, «да не берутъ, потому что чинъ для этой должности слишкомъ великъ, а въ министерствѣ все только обѣщаютъ». Впрочемъ, онъ давалъ уроки въ одной частной школѣ. Такъ покончилъ дни свои этотъ труженикъ, на долю котораго выпалъ не малый трудъ устройства гимназіи, постройки для нея дома и пр. Директоръ рижской Александровской гимназіи завѣдывалъ не только своею и женской гимназіей, но и всѣми русскими городскими начальными училищами. Такимъ образомъ онъ былъ собственно во главѣ всѣхъ русскихъ школъ въ Ригѣ; въ то время еще не было въ Ригѣ директора народныхъ училищъ. Инспекторъ гимназіи (въ то время, въ видѣ исключенія, полагался при этой гимназіи, хотя она не имѣетъ пансіона, инспекторъ, а не и. д. инспектора или инспектирующій), управлявшій гимназіей въ послѣдній годъ, желалъ самъ остаться въ ней директоромъ, но попечитель предпочелъ перевести его въ ревельскую Александровскую гимназію, гдѣ тоже открылась вакансія директора.

Въ преподавательской корпораціи этой гимназіи сразу замѣтно было нѣкоторое натянутое между собою отноше-

Digitized by Google

ніе, лишенное взаимнаго довѣрія. Причиной этого было, такъ же какъ и во всѣхъ русскихъ тогдашнихъ гимназіяхъ, особенное положеніе учителей-классиковъ, считавшихъ, что они обязаны спасать гимназію и русское юношество отъ какихъ то большихъ бѣдъ, которыя они воображали и которыя иногда и накликивали; подозрительнымъ же своимъ отношеніемъ и къ ученикамъ и товарищамъ всегда возбуждали и разжигали въ гимназіи взаимную вражду, которая какъ мы видѣли, иногда и отражалась довольно скверно. Я говорилъ уже о случаѣ въ одномъ изъ старшихъ классовъ. Но были и случаи худшіе, подобные тверскимъ, въ рижской Александровской гимназіи; были случаи выбиванія стеколъ въ квартирѣ инспектора и даже директора, такъ что полиція должна была ставить на ночь городового передъ зданіемъ гимназіи. Это было какъ разъ передъ моимъ поступленіемъ въ нее. Къ счастію моему, передъ самымъ вступленіемъ моимъ въ гимназію элементы въ педагогическомъ составѣ, наиболѣе разжигавшіе взаимную вражду въ гимназіи и наиболѣе хлопотавшіе о спасеніи гимназіи отъ бѣдъ великихъ, выбыли изъ нея. А то, что было на лицо въ педагогическомъ составѣ, было таково, что съ этимъ можно было дружно работать и работать хорошо.

Позволю себѣ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ преподавателяхъ. Законоучителемъ былъ о. Сергій Матвѣевичъ Королевъ, человѣкъ рѣдкой искренности и чистоты душевной. По субботамъ онъ говорилъ ученикамъ послѣ молитвы предъ ученьемъ коротенькое слово. На молитвѣ (православной, такъ какъ большинство были православные ученики) присутствовали ученики всѣхъ вѣроисповѣданій. И всѣ, какъ православные, такъ и иновѣрцы, внимательно выслушивали поученіе батюшки, которое всегда было примѣнено къ ихъ жизни, ихъ идеальнымъ стремленіямъ. Тогдашній епископъ рижскій говорилъ, что, когда прочтешь проповѣдь о. Сергія Королева, какъ будто особеннаго ничего нѣтъ; но когда онъ говоритъ, онъ прямо

Digitized by Google

говоритъ сердцу и глубоко трогаетъ душу слушателя: именно эта искренность, отражавшаяся въ его тонѣ и манерѣ, дѣйствовала глубоко на слушателя.

«Во главѣ» преподавателей русскаго языка и словесности стоялъ и стоитъ теперь, К. Л. Кутеповъ, по общему признанію самихъ преподавателей русскаго языка, обладающій даромъ слова, остроуміемъ и поэтической жилкой, и мастерски умѣющій обучать сочиненіямъ. Работы его учениковъ по сочиненію, всегда лучшія въ Рижскомъ учебномъ округѣ, были бы, безъ сомнѣнія, изъ лучшихъ и въ центральныхъ учебныхъ округахъ.

«Во главѣ» преподавателей математики былъ тоже мастеръ своего дѣла, живой и образованный человѣкъ, Е. М. Доброзраковъ, почтенный нынѣ директоръ одного изъ учебныхъ заведеній въ краѣ.

Учитель исторіи и географіи былъ большой знатокъ этихъ предметовъ, опытный педагогъ, О. Н. Милевскій. Онъ уже тогда былъ заслуженный учитель. Отличительнымъ его качествомъ отъ новаго поколѣнія педагоговъ было то, что онъ любилъ свой предметъ, слѣдилъ за его развитіемъ въ литературѣ; никакія новыя изслѣдованія въ области его предметовъ для него не пропадали даромъ. При этомъ онъ отличался замѣчательнымъ добродушіемъ и снисходительностью къ ученикамъ. Но когда отъ учебнаго округа давались ему учебники по его предмету для его отзыва, тогда плохо приходилось автору учебника, потому что О. Н. слѣдилъ, напр., за географіей даже по мѣстнымъ календарямъ. При этомъ, онъ, какъ вообще старые учителя географіи, отлично чертилъ карты.

Классическіе языки имѣли также достойныхъ преподавателей; главный изъ нихъ, Ѳ. Ѳ. Зебергъ, остается и до сихъ поръ на своемъ посту. Не могу не упомянуть также о другомъ учителѣ древнихъ языковъ, З. Ѳ. Волочковѣ, рано умершемъ; помню письменныя работы его учениковъ на испытаніи зрѣлости по греческому языку. Много мнѣ приходилось на своемъ вѣку читать такого рода работъ

Digitized by Google

по древнимъ языкамъ, но такихъ работъ я не видывалъ. Самая слабая работа колебалась въ оцѣнкѣ между 3—4; этимологическихъ ошибокъ въ работахъ вовсе не было; по моему представленію, Попечитель выразилъ благодарность Волчкову.

Учителемъ нѣмецкаго языка былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей въ краѣ, писатель, талантливый поэтъ, прекрасный переводчикъ на-нѣмецкій языкъ Пушкина, Лермонтова, А. Толстого и другихъ русскихъ поэтовъ,—А. А. Ашаринъ. Къ этому можно прибавить, что онъ же былъ первый шахматистъ въ Ригѣ.

Учителемъ французскаго языка былъ и до сихъ поръ остается замѣчательный педагогъ—швейцарецъ Л. П. Кортеза; ученики у него достигаютъ замѣчательныхъ результатовъ въ знаніи французскаго языка: въ VIII кл. всѣ уже недурно говорятъ на этомъ языкѣ. Инспекторомъ я избралъ, по возвращеніи М. Н. Капустина въ Ригу изъ-за границы, преподавателя русскаго языка Н. И. Тихомирова, человѣка молодого и энергичнаго. Выборомъ этимъ я былъ и впослѣдствіи вполнѣ доволенъ: Н. И. былъ мнѣ именно такимъ помощникомъ, какого я желалъ. Думаю, что и онъ считаетъ это время не худымъ въ его жизни. Не могу не упомянуть также и о помощникахъ классныхъ наставниковъ, изъ коихъ одинъ былъ уже упомянутый мною педагогъ—учитель французскаго языка, который любилъ придти въ гимназію раньше всѣхъ учениковъ, чтобы встрѣтить ихъ утромъ и поговорить съ ними; другой былъ человѣкъ небольшого образованія, но удивительно добросовѣстный и усердный работникъ—С. Г. Яковлевъ, можно сказать положившій жизнь свою въ этой трудной работѣ.

Весьма важно было также для меня и то, что письмоводителемъ гимназіи былъ казначей государственнаго банка, значитъ, очень опытный въ финансовыхъ дѣлахъ и притомъ начавшій службу, именно въ этой гимназіи съ того, какъ онъ говорилъ, «что изъ орѣшковъ приготовлялъ для

Digitized by Google

канцеляріи чернила»—В. П. Червинскій. Съ опытностью соединялась у него и безусловная честность, которая была имъ какъ будто унаслѣдована: отецъ его былъ болѣе 50 лѣтъ казначеемъ рижской духовной консисторіи: этому казначею все время такъ довѣряли, что онъ одинъ ходилъ въ казначейство за полученіями изъ денежнаго ящика.

Таковы были мои сподвижники и сотрудники въ первое время моего управленія гимназіей.

XXXII.

Высшее мѣстное наблюденіе за гимназіей принадлежало попечителю округа. Я уже говорилъ, что до попечительства М. Н. Капустина Рижская Александровская гимназія была почти въ полномъ самосостоятельномъ завѣдываніи помощника попечителя. М. Н. Капустинъ уничтожилъ эту должность и такимъ образомъ самъ управлялъ гимназіей. Ближайшимъ же помощникомъ его былъ жившій въ Ригѣ окружной инспекторъ.

Въ учебную и воспитательную часть гимназіи М. Н. входилъ очень мало: онъ *никогда* не посѣщалъ гимназіи, за исключеніемъ особыхъ торжественныхъ случаевъ, какъ, напр., публичнаго акта, ученическаго вечера литературно-музыкальнаго, экзамена по закону Божію, на которомъ былъ мѣстный епископъ. Причину непосѣщенія гимназіи онъ объяснялъ, съ одной стороны, тѣмъ, что довѣріе, оказываемое такимъ образомъ гимназіи, побудитъ дѣятелей ея еще строже и внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, а съ другой стороны, тѣмъ, что при посѣщеніи урока преподавателя, онъ немного узнаетъ его въ продолженіе какой-нибудь четверти часа, и потому такой способъ ознакомленія съ гимназіей онъ считаетъ ни къ чему не ведущимъ. Нѣкоторое вмѣшательство въ учебную часть гимназіи попечитель обнаруживалъ только на письменномъ испытаніи зрѣлости по русскому языку: для этого испытанія онъ присылалъ тему. Но тутъ вмѣ-

Digitized by Google

шательство было для него соединено съ непріятностями. Въ первый разъ, при назначеніи темы, онъ предложилъ тему въ такомъ родѣ: «Административное устройство городовъ въ древней Руси».

Для него, Михаила Николаевича, бывшаго въ университетѣ профессоромъ-юристомъ, такая тема казалась особенно легкой; но не тѣмъ она оказалась для учениковъ. Члены экзаменной комиссіи, разсматривавшіе сочиненіе, нашли, что предметъ темы для учениковъ очень мало знакомъ, и поэтому ученики не могли написать на нее какъ слѣдуетъ. На слѣдующій годъ М. Н. предложилъ тему въ такомъ родѣ: «Предѣлы человѣческаго вѣдѣнія». Опять гимназисты, которые были еще, можно сказать, только у порога вѣдѣнія и никакого философскаго образованія не получили, худо понимали тему, и опять комиссія экзаменная, а вмѣстѣ и педагогическій совѣтъ признали тему непосильной ученикамъ. Тогда М. Н., узнавъ объ этомъ изъ протоколовъ совѣта, написалъ грозную бумагу, что онъ проситъ педагогическій совѣтъ гимназіи указать ему, на какія темы ученики гимназіи способны писать сочиненіе, если не могутъ писать на такія темы, какъ предложенныя имъ. Это была первая бумага, полученная мною отъ попечителя, но относившаяся къ дѣятельности гимназіи еще до моего ею управленія. Предложивъ эту бумагу на обсужденіе совѣта, я позаботился о томъ, чтобы мнѣ не пришлось сразу давать отвѣтъ щекотливый, могущій повести къ непріятнымъ объясненіямъ. Поэтому отвѣтъ былъ составленъ въ такомъ родѣ: педагогическій совѣтъ находилъ послѣднюю изъ предложенныхъ попечителемъ темъ не вообще трудною для учениковъ, оканчивающихъ курсъ гимназіи, а трудною для того выпуска, которому она была дана, такъ какъ выпускъ состоялъ изъ сравнительно менѣе способныхъ учениковъ. Этимъ попечитель удовлетворился, но самъ уже болѣе не назначалъ темъ. Въ воспитательномъ отношеніи до попечителя доходили изъ жизни гимназіи только особенные

Digitized by Google

случаи, какъ напр. случаи кулачной расправы учителей съ учениками. При этомъ М. Н. стоялъ за неприкосновенность ученика, не сходясь въ этомъ отношеніи съ мѣстными школьными обычаями. Здѣсь, какъ и въ Германіи и многихъ другихъ странахъ Европы, учитель считалъ себя въ правѣ, въ случаѣ грубой дерзости ученика по отношенію къ нему, учителю, остановить его немедленно ударомъ, болѣе или менѣе сильнымъ. И это считается правильнымъ не только въ школѣ, но и дома, въ семьѣ. Рѣзкое нарушеніе молодымъ человѣкомъ школьнаго возраста приличія или уваженія къ старшимъ немедленно вызываетъ ударъ обыкновенно по лицу, и это надъ молодыми людьми продѣлываютъ не только мужчины, но и старшія женщины, на которыхъ лежатъ воспитательскія обязанности по отношенію къ означеннымъ молодымъ людямъ. Расправа, значитъ, въ такихъ случаяхъ бываетъ очень короткая. М. Н. вооружился противъ этого обычая въ школѣ, и когда до него доходило о нашихъ случаяхъ, онъ циркулярно строжайше запрещалъ это, указывая, что надо дѣйствовать на учениковъ нравственно, а не физически, а если кто не можетъ дѣйствовать нравственно, онъ не педагогъ. М. Н. внушилъ въ циркулярахъ, что личность ученика должна быть для педагога священна и т. д. Проповѣдь его достигла въ нѣкоторомъ родѣ своей цѣли. Ученики этого округа стали проникаться чувствомъ своей неприкосновенности. И вотъ произошелъ такой случай: въ одной нѣмецкой гимназіи учитель ударилъ за дерзость ученика по лицу, а этотъ отвѣтилъ учителю тѣмъ же. Собрался педагогическій совѣтъ, (на которомъ были все нѣмцы) и рѣшили: исключить ученика изъ гимназіи, безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, т.-е. назначено было высшее наказаніе. По правиламъ гимназическимъ, такое наказаніе должно было идти на утвержденіе попечителя. М. Н. рѣшилъ, что относительно ученика онъ согласенъ, но и учитель послѣ этого не можетъ оставаться на службѣ, какъ неспособный къ педагогичес-

Digitized by Google

кой дѣятельности, и поэтому долженъ быть уволенъ отъ службы. Бывшее до сихъ поръ отношеніе учителя къ ученику въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ мы уже сказали, было въ значительной мѣрѣ отраженіемъ домашнихъ, семейныхъ нравовъ, равно и какъ въ нашей школѣ неприкосновенность ученика есть тоже отраженіе домашнихъ нравовъ нашего интеллигентнаго общества. Извѣстно, что въ этомъ послѣднемъ ребенокъ дѣлается, можно сказать, главою семьи: все вращается около него, около его нуждъ и интересовъ, всѣ передъ нимъ преклоняются. Въ поясненіе нравовъ семейныхъ въ русской и нѣмецкой семьѣ приведу такой случай. 1. Въ нѣмецкой семьѣ: молодой человѣкъ—взрослый гимназистъ—сидитъ у раскрытаго окна своей квартиры и смотритъ на проходящихъ; замѣтивъ, что проходитъ у окна господинъ въ цилиндрѣ, онъ плюетъ внизъ и попадаетъ въ цилиндръ; господинъ взглянулъ и замѣтилъ молодого человѣка. Тотчасъ звонокъ; вошедши въ квартиру, онъ сообщаетъ объ этомъ хозяину квартиры; этотъ, ничего не говоря, схватываетъ сына, сидѣвшаго у окна, за волосы и, сколько захватилъ волосъ, вырываетъ ихъ. Какая жестокость! 2. Въ русской семьѣ: молодой человѣкъ—тоже взрослый гимназистъ—сидитъ у раскрытаго окна и видитъ, что проходитъ его наставникъ у окна; онъ плюетъ ему на шляпу и укрывается. Наставникъ зналъ эту квартиру, откуда вылетѣлъ плевокъ, и зналъ также ученика, но не посмѣлъ войти въ квартиру, избѣгая непріятностей. Однако сообщилъ объ этомъ директору. Ученикъ сознался, что онъ плюнулъ, но попалъ въ учителя нечаянно, потому что онъ не обращалъ вниманія, куда онъ плюетъ. Явились отецъ и мать защищать гимназиста, говоря, что онъ не желалъ плюнуть въ учителя. Директоръ, русскій педагогъ, замѣтилъ ученику, что вообще плевать изъ окна на улицу не слѣдуетъ, потому что неизвѣстно, въ кого попадетъ, и ограничился гуманнымъ наказаніемъ — оставленіемъ въ гимназіи на нѣсколько часовъ.

Digitized by Google

Преслѣдуя физическую расправу съ учениками, М. Н., однако же, охотно, въ случаяхъ упорнаго дурного поведенія ученика и даже въ случаяхъ отдѣльныхъ выдающихся дурныхъ поступковъ, соглашался на исключеніе его изъ гимназіи, считая эту мѣру единственной строгой мѣрой, которую можетъ употреблять школа, т.-е. онъ держался въ этомъ отношеніи принциповъ тѣхъ же, какихъ держались вообще въ русскихъ гимназіяхъ. Удивительно и непонятно при этомъ было то, что тогда какъ въ гимназіяхъ нашихъ внутреннихъ губерній ученики отъ всей души обыкновенно ненавидѣли свою гимназію, нѣмецкіе гимназисты, наоборотъ, любили свою гимназію, подобно тому, какъ наши старинныя питомцы духовныхъ училищъ любили свое училище, въ которомъ не щадили лозъ для нихъ, но почти никогда не выгоняли ихъ изъ училища, а заставляли дѣлать то, что надобно и какъ надобно.

Но если вліяніе Михаила Николаевича въ тѣсномъ смыслѣ на учебное и воспитательное дѣло въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ проявлялось только случайно, спорадически, то вліяніе вообще его личности, а также вліяніе его какъ администратора, было, безъ сомнѣнія, громадное во всемъ округѣ.

Я зналъ нѣсколько Михаила Николаевича, еще когда я былъ студентомъ въ Москвѣ. Это былъ, какъ мнѣ тогда казалось, самый любимый, самый популярный профессоръ на юридическомъ факультетѣ; это въ то время, когда были на этомъ факультетѣ такіе профессора какъ Н. И. Крыловъ, К. П. Побѣдоносцевъ. Аудиторія у него была всегда биткомъ набита студентами разныхъ факультетовъ, которые съ жадностью ловили его всегда умную, нервную, серьезную рѣчь. Видно было, что и самъ профессоръ живо цѣнилъ и чувствовалъ отношеніе къ нему студентовъ. Студенты-юристы, какъ мнѣ казалось, даже въ манерахъ старались подражать Михаилу Николаевичу. Въ это время дѣятельность его не ограничивалась университетомъ: онъ писалъ для «Русскаго Вѣстника» Каткова тѣ знаменитыя

Digitized by Google

«политическія обозрѣнія», которыми тогда зачитывалась вся образованная Россія, какъ первыми опытами политической печати въ Россіи, опытами, въ которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, М. Н. былъ преемникомъ знаменитаго московскаго профессора всеобщей исторіи Кудрявцева.

Затѣмъ Мих. Ник. назначенъ былъ на постъ директора Демидовскаго юридическаго лицея въ Ярославлѣ. Что побудило его согласиться оставить Московскій университетъ мнѣ неизвѣстно; но на всѣ празднества университетскія Мих. Ник. пріѣзжалъ изъ Ярославля.

Въ лицеѣ онъ проявилъ себя какъ способный администраторъ: онъ сумѣлъ привлечь въ лицей хорошія профессорскія силы, устроилъ богатые научные кабинеты въ немъ, обогатилъ библіотеку и пр. И вотъ съ этого-то поста онъ былъ назначенъ на чрезвычайно важный въ то время постъ попечителя Дерптскаго (впослѣдствіи Рижскаго) учебнаго округа, важный потому, что рѣшено было свыше въ то время объединить эту окрайну съ Россіей, объединить не только внѣшней, но внутренней, духовной связью, въ каковомъ дѣлѣ школа, безъ сомнѣнія, играетъ первенствующую роль.

Я уже говорилъ о томъ, какъ принялся за это дѣло Мих. Ник. въ Дерптѣ, но въ подробности я не входилъ, такъ какъ пишу только о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Въ 1886 г., когда я былъ назначенъ въ рижскую Александровскую гимназію, Мих. Ник. переѣхалъ, какъ было сказано, изъ Дерпта въ Ригу, и округъ Дерптскій переименованъ въ Рижскій. Причиной переселенія управленія учебнымъ округомъ изъ Дерпта въ Ригу было то, что Рига есть вообще главный центръ Прибалтійскаго края и отсюда управлять округомъ удобнѣе. Кромѣ того, предполагалось начать реформу съ низшей школы, потомъ перейти къ средней и закончить только реформу — высшей школой. Для управленія же низшими и средними школами, безъ всякаго сомнѣнія, Рига была удобнѣе Дерпта, и, наконецъ, Дерптъ изъ всѣхъ городовъ при-

Digitized by Google

балтійской окраины былъ наиболѣе разсадникомъ спеціально нѣмецкихъ порядковъ и хранителемъ чисто нѣмецкаго духа; оттуда нѣмечество развивалось по всему краю; поэтому предполагалось даже перенести въ какой-либо другой городъ самый университетъ дерптскій; дѣло было только за средствами матеріальными для этой цѣли. На этотъ разъ было рѣшено только по возможности изолировать Дерптъ.

Такимъ образомъ я пріѣхалъ въ Ригу почти въ одинъ день съ переѣздомъ въ нее Михаила Николаевича.

Скоро, однакоже, какъ уже было сказано, онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ, кажется, до октября. Позволю здѣсь себѣ разсказать эпизодъ по возвращеніи его въ Ригу, касающійся меня. При его возвращеніи встрѣчи ему не было. На другой день онъ пришелъ въ свою канцелярію, которая помѣщалась въ зданіи Александровской гимназіи, гдѣ я былъ директоромъ. Вошедши въ канцелярію, онъ говоритъ служителю: «Попроси ко мнѣ директора». Солдатъ отвѣчаетъ: «Директоръ у себя въ квартирѣ и придти не можетъ».—«Почему?» Служитель запинается: «Да извѣстно почему: они теперь загулямши».—«Давно?»—«Да уже почти съ мѣсяцъ и изъ дома не выходятъ». Можно представить себѣ, что чувствовалъ М. Н.! Я былъ первый директоръ, избранный имъ для службы въ этомъ краѣ. На другой день я самъ, по собственному побужденію, пошелъ къ Мих. Ник. въ канцелярію. Онъ встрѣтилъ меня любезно, но и, очевидно, удивленный. «А вы больны?»—«Нѣтъ, слава Богу».—«Но вы же въ гимназію не ходите?»—«До сихъ поръ еще не пропустилъ ни одного дня». Михаилъ Николаевичъ всталъ и пошелъ искать служителя. Оказалось, что подъ словомъ «директоръ» служитель, согласно съ мѣстнымъ употребленіемъ этого слова, разумѣлъ одного канцелярскаго чиновника, о чемъ Мих. Ник. со смѣхомъ тотчасъ же мнѣ и сообщилъ.

По возвращеніи Мих. Ник. въ Ригу изъ-за границы

Digitized by Google

онъ сталъ мнѣ самымъ близкимъ человѣкомъ: я видѣлся съ нимъ почти каждый день, и безъ его совѣта ничего не дѣлалъ въ гимназіи, такъ что, хотя онъ и не посѣщалъ ея, но могъ считать все, что дѣлается въ ней, отчасти своимъ дѣломъ. При этомъ мнѣ пришлось, какъ немногимъ, узнать лучшія стороны его натуры. Въ характерѣ его было много въ высшей степени привлекательнаго; когда онъ не былъ въ офиціальныхъ отношеніяхъ, онъ былъ мягокъ, даже нѣженъ, разговорчивъ, остроуменъ. Въ наибольшемъ блескѣ всѣ эти качества проявлялись въ торжественныхъ обѣдахъ, на которыхъ онъ всегда былъ душой торжества и душой очаровательной.

Первымъ при мнѣ изъ такихъ обѣдовъ былъ обѣдъ, данный мнѣ сослуживцами по случаю исполнившагося въ ноябрѣ того же года, когда я поступилъ въ гимназію, 25-тилѣтія моей службы. На обѣдъ былъ приглашенъ и Михаилъ Николаевичъ, который никогда не отказывался отъ такихъ обѣдовъ: они были для него, между прочимъ, наилучшимъ случаемъ высказывать свои политическіе, а отчасти и моральные взгляды, случаемъ оправдать и объяснить свои административныя дѣйствія, вдохновить своихъ сотрудниковъ къ энергичной дѣятельности. На нихъ, можно сказать, вся программа дѣйствій административныхъ М. Н. получала для его сослуживцевъ осмысленное значеніе. Подъему духа на этихъ обѣдахъ много содѣйствовало, что М. Н. умѣлъ, пользуясь ими, сказать всѣмъ своимъ сотрудникамъ, и каждому въ отдѣльности, лестное и поощрительное слово. За этимъ, даннымъ въ мою честь обѣдомъ онъ сказалъ множество рѣчей со свойственнымъ ему замѣчательнымъ мастерствомъ въ этомъ дѣлѣ. Даже тѣ, кто худо понималъ, что онъ говоритъ, чувствовали, что это что-то такое, что должно поднимать духъ, чувствовали музыку рѣчи: одинъ изъ низшихъ чиновъ гимназіи, человѣкъ съ маленькимъ образованіемъ, былъ въ восторгѣ отъ его рѣчей; только одного, по его словамъ, онъ не понималъ: зачѣмъ онъ такъ часто говорилъ объ

Digitized by Google

«одѣялахъ» (идеалахъ). Идеалы истины, добра, красоты постоянно выставлялись въ этихъ рѣчахъ какъ путеводныя звѣзды въ жизни и дѣятельности человѣка. На ряду съ этимъ стояла преданность Царю: «среди всего измѣняющагося въ нашемъ общественномъ устройствѣ есть», говорилъ онъ, «одно только твердое, незыблемое начало, стоящее выше всѣхъ партій, выше всѣхъ споровъ, — не прекекаемое начало — это Царь, и если кто желаетъ несбиться съ толку въ своей службѣ и дѣятельности, желаетъ идти по твердому, опредѣленному пути, служи представителю нашей Верховной власти; тогда русскій человѣкъ будетъ знать цѣль своей дѣятельности и что онъ долженъ дѣлать». Каждый разъ въ рѣчахъ говорилось и о необходимости внутренняго объединенія окраинъ съ Россіей и о той великой задачѣ, которая предстоитъ въ этомъ его сотрудникамъ. Но не однѣ дѣловыя рѣчи слышались тогда отъ него: «очи свѣтлыя, очи нѣжныя» также поминались въ этихъ рѣчахъ; онъ говорилъ, что «съ высоты шестидесяти лѣтъ» онъ можетъ уже безпристрастно относиться къ этимъ «очамъ», и это даетъ ему особенное право говорить о нихъ. Можно себѣ представить, какъ дѣйствовали такія рѣчи на присутствовавшихъ! Нерѣдко эти обѣды были съ представителями нѣмецкаго общества, и тутъ нѣмцы могли лично ознакомиться съ однимъ изъ наилучшихъ, талантливѣйшихъ и образованнѣйшихъ представителей русскаго общества. Тутъ они видѣли въ М. Н. не сухого администратора, являющагося въ тяжелыхъ для нихъ подчасъ циркулярахъ и распоряженіяхъ, а благороднаго идеалиста, преисполненнаго самыхъ высшихъ культурныхъ стремленій. Въ этомъ отношеніи успѣху реформы много помогало то обстоятельство, что двигалъ ее человѣкъ, которому нѣмцы не могли отказать ни въ большой талантливости, ни въ томъ, что онъ стоялъ на культурной высотѣ. Зная эту свою силу и дорожа своею докторскою степенью отъ Московскаго университета, М. Н. охотно иногда показывалъ нѣмцамъ свой

Digitized by Google

докторскій дипломъ и отъ Гейдельбергскаго университета. Литературныя свои наклонности М. Н. проявлялъ въ циркулярахъ, которыя, кромѣ дѣловой силы, отличались блестящимъ изложеніемъ. Но обладая теоретически самымъ широкимъ кругозоромъ и проникнутый въ общемъ самыми широкими гуманными чувствами, М. Н., какъ практическій дѣятель, въ частностяхъ былъ не всегда таковъ, особенно въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ. Мы видѣли, какъ самъ М. Н. былъ скроменъ въ своей обыкновенной, домашней жизни, а онъ хотѣлъ, чтобы всѣ его подчиненные были таковы же. Онъ не прочь былъ оказать пособіе учителю въ случаѣ какого-либо экстреннаго бѣдствія. Но если учитель или вообще педагогъ стремился какъ-либо обезпечить свое положеніе постоянными повышеніями содержанія, это возмущало Михаила Николаевича, тутъ было у него что-то въ родѣ idée fixe: онъ постоянно высказывалъ, что чѣмъ болѣе обезпечиваютъ педагога, тѣмъ онъ хуже; говорилъ, что и профессора университета съ тѣхъ поръ стали плохи, какъ возвысили ихъ содержаніе и «всѣхъ произвели въ генералы». Онъ приходилъ въ восторгъ отъ одного учителя средняго учебнаго заведенія, который получая жалованья 60 руб. въ мѣсяцъ, говорилъ: «я рѣшительно не знаю, куда мнѣ дѣвать такую уйму денегъ, не знаю, какъ съ ними сладить», выставлялъ его всегда примѣромъ и сдѣлалъ инспекторомъ. Эти свои убѣжденія во вредѣ денегъ для учителя и вообще для педагога М. Н. проводилъ неуклонно и въ практикѣ административной.

Приведу нѣсколько примѣровъ.

Я уже говорилъ о томъ, что до попечительства М. Н. учителя гимназіи въ Прибалтійскомъ краѣ получали въ раздѣлъ между собою до половины спеціальныхъ средствъ гимназіи, т.-е. сбора за ученіе. М. Н. нашелъ, что дома среднихъ учебныхъ заведеній плохо ремонтируются, и въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ мало учебныхъ пособій; поэтому сумма, поступавшая въ дѣлежъ, была уменьшена

Digitized by Google

наполовину. А затѣмъ М. Н. нашелъ, что дѣлежъ денегъ возбуждаетъ между преподавателями пререканія, споры, зависть и поэтому для установленія мира и тишины онъ нашелъ наилучшимъ совсѣмъ освободить учителей отъ полученія этой прибавки къ жалованью. Я хотѣлъ сохранить для учителей хоть часть этихъ суммъ, и нѣсколько лѣтъ, съ разрѣшенія попечителя, выдавалъ ее классным наставникамъ какъ «вознагражденіе за исправное посѣщеніе ученическихъ квартиръ»; но, наконецъ, М. Н. нашелъ, что такъ какъ не всѣ учебныя заведенія, по состоянію своихъ спеціальныхъ средствъ, могутъ давать учителямъ вознагражденіе за это, то, во имя справедливости, лучше и его уничтожить.

Другой примѣръ: я говорилъ и писалъ М. Н-чу, что православный законоучитель гимназіи поставленъ въ этомъ краѣ какъ-то странно: законоучитель имѣетъ право на пенсію такую же, какъ и другіе учителя наукъ, т.-е. въ 750 руб., а православный законоучитель получаетъ 400 р. Это можно бы еще какъ-нибудь объяснить, если бы православный законоучитель былъ въ то же время, какъ это было внутри Россіи, и приходскимъ священникомъ. Но законоучитель рижской Александровской гимназіи есть только учитель гимназіи, прихода не имѣетъ. Поэтому я считалъ бы справедливымъ уравнять по пенсіи православнаго законоучителя ввѣренной мнѣ гимназіи съ прочими преподавателями, а также съ лютеранскими пасторами въ другихъ гимназіяхъ. М. Н. нашелъ такое положеніе законоучителя православнаго, дѣйствительно, обиднымъ для него и черезъ нѣсколько времени сообщилъ мнѣ, что при предстоящемъ введеніи общерусскаго устава и штатовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, законоучители лютеранскіе будутъ сравнены по пенсіи съ православными, т.-е. будутъ тоже получать 400 р., а потому,—сказалъ онъ—«вашему законоучителю не будетъ обидно». Это и приведено въ дѣйствіе въ 1900 г.

Еще примѣръ: изъ русскихъ начальныхъ училищъ въ

Digitized by Google

Ригѣ было въ моемъ завѣдываніи, между прочимъ, такъ называемое «приходское училище министерства народнаго просвѣщенія». Положеніе учителя этой школы было самое жалкое: онъ получалъ жалованья 300 руб. въ годъ и имѣлъ квартиру казенную на чердакѣ, который качался отъ вѣтра. Учитель часто жаловался на свою судьбу, указывая, въ какомъ сравнительно блестящемъ положеніи находятся учителя начальныхъ *городскихъ* училищъ: учитель получаетъ до тысячи рублей жалованья и больше; онъ имѣетъ разные доходы; старшій учитель имѣетъ при училищѣ великолѣпную квартиру (не хуже квартиры попечителя); пенсія ему доходитъ до 800 руб. и пр. М. Н. нашелъ, что, дѣйствительно, положеніе учителя этого единственнаго въ Ригѣ казеннаго начальнаго училища обидное и считалъ необходимымъ сравнять положеніе учителей всѣхъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ городомъ, съ положеніемъ этого жалкаго училища. Однако же это не осуществилось. Такъ и до сихъ поръ училище это остается въ своемъ родѣ единственнымъ. Впрочемъ, домъ новый этому училищу построенъ; только жалованья учителю не прибавили. На дома для училищъ вообще М. Н. средствъ не жалѣлъ. При немъ выстроены зданія для нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній; онъ жалѣлъ деньги только для педагоговъ. И это послѣднее имѣло въ дѣлѣ реформы школьной свое значеніе: реформа эта легче привилась бы въ краѣ, если бы она не подрывала между прочимъ и матеріальное положеніе мѣстнаго педагога.

XXXIII.

Скоро послѣ начала моей службы въ Ригѣ на ввѣренную мнѣ гимназію, какъ и на многія другія учебныя заведенія края, обрушилось бѣдствіе не малое: прибылъ въ Ригу вновь назначенный и. д. окружного инспектора В. М. Краузе, скончавшій впослѣдствіи дни свои позорнымъ образомъ на о-вѣ Сахалинѣ. Дѣянія его въ Ригѣ

Digitized by Google

и Рижскомъ округѣ показываютъ, насколько беззащитенъ педагогъ и насколько даже высшая власть безсильна иногда остановить какого-нибудь молодца. Офиціально этотъ господинъ числился чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и былъ откомандированъ въ Ригу для исправленія обязанностей окружного инспектора на три года. По его пріѣздѣ въ Ригу я встрѣтилъ его у М. Н.; но онъ не удостоилъ меня тутъ разговора. На другой день, рано утромъ, когда я былъ въ канцеляріи, мнѣ доложили, что кто-то ходитъ по гимназіи и заходитъ въ классы на уроки къ учителямъ. Зная, кто это, я считалъ все-таки въ высшей степени неделикатнымъ, что онъ не явился сначала ко мнѣ или по крайней мѣрѣ не сообщилъ о своемъ приходѣ. Поэтому я не вышелъ къ нему. На другой день опять сообщаютъ, что тотъ же самый господинъ, при какой-то звѣздѣ (значокъ Холмскаго братства) и лентѣ (портупея отъ шпаги), со шпагой, опять ходитъ по гимназіи. Въ большую перемѣну я вышелъ его встрѣтить и предложилъ ему отправиться на урокъ гимнастики, который былъ въ перемѣну. Занимались гимнастикой ученики старшихъ классовъ. Мы съ Краузе стояли и смотрѣли; только онъ все норовилъ такъ стоять, чтобы быть обращеннымъ ко мнѣ спиной и выдававшимся у него затылкомъ; полагая, что у него есть этотъ недостатокъ, что онъ все ворочается вправо, я зашелъ къ нему съ правой стороны, чтобы поговорить съ нимъ; тогда онъ точно такъ же повернулъ въ лѣвую сторону. Дѣлать нечего, я отошелъ отъ него и сѣлъ вдали на стулъ. Тогда онъ, грозно взглянувъ на меня, оставилъ гимнастическій залъ. На другой день онъ является въ мой кабинетъ при канцеляріи и говоритъ: «Вы меня вчера оскорбили передъ всей гимназіей».—«Какъ такъ?»—«Вы позволили себѣ сѣсть въ моемъ присутствіи!»—«Что же тутъ оскорбительнаго? Я много васъ старше и усталъ съ вами стоять, особенно когда вы отворачиваетесь отъ меня».—«Да вы знаете ли, кто я?»—«Кто

Digitized by Google

же вы?» Тутъ я подумалъ, не во снѣ ли это я вижу, и пощипалъ себя. «Я здѣсь представитель министра народнаго просвѣщенія».—«Не считаю васъ таковымъ, если вы не имѣете на это особаго уполномочія, которое вы, можетъ быть, отъ меня скрываете?»—«Да, я чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія». —«У министра много всякихъ чиновниковъ, и я сомнѣваюсь, чтобы каждый изъ нихъ представлялъ его особу».—«Ну, такъ я здѣсь представитель попечителя».—«И въ этомъ сомнѣваюсь, потому что попечитель-то здѣсь же (канцелярія помѣщалась въ гимназіи): тогда выйдетъ, что у меня тутъ два попечителя и неизвѣстно будетъ, кого мнѣ надо слушать».—«Ну, такъ я ревизоръ!»—«И этимъ васъ не считаю».—«Что же я такое, по вашему мнѣнію?»—«По моему мнѣнію, вы и. д. окружного инспектора».—«А это что такое?»—«Окружной инспекторъ—око и ухо попечителя; смотрите и слушайте и доносите попечителю, но сами вы никакой власти не имѣете». Тогда онъ объявилъ мнѣ: «Я умру, а васъ выживу отсюда». Я сказалъ: «Умрете, а не выживете». Онъ привелъ мнѣ примѣръ, какъ одинъ чиновникъ особыхъ порученій въ Петербургѣ выживалъ директора. «И что же?»—«Онъ умеръ, не успѣвши его выжить».—«Ну, вотъ видите, *кто* умеръ».—«Но потомъ и директоръ умеръ».—«А потомъ мы и всѣ умремъ». Тогда онъ показалъ мнѣ на свой знакъ (сдѣланный совсѣмъ въ видѣ звѣзды): «Знаете, что значитъ этотъ знакъ? Это отъ Холмскаго братства въ Польшѣ,—данъ за то, что я двухъ политическихъ агитаторовъ въ Сибирь сослалъ». Хотя я и зналъ, что этотъ знакъ пріобрѣтается просто за взносъ въ пользу братства извѣстной суммы, но сказалъ: «Такъ я же не политическій агитаторъ».

Такъ окончилось это первое мое свиданіе съ Краузе. Собственно говорить объ этой личности, самой по себѣ, не стоило бы, но она имѣетъ значеніе, какъ крайнее и наиболѣе яркое выраженіе того строя, результатомъ котораго она являлась. На отношеніяхъ къ этой личности

Digitized by Google

обнаруживаются также нѣкоторыя особенныя качества той среды, въ которой она дѣйствуетъ.

На другой день послѣ сказаннаго Краузе является въ гимназію рано, во время общей молитвы передъ ученьемъ; зашедши въ учительскую комнату и заставъ здѣсь нѣкоторыхъ преподавателей, онъ объявилъ имъ, что ихъ мѣсто на молитвѣ, и самъ отправился на молитву; учителя ничего не сказали, но благоразумно не пошли, не желая передъ всѣми учениками разыгрывать роль шаловливыхъ школьниковъ, уклоняющихся иногда отъ молитвы. На слѣдующій день онъ опять приходитъ во время молитвы и, увѣренный въ томъ, что учителя теперь на молитвѣ, прямо проходитъ въ актовый залъ. Замѣтивъ, что учителей здѣсь нѣтъ, онъ тотчасъ же спѣшитъ изъ зала въ учительскую и уже кричитъ: «Ваше мѣсто теперь не здѣсь, а на молитвѣ!» Учителя не встали и ничего не отвѣтили. Послѣ этого старшій изъ учителей пришелъ ко мнѣ и, разсказавъ какъ было дѣло, спросилъ: «Какъ намъ поступать?» Я сказалъ: «Поступать такъ, какъ вы поступаете, впредь до рѣшенія этого дѣла попечителемъ округа», который въ это время находился въ Петербургѣ. На слѣдующій день Краузе пришелъ уже во время уроковъ, и такъ какъ я по обычаю его не встрѣтилъ, то онъ пошелъ отсюда въ женскую гимназію, заявивъ здѣсь, что меня и въ мужской гимназіи нѣтъ и, слѣдовательно, я неизвѣстно куда пропалъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, я пошелъ въ канцелярію попечителя и, заставъ здѣсь К., въ присутствіи управлявшаго округомъ окружного инспектора С., замѣтилъ ему еще разъ, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ порядки гимназическіе, что учителя гимназіи могутъ получать распоряженія только отъ директора или чрезъ директора, что присутствіе учителей на молитвѣ передъ ученьемъ для нихъ не обязательно по правиламъ гимназическимъ, что разыскивать меня по городу, когда онъ, К., знаетъ, что я въ гимназіи, очень неприлично. Управлявшій округомъ окружной инспекторъ под-

Digitized by Google

твердилъ мои слова, хотя послѣ высказалъ удивленіе тому, что я раздражаюсь; впослѣдствіи и самъ очень раздражался выходками Краузе. Это былъ не такой господинъ, котораго можно бы было чѣмъ-нибудь остановить, обуздать. Какъ чиновникъ особыхъ порученій у министра, онъ не считалъ себя очень зависимымъ и отъ попечителя, а скорѣе и въ управленіи округомъ считалъ себя за ревизора. Затѣмъ онъ началъ посѣщать уроки во ввѣренной мнѣ гимназіи; во время урока сидитъ - сидитъ и вдругъ бросается къ какому-нибудь ученику, сидящему вдали, хватаетъ его тетради, книги, думая, что нашелъ что-нибудь запрещенное (надобно замѣтить, что Краузе былъ изъ преподавателей-классиковъ, слѣдовательно, изъ спасателей отечества). Во время уроковъ вдругъ дѣлалъ какія-нибудь замѣчанія преподавателю, указывая, какъ надо учить. Преподаватель послѣ этого спрашивалъ у меня, какъ поступить; я говорилъ, что его распоряженія не обязательны, пока они не одобрены попечителемъ округа. А распоряженія его были, напр., въ родѣ того, что во II кл., въ первое полугодіе, когда ученики начинаютъ учиться по-французски, непремѣнно имъ надобно заучивать лучшія французскія стихотворенія наизусть. При этомъ, во время посѣщенія уроковъ, всегда у него были отношенія къ учителю самыя высокомѣрныя, а отношеніе къ ученикамъ, какъ къ арестантамъ, готовымъ всегда учинить большую гадость. Я только благодарилъ Господа Бога за то, что онъ «совокъ, да неловокъ» и никогда ничего не могъ отыскать, кромѣ развѣ не совсѣмъ приличныхъ надписей на стѣнахъ въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ, если сторожъ прозѣваетъ во́-время ихъ стереть. Ученики мои подвергались преслѣдованію вездѣ: и на улицахъ, и въ театрахъ и т. д. Одинъ разъ приходитъ ко мнѣ ученикъ, большой уже и хорошо воспитанный, и говоритъ: «Я шелъ по улицѣ и, не узнавъ окружного инспектора Краузе, не поклонился ему. Тогда онъ закричалъ: «Гимназистъ, подите сюда, скажите вашему ди-

Digitized by Google

ректору, что вы невѣжа». «А фамилію спросилъ?» «Нѣтъ, не спросилъ». «Ну, хорошо, что вы разсказали, но за то, что вы не поклонились, все-таки оставляетесь послѣ уроковъ на одинъ часъ». Надобно замѣтить, что ученики моей (буду для краткости говорить «моей») гимназіи не были «невѣжи». Но въ первый годъ моего директорства они, привыкши видѣть меня въ гимназіи въ вицмундирѣ, нерѣдко не узнавали на улицѣ и потому не кланялись. Когда же они приглядѣлись ко мнѣ и на улицѣ, то даже въ самую темную ночь, когда, какъ говорится, хоть глазъ выколи, они непремѣнно при встрѣчѣ самымъ любезнымъ образомъ раскланивались, ибо привѣтствовать наставника для нихъ составляло удовольствіе; маленькіе ученики даже такъ дѣлали, что воротятся назадъ, дабы снова раскланяться. Одинъ разъ приходитъ въ гимназію К. и говоритъ: «Я засталъ въ частномъ училищѣ вашего ученика, дающаго тамъ уроки». «Какого класса?» «Кажется, пятаго». Посмотрѣлъ я по журналу манкировокъ: нѣтъ въ этомъ классѣ и вообще въ старшихъ классахъ такихъ учениковъ, которые регулярно пропускали бы извѣстные дни. «Въ какой школѣ?» «Въ такой-то». Я сейчасъ же командировалъ инспектора въ школу, чтобы онъ живымъ привелъ этого ученика. Оказалось, что это бывшій ученикъ рижской Александровской гимназіи, выбывшій изъ нея и, вслѣдствіе бѣдности, донашивавшій гимназическій мундиръ. Спрашиваю у этого ученика: «говорили ли вы, что вы выбыли изъ гимназіи»? «Какъ же, говорилъ и говорилъ, почему я въ гимназическомъ мундирѣ». Однажды Краузе говоритъ мнѣ, что въ театрѣ онъ встрѣтилъ моего ученика, не могшаго представить удостовѣреніе, что ему разрѣшено отправиться въ театръ. «Какъ его фамилія?» «Я не обязанъ вамъ называть фамиліи».

Когда возвратился М. Н. Капустинъ изъ Петербурга, я откровенно сказалъ ему, что Краузе «надоѣлъ намъ хуже инфлюэнцы», а тогда была сильно распространена въ Ригѣ инфлюэнца, которою переболѣли и я и многіе

Digitized by Google

преподаватели. Но хуже инфлюэнцы донималъ насъ Краузе. Сначала-то мы не знали, что это въ своемъ родѣ тоже «сверхчеловѣкъ» въ родѣ ницшеанскихъ «сверхчеловѣковъ», только въ самомъ пошломъ смыслѣ слова, и не знали, какъ къ нему относиться. Попечитель сказалъ мнѣ: «Передайте преподавателямъ, чтобы они были спокойны и дѣлали бы свое дѣло добросовѣстно, какъ они всегда дѣлали. Относительно же посѣщенія преподавателями молитвы, оставить дѣло такъ, какъ сказано въ министерскихъ правилахъ». Я косвенно высказалъ попечителю, что если онъ намъ довѣряетъ, то нельзя ли распорядиться, чтобы К. оставилъ насъ своими посѣщеніями, тѣмъ болѣе что онъ, сидя въ канцеляріи попечителя, которая помѣщалась въ зданіи нашей гимназіи, и, не имѣя тамъ никакого дѣла, такъ какъ ему не давали дѣлъ, раза по четыре въ день являлся въ гимназію и постоянно поддерживалъ въ ней безпокойное и скверное настроеніе, что мѣшало какъ учебному, такъ и воспитательному дѣлу. Послѣ этого, дѣйствительно, посѣщенія Краузе стали рѣже; онъ вскинулся теперь на другія гимназіи, а намъ, такимъ образомъ, далъ нѣкоторый отдыхъ и даже началъ ставить нашу гимназію въ примѣръ другимъ, чѣмъ гордиться только уже никакъ нельзя было, но хорошо уже было и то, что намъ стало нѣсколько спокойнѣе.

XXXIV.

Въ такой обстановкѣ началась моя педагогическая дѣятельность въ Ригѣ. Теперь скажу о самомъ объектѣ моей учебной воспитательной дѣятельности—моихъ ученикахъ, о которыхъ я до сихъ поръ упоминалъ только мимоходомъ.

Рижская Александровская гимназія была довольно обширна: въ ней былъ приготовительный, восемь нормальныхъ и четыре (впослѣдствіи шесть) параллельныхъ класса. Число учениковъ было отъ 450 до 500 (впослѣдствіи

Digitized by Google

больше). Составъ учениковъ былъ очень разнообразный; около половины учениковъ было русскихъ, православныхъ; это добродушные, очень способные, воспріимчивые, но нѣсколько лѣнивые и не отличающіеся настойчивостью въ трудѣ юноши, въ поведеніи же не отличающіеся внѣшней выправкой и выдержкой. Затѣмъ было много поляковъ-католиковъ: поляки любили и до сихъ поръ любятъ отдавать дѣтей своихъ въ рижскія учебныя заведенія, находя, что здѣсь имъ свободнѣе относительно религіи, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. Они поступали преимущественно здѣсь въ Александровскую гимназію потому, что имъ легче было учиться на русскомъ, чѣмъ на нѣмецкомъ языкѣ, который былъ тогда языкомъ преподаванія въ другихъ рижскихъ гимназіяхъ. Ученики - поляки, сравнительно съ русскими, отличались большой выдержанностью: у поляковъ дѣти воспитываются въ семьѣ въ большой строгости, тогда какъ русская интеллигентная семья ихъ крайне балуетъ. Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи выдержки, а также умѣнья держать себя красиво, изящно и вѣжливо было чему поучиться русскимъ отъ поляковъ. Въ ученьѣ они, какъ и русскіе, были тоже способные, но тоже довольно лѣнивы и въ общемъ болѣе вялы и пассивны, чѣмъ русскіе. Сословіе, къ которому принадлежали большинство русскихъ, было—дѣти чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ Ригу на службу, а поляковъ—дворяне, такъ какъ почти каждый полякъ западныхъ нашихъ губерній, хотя бы занималъ служительскую должность, есть дворянинъ. Но во всякомъ случаѣ это происхожденіе русскихъ и поляковъ давало въ общемъ тонъ порядочности этому славянскому элементу гимназіи, который вмѣстѣ составлялъ болѣе половины гимназіи. Прочіе ученики были нѣмцы, латыши и евреи; немного было литовцевъ, эстонцевъ, караимовъ и иностранцевъ. Нѣмцы, повидимому, не отличались большими способностями: едва ли былъ случай въ гимназіи, чтобы нѣмецъ окончилъ курсъ первымъ или даже изъ первыхъ, но нѣмецъ

Digitized by Google

уже въ гимназіи отличался свойственною ему методичностью и послѣдовательностью въ трудѣ и все понемножку шелъ впередъ, не отступая назадъ, что часто случалось съ русскими и поляками. Надобно замѣтить еще одну особенность нѣмцевъ: тогда какъ русскіе и поляки чрезвычайно дорожатъ тѣмъ, чтобы кончить курсъ въ гимназіи или, по крайней мѣрѣ, пройти въ ней какъ можно больше классовъ, чтобы получить больше правъ по казенной службѣ, нѣмецъ, не только слабоватый, но и совсѣмъ хорошій ученикъ, легко оставлялъ гимназію (если только онъ не принадлежалъ къ высшимъ классамъ—дворянству или литератамъ) и поступалъ на частную службу: въ торговую контору, на заводъ, и т. д., а нѣтъ, такъ въ военную службу вольноопредѣляющимся. Нѣмецъ разсчитываетъ: пока вы, господа, получите ваши дипломы, я за это время отлично успѣю устроиться, и устраиваются, конечно, благодаря не только своимъ качествамъ работника, но и тому, что нѣмецъ нѣмца вездѣ тянетъ, вездѣ выручаетъ. Большей энергіей въ ученьи, чѣмъ нѣмцы, отличаются латыши, которыхъ въ гимназіи было не менѣе, чѣмъ нѣмцевъ. Это сравнительно менѣе способный народъ, по крайней мѣрѣ, культура ихъ ума еще слишкомъ мало воздѣлана; большинство ихъ принадлежатъ къ крестьянской средѣ, рѣдко къ торговцамъ небогатымъ. Но это чрезвычайно энергичный народъ, большіе работники и трудомъ упорнымъ достигаютъ значительныхъ результатовъ, хотя далеко едва ли когда пойдутъ въ сферѣ умственнаго труда, что однако же не мѣшаетъ имъ быть часто отличными учениками, а большею частію они медленно везутъ, какъ ломовыя лошади. Но, во всякомъ случаѣ, трудолюбіемъ своимъ они достигнутъ многаго. Наконецъ, не надобно характеризовать евреевъ, какъ народъ очень способный; они занимаются въ гимназіи настолько, насколько они находятъ это, по своимъ разсчетамъ, нужнымъ: если еврею нужно по какимъ-либо разсчетамъ медаль получить, то онъ и на медаль выдержитъ экзаменъ. Если ему надобно только

Digitized by Google

какъ-нибудь кончить курсъ или перейти изъ класса въ классъ, то по всѣмъ предметамъ онъ получитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ три съ минусомъ. Если же онъ какъ-нибудь ошибется и получитъ двойку, тогда «караулъ!» И родители явятся, и къ попечителю пойдутъ, и до министра дойдутъ, и въ концѣ-концовъ получаютъ переэкзаменовку, на которой уже, во избѣжаніе осѣчки, легко выдерживаютъ экзаменъ на пять.

Въ каждой изъ этихъ народностей я находилъ свои достоинства и старался, чтобы эти достоинства распространялись между всѣми учениками, а недостатки локализовались, если не уничтожались. И мнѣ казалось, что эта разнородность учениковъ есть весьма благопріятное условіе для ихъ умственнаго и нравственнаго совершенствованія; мнѣ казалось, что ученики, такъ разнородные по своимъ характерамъ, воспитанію и пр. и притомъ большею частію старающіеся проявить себя съ лучшей стороны, воспитываютъ другъ друга.

XXXV.

Воспитательное дѣло въ рижской Александровской гимназіи.

Прежде всего, когда я вступалъ въ должность директора гимназіи въ Ригѣ, я думалъ, что ужъ въ какомъ, въ какомъ, а въ религіозномъ отношеніи ученики въ Твери, изобилующей церквами и древними монастырями, куда будутъ выше православныхъ учениковъ въ иновѣрческой по преимуществу Ригѣ! Я думалъ, что я не найду здѣсь того истаго православія, какое привыкъ видѣть въ Москвѣ и въ Твери. Но я ошибся. Сколько мнѣ пришлось впослѣдствіи узнать, собственно въ народѣ латышскомъ, часть котораго не очень давно перешла въ православіе, это послѣднее еще не вкоренилось такъ глубоко въ жизнь, нравы и міросозерцаніе, какъ въ народѣ русскомъ, имѣ-

Digitized by Google

ющемъ почти только одно духовное утѣшеніе въ религіи; но между русскими горожанами, болѣе или менѣе интеллигентными, религіозность гораздо болѣе поддерживается въ Ригѣ, чѣмъ въ упомянутыхъ русскихъ центрахъ. Причина этого отчасти въ томъ, что вообще люди на чужбинѣ, среди иновѣрцевъ, болѣе чтутъ и любятъ свою вѣру, какъ болѣе всего напоминающую родину, отчасти же и въ томъ, что духовенство православное на прибалтійской окраинѣ гораздо лучше поставлено въ матеріальномъ, а слѣдовательно и въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ внутри Россіи. Священникъ здѣсь получаетъ значительное жалованье, до 1.500 р., поэтому не принужденъ всѣ свои помыслы обращать только на то, какъ пропитаться, одѣться, воспитать семью, не принужденъ нищенствовать, побираться. Нѣкоторые находятъ, что это нищенство духовенства въ своемъ родѣ полезно: оно сближаетъ духовенство съ народомъ, сближаетъ по нищенству, или по бѣдности, а также сближаетъ и потому, что постоянно духовенство должно протягивать руку къ народу, чтобы быть живымъ. Во всемъ, конечно, можно найти свою долю пользы,—и даже въ нищенствѣ,—но нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе православнаго духовенства въ русскомъ народѣ не возвышаетъ его въ глазахъ народа, а скорѣе унижаетъ, и еще возможно до нѣкоторой степени на самыхъ первыхъ ступеняхъ народнаго развитія, на степени полной патріархальности народа, когда народъ благочестиво питалъ подаяніями не только духовенство, но и массу всякихъ калѣкъ и разныхъ тунеядцевъ; но это положеніе духовенства становится неудобнымъ, когда положеніе народа измѣняется по мѣрѣ развитія въ немъ образованія, развитія торговли, промышленности. Тогда этотъ способъ добыванія средствъ только унижаетъ людей, которые должны такимъ образомъ добывать ихъ. И если этотъ способъ унижаетъ духовенство даже въ глазахъ деревенскаго, простого народа, то тѣмъ болѣе унижаетъ его въ глазахъ горожанъ, а слѣдовательно и лишаетъ его надлежащаго

Digitized by Google

авторитета. Вслѣдствіе даже этой причины, духовенство православное въ Прибалтійскомъ краѣ стоитъ значительно выше въ глазахъ его паствы какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ этого края.

Большая матеріальная независимость ведетъ къ тому, что это духовенство болѣе можетъ удовлетворять потребностямъ современнаго культурнаго человѣка въ книгѣ, журналѣ, болѣе можетъ стоять на высотѣ современнаго просвѣщенія, что рѣшительно необходимо для священника, чтобы онъ могъ учить: для этого надо знать жизнь общественную не только въ ея проявленіяхъ, но и въ глубочайшихъ основахъ, а знаніе это едва ли возможно, если онъ не будетъ слѣдить за современной литературой въ обширномъ смыслѣ слова. Вслѣдствіе этого, нигдѣ, вѣроятно, такъ не развито проповѣдное слово православнаго духовенства, какъ на окраинѣ прибалтійской. Въ приходскихъ церквахъ въ Ригѣ едва ли бываетъ служба безъ проповѣди, и есть много между рижскими священниками большихъ ораторовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ православное духовенство въ Ригѣ пользуется уваженіемъ не только своей паствы, но и иновѣрцевъ. Естественно, что и вліяніе этого духовенства на школу гораздо значительнѣе, чѣмъ внутри Россіи. Я далеко не видалъ такой церковности въ ученикахъ въ Твери и даже въ Москвѣ, какъ въ Ригѣ. Въ Твери въ гимназическую церковь никто не ходилъ, кромѣ учениковъ, которыхъ надобно было чуть не палкой гнать въ нее; слова проповѣднаго здѣсь никогда не раздавалось; никогда ученику не приходило въ голову свѣчку поставить; съ тарелкой сборной никогда и не ходили; хоръ пѣвчихъ изъ гимназистовъ едва-едва вывозилъ кое-какъ службу, подъ руководствомъ учителя пѣнія; однимъ словомъ, «красоты въ церкви», выражаясь словами лѣтописца Нестора, «не было ни кося же». Тѣмъ не менѣе гнали учениковъ въ церковь, и, согнавши туда, два надзирателя смотрѣли, чтобы ученики не ушли. Это называлось религіознымъ воспитаніемъ.

Digitized by Google

Если прибавить къ этому, что передъ моимъ прибытіемъ въ Тверь многіе годы директоръ, который стоялъ впереди учениковъ въ церкви, былъ нѣмецъ-лютеранинъ, а инспекторъ, который наблюдалъ за учениками сзади, былъ чехъ-католикъ, которые, очевидно, подавали хорошій примѣръ благоговѣйной молитвы и уваженія къ церкви, то картина церковно-религіознаго воспитанія тверскихъ гимназистовъ сдѣлается полнѣе.

Въ Ригѣ мы сначала ходили въ приходскую Александро-Невскую церковь. Учениковъ не принуждали ходить въ церковь, и тѣмъ не менѣе они ходили аккуратно; только весной, когда ужъ слишкомъ хорошее утро манило ихъ за городъ подышать воздухомъ, церковь была ими менѣе наполнена. Изъ учениковъ образованъ былъ большой хоръ, который пѣлъ такъ, какъ пѣли въ старину хоры въ духовныхъ семинаріяхъ, пѣлъ не для выполненія только казенныхъ обязанностей, а съ любовью, одушевленіемъ и искусствомъ. Подготовлялись къ этому пѣнію ученики не только тогда, когда это назначалъ регентъ, но и сами собирались подъ руководствомъ одного изъ искуснѣйшихъ своихъ товарищей. Иногда пѣли они такъ, что поражали своимъ искусствомъ. Религіозное настроеніе учениковъ было дѣйствительное во время службы, которое, какъ слѣдуетъ, и проявлялось. Каждую литургію была въ церкви проповѣдь, и эта проповѣдь внимательно и съ благоговѣніемъ выслушивалась, а не дѣлалось такъ, какъ въ тверскихъ приходскихъ церквахъ и даже соборѣ: какъ только проповѣдникъ выходитъ на амвонъ, такъ публика мало-по-малу выходитъ изъ церкви. Я помню только одинъ случай въ Александро-Невской церкви въ Ригѣ, что при выходѣ священника для проповѣди одинъ изъ собравшихся въ церкви тотчасъ же ушелъ: это былъ окружной инспекторъ рижскаго учебнаго округа Краузе, пришедшій ревизовать гимназію въ церкви. Нѣкоторые ученики при входѣ въ церковь покупали свѣчи и ставили ихъ къ иконамъ; многіе подавали на тарелку при обходѣ. Однимъ словомъ, я ви-

Digitized by Google

дѣлъ здѣсь въ ученикахъ ту православную церковность, какая бываетъ только въ русской деревнѣ и въ бѣдныхъ нашихъ городскихъ церквахъ.

XXXVI.

Въ 1894 г. при гимназіи была устроена православная церковь подъ моимъ главнымъ руководствомъ и наблюденіемъ. Откровенно сказать, сначала я не былъ за устройство ея. Но въ то время свыше было такое теченіе, чтобы устраивать при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ церкви для усиленія религіозности въ воспитанникахъ, а также пансіоны для ближайшаго наблюденія за воспитанниками, живущими въ городѣ не у родителей и не у близкихъ родственниковъ. Разъ данъ былъ такой сигналъ, велѣно было устраивать и церковь и пансіонъ, при чемъ не спрашивалось, есть ли на это деньги, есть ли свободное помѣщеніе. Для устройства пансіона велѣно было обратиться за помощью къ городу, къ дворянству. Но нечего было и думать, чтобы прибалтійское рыцарство вздумало дать пособіе на учрежденіе пансіона при искони русской гимназіи. Оно устроило когда-то громадный интернатъ при гимназіи въ Биркенру, близъ Вендена, но это была чисто дворянская и чисто нѣмецкая гимназія, содержавшаяся вполнѣ на счетъ дворянъ, и съ своими особыми порядками. Когда же правительство потребовало, чтобы въ гимназіи было преподаваніе на русскомъ языкѣ, дворянство закрыло эту гимназію, и до сихъ поръ стоитъ ея великолѣпное зданіе съ садами и лѣсами, принадлежащими ему, впустѣ. Я попробовалъ обратиться къ городу, но оттуда дали понять, что пансіонъ для рижанъ собственно не нуженъ, такъ какъ дѣти рижанъ живутъ у родителей. Ученики не-рижане, уроженцы Лифляндской и Курляндской губерній, большею частью латыши-крестьяне, которые не будутъ въ состояніи платить за пансіонъ и живутъ въ Ригѣ обыкновенно у родственниковъ и знакомыхъ—у из-

Digitized by Google

возчиковъ, служителей, лавочниковъ, платя иногда не свыше трехъ рублей въ мѣсяцъ, но доставляя хозяйкамъ квартиръ масло, муку, яйца и пр., и со всѣмъ вмѣстѣ квартира имъ обходится не болѣе 7—8 руб. въ мѣсяцъ. На это учреждать пансіонъ нельзя. Остается устраивать его для пріѣзжихъ изъ западныхъ губерній поляковъ, — дѣтей помѣщиковъ,—и евреевъ-торговцевъ. Но для нихъ городу жертвовать большими суммами не соотвѣтствуетъ задачамъ городского хозяйства. Такъ вопросъ о пособіи откуда-нибудь для пансіона совсѣмъ провалился. Тогда мнѣ предложено было устроить пансіонъ только на плату за пансіонеровъ, какъ устраиваютъ ученическія квартиры разные бѣдные люди. Мнѣ указано было, что я буду имѣть ту выгоду, что помѣщеніе для пансіона будетъ казенное, такъ какъ канцелярія попечителя въ скоромъ времени должна была переселиться въ свое собственное помѣщеніе. Но канцелярія попечителя помѣщалась въ гимназіи въ трехъ комнаткахъ, изъ коихъ одна только была порядочная, остальныя же двѣ были такія, что въ нихъ трудно было установить столъ для занятія одного человѣка. Вотъ и устраивай тутъ пансіонъ съ обширнымъ хозяйствомъ, съ квартирой, по крайней мѣрѣ, для одного воспитателя и пр. Однимъ словомъ, я совершенно не могъ понять, какъ это сдѣлать. Были у меня и другіе мотивы противъ пансіона, кое-какъ устроеннаго и ничѣмъ не обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи: при гимназіи тверской былъ такой пансіонъ, и онъ былъ разсадникомъ всего дурного въ гимназіи. Это оправдалось и въ рижскомъ учебномъ округѣ: нѣкоторыя гимназіи округа все-таки устроили кое-какъ пансіоны вслѣдствіе настоятельныхъ требованій свыше. Но такъ какъ пансіоны были плохи, не получая ни откуда пособій, то охотниковъ отдавать въ нихъ дѣтей было мало: гимназіи пришлось заманивать въ нихъ разными поблажками — болѣе снисходительнымъ отношеніемъ какъ къ успѣхамъ, такъ и къ поведенію этихъ учениковъ, и вотъ при пансіонѣ образо-

Digitized by Google

валось такое гнѣздо учениковъ, наиболѣе плохихъ во всѣхъ отношеніяхъ, что онъ прямо являлся заразнымъ очагомъ. Когда же преемникъ директора одной изъ гимназіи, устроившаго пансіонъ, попробовалъ отнестись къ пансіонерамъ безпристрастно, т.-е. не переводить ихъ изъ класса въ классъ при плохихъ успѣхахъ, они всѣ и ушли изъ пансіона. Такъ онъ и кончился. Я рѣшилъ оставить ыэмгь о пансіонѣ и устроить церковь. Мнѣ предлагали сдѣлать это какъ-нибудь: купить складной иконостасъ рублей за 300 и, когда надобно, ставить его въ актовомъ залѣ для службы, а по минованіи надобности складывать и убирать. Но я во всю жизнь свою никогда ничего не дѣлалъ какъ-нибудь, а тѣмъ болѣе не могъ устраивать такимъ образомъ церковь: это былъ бы позоръ православія въ глазахъ массы иновѣрцевъ въ гимназіи. Но чтобы устроить церковь какъ слѣдуетъ, надобно было пожертвовать нѣкоторыми немаловажными удобствами зданія гимназіи.

Самымъ лучшимъ мѣстомъ для церкви была рекреаціонная зала гимназіи, примыкавшая къ актовой залѣ и составлявшая какъ бы ея продолженіе. Сначала я думалъ устроить здѣсь только алтарь въ передней части залы, отдѣливши ее отъ остальной части подвижной перегородкой, но моему нравственному чувству претило, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ алтаремъ ученики будутъ шалить и, можетъ быть, кто-нибудь изъ иновѣрцевъ позволитъ себѣ грубыя шалости, которыя повлекли бы къ очень дурнымъ послѣдствіямъ для виновнаго. Тогда я рѣшилъ занять церковью всю рекреаціонную залу, хотя этимъ ученики лишились значительнаго помѣщенія во время перемѣнъ. По этой причинѣ пришлось для учениковъ открыть во время перемѣнъ актовую залу, въ которую раньше ученики допускались только на молитву и во время разныхъ торжественныхъ собраній. Противъ устройства церкви при гимназіи я имѣлъ и другіе мотивы: я боялся, какъ бы не случилось съ этою церковью

Digitized by Google

то же, что было съ церковью при тверской гимназіи: никто туда не ходилъ, кромѣ учениковъ. Церковь при гимназіи имѣетъ свои удобства только въ нѣкоторые дни: на Свѣтлое Воскресенье, на Страстной недѣлѣ, пожалуй, на Рождество, когда всѣ храмы обыкновенно переполнены: тогда для учениковъ, особенно маленькихъ, своя церковь представляетъ удобства. Но въ обыкновенное время гимназическая церковь публикой вездѣ слишкомъ мало посѣщается, какъ и почти всѣ домовыя церкви: дѣло въ томъ, что для того, чтобы войти въ домовую церковь, надобно обыкновенно снять верхнее платье и снять калоши (не имѣющихъ калошъ въ мокрую погоду не пустятъ), а для того чтобы снимать верхнее платье, надобно дамамъ очень заняться своимъ туалетомъ, потому что въ домовой церкви будешь на виду. Ну, вотъ мамаша ученика или сестра подумаетъ, подумаетъ, идти ли въ гимназическую церковь, да и не пойдетъ, за исключеніемъ, разумѣется, Свѣтлаго Воскресенья и Страстной недѣли. А папаши или лѣнятся, или не привыкли ступать по паркетнымъ поламъ, натертымъ воскомъ. Такъ домовая церковь обыкновенно и пустуетъ. А если прибавить къ этому, что публика думаетъ увидѣть въ ней изъ присутствующихъ только глаза надзирателей, кровожадно смотрящихъ за порядкомъ въ рядахъ учениковъ, то охоты особенной и не является идти въ нее. А что ни говори, ученикамъ однимъ въ церкви немножко скучновато; имъ хочется хоть въ праздникъ видѣть другія лица, а не тѣ, которыя они видятъ ежедневно въ гимназіи, да и молиться въ толпѣ, когда видишь другихъ усердно молящихся, когда видишь у другихъ молитвенное настроеніе, какъ-то лучше: толпа тебя захватываетъ въ свое теченіе, и мы поневолѣ проникаемся ея настроеніемъ. Но дѣлать нечего, надобно было строить церковь; надобно было, по крайней мѣрѣ, позаботиться всѣми силами о томъ, чтобы она была по своему внѣшнему виду насколько возможно привлекательна, что всегда составляло особенность православныхъ

Digitized by Google

церквей. Въ спеціальныхъ средствахъ гимназіи имѣлось свободныхъ суммъ до четырехъ тысячъ, и я исходатайствовалъ, чтобы эта сумма была употреблена на это дѣло. Кромѣ того, бывшій тогда министръ юстиціи Манассеинъ, сынъ котораго учился въ гимназіи, исходатайствовалъ у оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода присылку даромъ многихъ принадлежностей церковной утвари, приблизительно на тысячу рублей. Родители нѣкоторыхъ учениковъ сдѣлали пожертвованія. Окружной архитекторъ А. П. Кизельбашъ, сынъ котораго учился въ гимназіи, отнесся съ особеннымъ вниманіемъ къ устройству этой церкви. Иконы мѣстныя и боковыя писалъ учитель рисованія въ гимназіи, художникъ А. П. Шустовъ. Иконостасъ, въ древне-классическомъ стилѣ, работалъ извѣстный въ Ригѣ мастеръ Фельско. Полы и потолокъ дѣлалъ мастеръ Кергалвъ. Вообще каждая принадлежность церкви дѣлалась хорошими мастерами по заранѣе одобреннымъ рисункамъ. Я и священникъ, тогдашній законоучитель, о. Сергій Королевъ, почти не выходили изъ нея при ея постройкѣ, опредѣляя каждый шагъ работы.

Къ освященію церкви бывшіе питомцы московскаго университета, служащіе въ Прибалтійскомъ краѣ, пожертвовали въ нее икону св. Татьяны, покровительницы московскаго университета, и такимъ образомъ указали на тѣсную связь этой первой въ краѣ русской гимназіи съ московскимъ университетомъ; бывшій ученикъ гимназіи Окновъ, епископъ тульскій Питиримъ, пожертвовалъ для церкви икону св. Ѳеодосія Черниговскаго, въ открытіи мощей котораго онъ принималъ участіе.

Такъ понемножку церковь все болѣе и болѣе украшалась. Когда она была устроена, пріѣзжалъ въ Ригу министръ Манассеинъ; я показывалъ ему церковь, и онъ сказалъ, можетъ быть, немножко польстивъ мнѣ: «Я въ Петербургѣ не видалъ болѣе красивой домовой церкви». Величіе придаетъ ей особенно то, что когда отпираются всѣ двери въ нее, устроенныя въ аркахъ, отдѣлявшихъ

Digitized by Google

церковь отъ зала, она представляетъ одно съ обширной и красивой актовой залой. Освященіе церкви совершалъ архіепископъ рижскій Арсеній, нынѣ харьковскій архіепископъ, мой землякъ по мѣсту рожденія и товарищъ по первоначальному образованію.

Хотя я и не охотно сначала взялся за это дѣло, но считаю для себя особою милостью Божіей, что мнѣ удалось совершить его. По освященіи церкви ученики приняли ее на свою заботу; при ней собственно никого не было, кромѣ священника и, пожалуй, сторожа Клима: все дѣлали сами ученики: изъ нихъ былъ прекрасный хоръ, который иногда, когда былъ хорошій учитель пѣнія, не уступалъ, какъ говорили, архіерейскому. Къ сожалѣнію, учителя пѣнія постоянно мѣнялись, и найти искуснаго и музыкально образованнаго учителя пѣнія, каковымъ былъ, напр., Д. М. Яичковъ, кончившій блестяще курсъ въ петербургской консерваторіи, было очень трудно вслѣдствіе безправности и совершенной необезпеченности матеріальной учителя пѣнія. Иногда кто-нибудь изъ самыхъ учениковъ былъ отличный регентъ; таковымъ, напр., былъ ученикъ Страховичъ. Ученики же были чтецами, исправляли должность церковнаго старосты, прислуживали въ церкви и пр. Вообще ученики исполняли это дѣло съ большою любовью, тщательностью и благоговѣніемъ. Особенно я долженъ упомянуть здѣсь цѣлую семью братьевъ Фляксбергеровъ, сыновей одного бѣднаго рижскаго чиновника. Одинъ за другимъ человѣкъ пять они какъ будто по наслѣдству принимали на себя заботу о церкви и были такими знатоками церковнаго устава, что могли поспорить съ любымъ спеціалистомъ этого дѣла; они были главными и прекрасными чтецами, подчасъ дирижерами хора и вообще завѣдующими всѣми порядками при службѣ. Въ числѣ пѣвцовъ упомяну Степановыхъ, Юшкевичей; въ числѣ исправляющихъ должность церковныхъ старостъ— Богдановича, Ратманова. Церковь во время службы не пустовала, какъ тверская; только за всенощной было мало

Digitized by Google

народа. За литургіей же большею частью было значительное число постороннихъ; особенно много приходило дѣтей, такъ какъ въ церкви было тепло и стоять въ ней свободно. На Страстной недѣлѣ и, конечно, на Пасхѣ собиралось очень много публики. Доходъ церкви чистый былъ въ годъ до 600 руб., такъ что она могла вполнѣ сама себя содержать, т.-е. пріобрѣтать облаченія и пр. безъ всякой приплаты отъ гимназіи; въ послѣднее время при мнѣ даже иногда выдавалось пособіе ученикамъ изъ церковныхъ суммъ. Сказать опредѣленно, какое вліяніе имѣло устройство церкви при гимназіи въ религіозно-нравственномъ отношеніи, трудно. Но едва ли религіозность учениковъ отъ этого усилилась. Въ домовыхъ церквахъ при учебныхъ заведеніяхъ трудно избѣжать хоть нѣкоторой казенной формалистической сухости, несмотря на всѣ заботы о противоположномъ, и, главное, трудно привлечь въ нее массу молящихся постороннихъ, особенно людей, искренно и простосердечно вѣрующихъ. Это надобно имѣть въ виду при устройствѣ домовыхъ церквей въ учебныхъ заведеніяхъ. Само собой разумѣется, что я говорю только о тѣхъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ приходскихъ церквахъ.

XXXVII.

Относительно религіознаго состоянія иновѣрцевъ-учениковъ я могу только сказать, что духа нетерпимости, какого-либо фанатизма между учениками-иновѣрцами, какъ и между православными, не было. До послѣднихъ годовъ моей службы въ этой гимназіи *всѣ* ученики собирались на православную молитву предъ ученіемъ въ актовую залу; почти всѣ пѣли молитвы, даже евреи, и слушали проповѣдь батюшки-законоучителя; всѣ же ученики присутствовали на разныхъ торжественныхъ молебствіяхъ, панихидахъ и становились, когда надобно, на колѣни. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что когда я замѣчалъ, что

Digitized by Google

какой-либо ученикъ изъ иновѣрцевъ дѣлалъ попытку уклониться отъ молитвы или молебствія (что случалось, конечно, и съ православными), я не мѣшалъ имъ уклониться и оставлялъ ихъ сидѣть въ классѣ или быть въ коридорѣ. Принужденіе тутъ, конечно, могло бы вызвать и фанатизмъ, какъ и вызывало во многихъ гимназіяхъ. Но безъ принужденія ученикъ, который разъ, два уклонился отъ присутствія на общей молитвѣ, самъ потомъ приходитъ на нее. Я очень дорожилъ тѣмъ, что всѣ ученики гимназіи одинъ разъ въ день собираются вмѣстѣ — это было для меня знаменемъ единства гимназіи; на православной же молитвѣ всѣ собирались потому, что большинство въ гимназіи были православные. Надобно замѣтить, что до реформы учебной въ Прибалтійскомъ краѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ большинство были лютеране, всѣ ученики собирались въ актовую залу во время лютеранской молитвы, и никто противъ такого порядка не возставалъ: ни православные, ни католики и т. д. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ вопросъ объ общей православной молитвѣ въ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго и отчасти Прибалтійскаго края обострился: безтактныя попытки *принуждать* иновѣрцевъ присутствовать на православной молитвѣ и на православномъ богослуженіи и даже принимать участіе въ молитвѣ, въ родѣ чтенія католиками молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, побудили особенно католиковъ-родителей учениковъ ходатайствовать объ учрежденіи особенной молитвы для каждаго вѣроисповѣданія: для католиковъ—на языкѣ латинскомъ, а для лютеранъ—на родномъ языкѣ. Ходатайство было удовлетворено. Должны были и мы принять это раздѣленіе учениковъ въ молитвѣ, хотя въ моей гимназіи противъ этого были почти всѣ иновѣрцы-ученики и даже нѣкоторые законоучители-иновѣрцы. Итакъ, сталъ молиться каждый въ свой уголъ къ большому ущербу, по моему мнѣнію, нравственнаго единства учениковъ.

Присутствуя иногда на молитвѣ иновѣрцевъ, я замѣ-

Digitized by Google

чалъ слѣдующее различіе между лютеранами и католиками: когда я приходилъ на лютеранскую молитву, къ нѣмцамъ или латышамъ—это все равно (надобно замѣтить, что нѣмцы и латыши были раздѣлены на молитвѣ, такъ какъ молитва должна была быть на родномъ языкѣ), ученики были, замѣтно, рады моему посѣщенію и спѣшили дать мнѣ книгу съ ихъ молитвами, чтобы я тоже пѣлъ, что я и исполнялъ по мѣрѣ моего умѣнія. Когда же я входилъ на молитву къ католикамъ (большею частью это были поляки), они какъ-то подозрительно на меня косились, какъ будто я имъ помѣшалъ въ чемъ-то или накрылъ ихъ на чемъ-то тайномъ. Объясняется ли это свойствами означенныхъ вѣроисповѣданій или же свойствами національными и политическими мотивами, мы здѣсь не рѣшаемся объяснять; думаемъ только, что свою долю въ этомъ имѣютъ всѣ означенныя причины. Разница въ молитвѣ лютеранской и католической состояла также въ томъ, что лютеранская сопровождалась всегда пѣніемъ, музыкой на фисгармоніи, а въ концѣ поученіемъ пастора, при чемъ объяснялся какой-либо текстъ евангельскій; католическая же молитва состояла только въ чтеніи узаконенныхъ молитвъ и то на латинскомъ языкѣ: употребленіе польскаго языка какъ въ преподаваніи, такъ и во время молитвы было воспрещено. Можетъ быть, въ этомъ католики чувствовали стѣсненіе своего вѣроисповѣданія, лютеране же какого-либо стѣсненія въ религіозномъ отношеніи не находили. Несмотря на это, католики все-таки охотно переходили изъ гимназій Западнаго края въ рижскую Александровскую. Одинъ разъ приходитъ ко мнѣ гимназистъ изъ западныхъ губерній и проситъ принять его въ мою гимназію въ V кл.; оказалось, что онъ католикъ-литовецъ. Я спрашиваю его, зачѣмъ онъ желаетъ перейти. Онъ отвѣтилъ, что въ гимназіи, въ которой онъ учился, вышла исторія: ученики католики на общей православной молитвѣ должны были не только присутствовать, но и произносить молитвы на русскомъ языкѣ. Такъ

Digitized by Google

что же? Почему же литовцамъ можно молиться на польскомъ языкѣ и нельзя на русскомъ?—«Папа не разрѣшаетъ, и ксёндзъ говоритъ, что Богъ по-русски не понимаетъ, что Онъ не обязанъ понимать всѣ языки».—Такъ вы понимаете, что это глупое шутовство?—«Да, но что жъ дѣлать?»—Такъ что же дальше?—«Я, какъ и другіе католики, которымъ назначено было читать молитву, отказались читать ее по-русски. Послѣ этого намъ и предложено было оставить гимназію».—Вы знаете, что и у насъ ученики всѣхъ вѣроисповѣданій присутствуютъ на православной молитвѣ?—«Знаю, и это я охотно буду дѣлать. Кромѣ того, въ той гимназіи, въ которой я учился, въ въ царскіе дни и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ ученики-католики должны идти на богослуженіе въ православную церковь, а въ вашей гимназіи этого не требуется». — Но можетъ и это потребоваться.—«Я буду исполнять». Справившись объ этомъ ученикѣ въ той гимназіи, въ которой онъ учился, я получилъ отзывъ о немъ самый неблагопріятный, но все-таки принялъ его, и онъ отлично себя держалъ и прекрасно курсъ кончилъ. Между прочимъ онъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что литовцы вообще гораздо болѣе сочувствуютъ русскимъ, чѣмъ полякамъ, съ которыми у нихъ такая же борьба, какъ у латышей съ нѣмцами, вражда старинная, закоренѣлая, что единственное, что отдѣляетъ литовцевъ, какъ народную массу отъ русскихъ, какъ господствующаго народа,—это недозволеніе литовцамъ молиться по книжкамъ, напечатаннымъ тѣми буквами, къ которымъ они давно привыкли,—латино-польскими или, скорѣе, латино-чешскими, и принужденіе имѣть молитвенники, напечатанные русскими буквами, вслѣдствіе чего народъ пробавляется контрабандными, приходящими изъ-за границы, молитвенниками. Запрещеніе латино-чешскаго шрифта тормозитъ и развитіе литовской литературы, что полякамъ и на руку, такъ какъ держитъ народъ литовскій въ невѣжествѣ.

Вообще я не могъ быть ярымъ чиновникомъ въ дѣлѣ,

Digitized by Google

относящемся къ вѣрѣ. Самъ я былъ воспитанъ въ строгомъ православіи не по обрядности только внѣшней, а въ самой глубинѣ души. Пережилъ, какъ всѣ русскіе образованные люди, и періодъ, тяжелый періодъ, сомнѣнія религіознаго и отрицанія, но фундаментъ воспитанія, закваски остались, и я всегда чувствовалъ себя въ дѣлѣ религіи стоящимъ на твердой почвѣ. Еще въ періодъ ранней юности, когда еще въ душу мою ни откуда не проникали тѣни сомнѣній, я охотно ходилъ и въ католическій костелъ и въ лютеранскую кирку, любилъ слушать тамъ музыку и пѣніе, благо тамъ сидѣть можно, а когда нечего было слушать, твердилъ урокъ къ слѣдующему дню по книжкѣ, которая была у меня вмѣсто молитвенника у католиковъ. Все мнѣ въ этихъ церквахъ казалось страннымъ, но мнѣ въ голову не приходило, что эти люди, молясь такимъ образомъ, не спасутся. Мнѣ казалось, что имъ такъ и надо молиться: вѣдь они же не русскіе. Когда я пріѣзжалъ въ какой-либо другой городъ, въ село, вездѣ я видѣлъ свои особенные обычаи, слышалъ свой особенный говоръ. Иногда мнѣ было смѣшно, а все-таки мнѣ въ голову не приходило, что они поступаютъ и говорятъ невѣрно. Мнѣ это было даже интересно, какъ разнообразіе. Такъ же я относился въ юности и къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Но само собой разумѣется, что я чувствовалъ, что отъ всѣхъ свойствъ православія я такъ же не могу и не хочу отказаться, какъ отказаться отъ самого себя и быть кѣмъ-то другимъ. Такъ же относился я къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, и попавъ въ Прибалтійскій край. Это было для меня иногда источникомъ непріятностей. Однажды я прочиталъ въ газетахъ мѣстныхъ, что инспекторъ народныхъ училищъ одного изъ учебныхъ районовъ Прибалтійскаго края распорядился повѣсить во всѣхъ лютеранскихъ народныхъ школахъ православныя иконы на тотъ случай, что въ школѣ можетъ быть и православный, а главное затѣмъ, что эти школы будутъ какъ бы символомъ обрусенія народной школы въ Прибалтій-

Digitized by Google

скомъ краѣ. Мнѣ стало больно за святыню, которую употребляютъ орудіемъ политическихъ цѣлей, больно за икону, которая среди людей, не понимающихъ ея для насъ, православныхъ, значенія, можетъ подвергнуться непристойнымъ выходкамъ, больно и за того православнаго ученика, который долженъ будетъ видѣть эти выходки и котораго религіозное чувство будетъ оскорблено. Я въ присутствіи многихъ директоровъ сказалъ попечителю объ означенномъ распоряженіи инспектора, какъ о неумѣстномъ. И вдругъ на меня всѣ налетѣли: «Мы все только боимся, все только уступаемъ; нѣтъ, пришло время дѣйствовать рѣшительно».—«Да дѣйствуйте, только религію-то сюда не путайте, а если дѣло касается вѣры, спросили бы лучше у архіерея, какъ слѣдуетъ поступить; вѣдь у васъ говоритъ не ревность къ православію, а только ревность чиновничья». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого появился циркуляръ попечителя, воспрещающій вѣшать иконы въ лютеранскихъ народныхъ школахъ. Но отношенія мои къ попечителю К. послѣ этого нѣсколько замутились. Еще болѣе эти отношенія замутились послѣ слѣдующаго случая, также имѣвшаго отношеніе къ религіи. Въ городѣ Якобштадтѣ былъ православный древній храмъ съ чудотворной иконой Божіей Матери. Такъ какъ храмъ пришелъ въ ветхость, на мѣсто его воздвигнутъ новый трудами Прибалтійскаго православнаго братства, тоже деревянный: это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ; скоро послѣ постройки вдругъ этотъ храмъ загорѣлся въ куполѣ отъ неизвѣстной причины и сгорѣлъ до тла. Въ нѣкоторыхъ газетахъ, особенно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», раздался кличъ, что это нѣмцы сожгли этотъ оплотъ православія въ краѣ. Въ виду важности политической этого дѣла полиція объявила, что назначается вознагражденіе въ десять тысячъ рублей за открытіе поджигателя. Съ своей стороны дворянство прибалтійское также объявило, что оно назначаетъ десять тысячъ рублей открывшему поджигателя. Но ничего не открылось. Тогда

Digitized by Google

прибалтійское братство рѣшило построить новый храмъ на томъ же мѣстѣ, каменный, по рисункамъ старой церкви. И воздвигнутъ былъ прекрасный храмъ, чтобы мѣсто свято не было пусто; при немъ устроена и школа. Я глубоко этому радовался. Но когда время пришло къ освященію храма, въ нѣкоторыхъ газетахъ поднялся крикъ въ такомъ смыслѣ, что вотъ же, молъ, вамъ, нѣмцы: теперь ужъ не сожжете, т.-е. смыслъ выходитъ такой, что храмъ выстроенъ будто бы только на зло нѣмцамъ. Такъ понимали это и нѣкоторые чиновники рижскіе, приглашенные на освященіе храма. Мнѣ это глубоко не нравилось, что дѣло мира, дѣло евангелія смѣшивается съ дѣломъ злобы, и я отказался ѣхать на освященіе. По поводу этого возникъ у меня крупный разговоръ съ М. Н. Капустинымъ, но изъ разговора я убѣдился, что я долженъ былъ ѣхать, какъ предсѣдатель Петропавловскаго православнаго братства, и къ счастію увидѣлъ потомъ, что присутствовавшіе на освященіи въ громадномъ большинствѣ не были воодушевлены ненавистническими тенденціями нѣкоторой части нашей прессы.

XXXVIII.

Прекращеніе общихъ собраній *всей* гимназіи на утренней молитвѣ повело къ уничтоженію одного изъ самыхъ главныхъ воспитательныхъ средствъ, которымъ я пользовался. Дѣло въ томъ, что во время этихъ всеобщихъ утреннихъ собраній, на которыхъ нерѣдко присутствовали, по собственному желанію, и преподаватели, инспекторъ обыкновенно объявлялъ распоряженія, относящіяся къ различнымъ порядкамъ гимназіи. Я же пользовался этими собраніями для того, чтобы сдѣлать наставленіе ученикамъ по поводу замѣченныхъ или вообще замѣчаемыхъ мною или инспекторомъ, или преподавателями какихъ-либо уклоненій учениковъ отъ обязанностей нравственнаго свойства или въ случаѣ болѣе или менѣе рѣзкихъ нарушеній

Digitized by Google

дисциплины. Наставленія мои не только выслушивались, но и исполнялись; сказанное въ этихъ общихъ собраніяхъ считалось учениками обязательнымъ къ непремѣнному исполненію, и если какой-нибудь изъ маленькихъ учениковъ, худо воспитанный, не исполнялъ этого, то другіе маленькіе сами и указывали на него, какъ на незнающаго и непонимающаго, что онъ долженъ дѣлать; большіе же ученики исполняли безусловно. Теперь, съ прекращеніемъ этихъ общихъ собраній всей гимназіи, побесѣдовать со всѣми учениками не представлялось возможности каждый день, по мѣрѣ необходимости. Ходить же для этой бесѣды отдѣльно къ ученикамъ каждаго вѣроисповѣданія (4 группы) и каждой группѣ толковать объ одномъ и томъ же немножко странно; вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы только говорить, а въ томъ, какъ говорить, а невозможно съ одинаковымъ одушевленіемъ, которое необходимо здѣсь, говорить объ одномъ и томъ же 4 раза, и такъ какъ въ одинъ день нельзя было говорить во всѣхъ четырехъ группахъ, потому что молитва бываетъ одновременно во всѣхъ группахъ, то во второй и слѣдующихъ группахъ пришлось бы говорить о томъ, о чемъ ученики этихъ группъ уже слышали отъ своихъ товарищей. И если бы даже обойти эти всѣ группы, все-таки не всѣ ученики слышали бы мои слова: ученики-евреи теперь вовсе не собирались на молитву; не собирались также на молитву ученики раскольники-старообрядцы, реформаты, караимы и др., не принадлежащіе къ главнымъ въ гимназіи вѣроисповѣднымъ группамъ. Эти ученики стали и являться въ гимназію уже не къ молитвѣ, а къ началу ученія, что и естественно. Можно было бы, конечно, экстренно собирать всю гимназію въ актовый залъ для объявленія общихъ распоряженій и общихъ наставленій въ учебные часы; но это нарушало бы обычный заведенный порядокъ и могло бы имѣть мѣсто развѣ только въ особенно важныхъ какихъ-либо случаяхъ, каковые въ учебныхъ заведеніяхъ бываютъ очень рѣдко;

Digitized by Google

вообще же наставленія, сообщеніе направленія учебному заведенію требуются часто. Теперь приходилось объявлять общія распоряженія, а также и наставленія или чрезъ классныхъ наставникомъ, или же самому надобно было обойти всѣ 16 классовъ моей гимназіи и, слѣдовательно, 16 разъ говорить объ одномъ и томъ же; надобно имѣть большой запасъ энергіи, чтобы вездѣ говорить вліятельно. Но все-таки и эти наставленія имѣли силу; ученики были увѣрены, что когда самъ директоръ говоритъ, надобно непремѣнно слушаться.

Приведу такой примѣръ изъ самаго послѣдняго времени моего пребыванія въ гимназіи. Года за два до моего оставленія ея до слуха моего дошло, что въ Ригѣ есть докторъ, который, встрѣчая маленькихъ учениковъ на улицахъ, заманиваетъ ихъ къ себѣ подъ предлогомъ заняться у него гимнастикой. Нѣкоторыя подробности этихъ слуховъ, а также разспросы учениковъ, бывавшихъ у этого доктора, навели меня на подозрѣнія самаго дурного свойства. Я хотѣлъ сообщить объ этомъ полиціи, но такъ какъ дѣло, повидимому, было еще только въ началѣ и не дошло до крайностей, то я рѣшилъ, что лучше самъ предупрежду учениковъ: это, я полагалъ, будетъ и скорѣе, и сильнѣе. Я обошелъ всѣ младшіе классы, нормальные и параллельные, до 4-го включительно, во время уроковъ и вездѣ сказалъ ученикамъ, чтобы они не ходили къ этому доктору, потому что онъ сумасшедшій и онъ ихъ укуситъ. Ученики тутъ же рѣшили, что ни за что не пойдутъ. Черезъ два года этотъ докторъ попалъ подъ судъ, и во время слѣдствія оказалось, что послѣ означеннаго моего объявленія по классамъ ни одинъ ученикъ моей гимназіи не былъ у него. Кстати сказать, нѣкоторые рижскіе доктора оскорбились тѣмъ, что я назвалъ ихъ коллегу публично сумасшедшимъ, приходили ко мнѣ требовать объясненія и, сколько мнѣ извѣстно, побуждали этого доктора потребовать отъ меня удовлетворенія, но онъ сказалъ: «Богъ съ нимъ».

Digitized by Google

Для общихъ бесѣдъ со всѣми учениками я пользовался теперь только тѣми днями, въ которые, по окончаніи четверти года и по обсужденіи успѣховъ и поведенія учениковъ въ педагогическихъ комиссіяхъ и совѣтѣ, выдавались ученикамъ такъ называемыя «цензурки», или свидѣтельства объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ за четверть года. Передъ выдачей свидѣтельства я собиралъ всѣхъ учениковъ въ актовый залъ; сюда же собирались и всѣ преподаватели. Послѣ православной молитвы я входилъ на каѳедру и объявлялъ разрядный списокъ учениковъ, при чемъ произносились имена учениковъ, записанныхъ въ 1-й и 2-й разряды; затѣмъ объявлялся порядокъ, въ какомъ идутъ классы по ихъ успѣхамъ и поведенію, и, наконецъ, я тутъ пользовался всѣми матеріалами, которые я получилъ въ комиссіяхъ и совѣтѣ при обсужденіи успѣховъ и поведенія учениковъ, чтобы сдѣлать имъ наставленія. Послѣ этого ученики расходились по своимъ классамъ, и тамъ классные наставники, выдавая свидѣтельства за четверть года, бесѣдовали уже съ каждымъ ученикомъ отдѣльно. Первое время моей службы въ этой гимназіи послѣ таковой раздачи свидѣтельствъ за четверть года ученики отпускались домой, и такимъ образомъ четверть года оканчивалась нѣкотораго рода праздникомъ. Впослѣдствіи найдено было, что это незаконно, и какъ я ни настаивалъ на сохраненіи этого обычая, дающаго передышку послѣ четверти года и предоставляющаго ученику лучше обдумать и подвести итоги своей работѣ за четверть года, ничего нельзя было сдѣлать. Ученики обыкновенно этотъ день посвящали усиленнымъ занятіямъ музыкой и вообще искусствами, такъ какъ въ этотъ день, какъ непраздничный, не надобно было утромъ идти въ церковь. Въ настоящее время тоже заведено нѣкоторые дни среди учебнаго года, кромѣ праздниковъ, освобождать для учениковъ, но, какъ мнѣ кажется, эти освобожденія, какъ случайныя и неосмысленныя, должны скоро прекратиться, какъ быстро прекращаются и многія мѣры, за-

Digitized by Google

тѣянныя въ тиши канцелярскихъ кабинетовъ, а не возникшія изъ практики жизни. На моемъ вѣку было немало такихъ мѣропріятій, которыя появлялись и лопались какъ дождевые пузыри. Помню, какъ-то въ высшемъ управленіи народнымъ просвѣщеніемъ вдругъ пришли къ тому, что самое главное въ школѣ—гимнастика, и вотъ приказано было, для того чтобы ученики какъ можно чаще занимались гимнастикой, совсѣмъ передѣлать распредѣленіе времени уроковъ въ гимназіяхъ: въ каждомъ классѣ перемѣны между уроками должны были начинаться и оканчиваться въ свое особое время, а для того, чтобы каждый классъ зналъ, когда у него оканчивается урокъ, требовалось провести въ каждый классъ электрическій звонокъ изъ швейцарской, такъ что въ продолженіе всего учебнаго времени дня одни ученики должны были входить въ классъ, другіе—выходить. Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобы возможно было это сдѣлать, соблюдая въ гимназіи должную во время уроковъ тишину и порядокъ. Поэтому, составивъ на бумагѣ распредѣленіе уроковъ согласно этому приказанію, я повѣсилъ это распредѣленіе въ своемъ гимназическомъ кабинетѣ и ждалъ строжайшаго подтвержденія объ исполненіи распредѣленія. Но этого не послѣдовало, а черезъ годъ распоряженіе было отмѣнено; я подумалъ: «ну, слава Богу, что не завелъ электрическихъ звонковъ въ каждый классъ». И это было не разъ, что при моей вообще неторопливости прежде чѣмъ я исполню распоряженіе, оно уже отмѣнялось.

Позволю себѣ привести еще одинъ примѣръ, болѣе серьезный. Въ руководящихъ сферахъ учебнаго вѣдомства пришли какъ-то къ тому заключенію, что главная причина неуспѣшности ученика и даже плохого его поведенія заключается въ какихъ-то наростахъ въ носу, называемыхъ «аденоидами», и что стоитъ только вырѣзать эти наросты, послѣдніе ученики дѣлаются первыми по успѣхамъ, а дурные ученики по поведенію дѣлаются примѣрными. Поэтому предписано гимназіямъ заняться вырѣ-

Digitized by Google

заніемъ у учениковъ этихъ аденоидъ [1]). Я объявилъ распоряженіе гимназическому врачу; этотъ сказалъ мнѣ, что онъ не умѣетъ дѣлать эту операцію и что она требуетъ большого умѣнья. «Кто же въ Ригѣ умѣетъ ее дѣлать?» — «Въ Ригѣ не знаю, а вотъ въ Москвѣ есть такой врачъ, который занимается этимъ, именно фонъ-Штейнъ, тотъ самый, который посовѣтовалъ властямъ предписать эту мѣру, но насколько успѣшно онъ производитъ эту операцію не знаю, а неудачныя его операціи, которыя онъ дѣлалъ нѣкоторымъ рижанамъ, мнѣ извѣстны; причина плохихъ послѣдствій операціи заключается, повидимому, въ потерѣ оперируемыми большого количества крови изъ головы; во всякомъ случаѣ дѣлать это безъ согласія родителей учениковъ нельзя, и какъ привести это въ исполненіе, слѣдовало бы обсудить въ комиссіи врачей вмѣстѣ съ педагогами». Но не пришлось собирать комиссіи, потому что распоряженіе это было скоро забыто какъ приказывающими, такъ и получившими приказаніе. Замѣчательно, что больше никогда уже и не поминалось объ этомъ великомъ педагогическомъ открытіи!

Иногда я пользовался для обращенія ко всѣмъ ученикамъ съ цѣлью нравственнаго воздѣйствія на нихъ и актовою рѣчью. По поводу этого разскажу одинъ особенно яркій случай. Между учениками какъ въ моей гимназіи, такъ и въ другихъ, завелась какъ будто эпидемія бѣгства въ дальнія страны. Обыкновенно бѣжитъ куда-нибудь ученикъ одинъ; на станціи желѣзной дороги его арестовываетъ жандармъ и возвращаетъ домой. Но вотъ цѣлыхъ пятеро учениковъ II и III классовъ отправились въ Австралію; между ними былъ одинъ русскій, одинъ нѣмецъ, одинъ латышъ, одинъ полякъ и одинъ еврей, т.-е. были представители почти всѣхъ національностей моей гимназіи; они вооружились револьверомъ, купленнымъ на толкучкѣ за 75 коп. Изъ этого револьвера они должны были

---

[1]) Распоряженіе министра нар. пр. отъ 21 декабря 1895 г.

Digitized by Google

стрѣлять въ дикихъ животныхъ въ Австраліи, чтобы ими питаться. Само собой разумѣется, что далеко они не зашли, тѣмъ болѣе что была зима, а, побродивъ около города, захотѣли кушать и къ обѣду вернулись домой, надѣлавъ переполохъ и въ гимназіи, гдѣ товарищи этихъ учениковъ разсказали объ отправленіи ихъ въ Австралію, и у родителей. Кончилось все благополучно. По разслѣдованіи оказалось, что они были подъ вліяніемъ прочитанныхъ ими путешествій по дикимъ странамъ и сами захотѣли дикой свободы, для чего надобно бросить гимназическія книжки, что они и сдѣлали тѣмъ болѣе охотно, что успѣхи ихъ были неважные. Этотъ эпизодъ въ жизни гимназіи я разсказалъ на актѣ, какъ выдающійся въ году проступокъ учениковъ; публика и ученики при этомъ разсказѣ смѣялись отъ души. Послѣ акта одинъ изъ родителей учениковъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Я головой отвѣчаю за то, что больше у васъ не будетъ бѣгства учениковъ», и дѣйствительно это было назадъ тому не менѣе десяти лѣтъ, но ни одинъ ученикъ больше уже не бѣжалъ.

Но въ экстренныхъ случаяхъ приходилось иногда собирать всю гимназію или только учениковъ старшихъ классовъ для бесѣды съ ними, и эти обращенія ко всѣмъ ученикамъ или къ большой ихъ группѣ я считалъ въ высшей степени полезными. Недостаточно однако же обращаться ко всѣмъ ученикамъ только въ экстренныхъ случаяхъ; необходимо, чтобы директоръ имѣлъ возможность направлять гимназію постоянно, чтобы обращеніе ко всѣмъ ученикамъ не было экстренностью, чтобы слово его постоянно было душою дѣйствій учениковъ. Поэтому необходимо возстановить какъ бы то ни было общія собранія учениковъ ежедневныя утромъ, чтобы директоръ имѣлъ всегда возможность обратиться къ нимъ съ бесѣдой; предметомъ бесѣды должны быть не отвлеченныя положенія, а случаи отдѣльные въ жизни гимназіи, въ которыхъ отражаются ея недостатки и достоинства. Вмѣсто

Digitized by Google

того, чтобы говорить съ каждымъ ученикомъ отдѣльно или съ каждымъ классомъ о недостаткѣ, свойственномъ очень многимъ ученикамъ, лучше и убѣдительнѣе можно поговорить со всѣми. Много говорятъ о недостаткѣ у насъ индивидуальнаго воспитанія, но у насъ нѣтъ и общаго воспитанія. Скорѣе еще есть индивидуальное: съ отдѣльнымъ ученикомъ директоръ всегда можетъ поговорить во время перемѣнъ между уроками, можетъ и вызвать его къ себѣ во время урока. Но этому индивидуальному, такъ сказать, вліянію со стороны директора могутъ подвергаться только очень немногіе ученики, особенно при большомъ числѣ учениковъ, человѣкъ въ 500—600. Обращеніе же ко всѣмъ ученикамъ бываетъ слишкомъ рѣдко; даже обращеніе директора къ классу бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, потому что во время перемѣнъ ученики естественно хотятъ походить и побѣгать по коридорамъ, а во время уроковъ часто прерывать занятія преподавателей неудобно. Такъ и выходитъ, что директоръ часто даже отвыкаетъ говорить, обращаясь къ массѣ учениковъ, если только онъ когда-нибудь это умѣлъ, попросту сказать — *дичаетъ*; гимназія, какъ цѣлое учебное заведеніе, дѣлается нѣма, безъ рѣчи и безъ души. Значитъ, отмѣнить какой-нибудь хорошій обычай, въ родѣ общихъ собраній гимназіи во время утренней молитвы, легко однимъ распоряженіемъ, а возстановить теперь этотъ уничтоженный обычай уже было бы не такъ-то легко. Слѣдовало бы уничтожить злоупотребленія этого обычая, а не уничтожать самый обычай.

Можно сказать противъ этого, что воспитательная сторона дѣла въ гимназіи лежитъ главнымъ образомъ на классныхъ наставникахъ? По *нѣкоторымъ* министерскимъ распоряженіямъ оно какъ будто такъ и выходитъ; но на самомъ дѣлѣ это далеко бываетъ не такъ. Классными наставниками бываютъ обыкновенно если не всѣ, то почти всѣ преподаватели. Между тѣмъ если и директора далеко не всѣ способны къ воспитательной дѣятельности и попа-

Digitized by Google

дають на этотъ постъ нерѣдко во вниманіе къ совершенно инымъ ихъ способностямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ педагогіей, то тѣмъ рѣже бываютъ эти способности въ надлежащей мѣрѣ у учителей, даже у хорошихъ учителей. Потомъ у насъ какъ-то такъ уже установилось мнѣніе, что воспитательная дѣятельность лежитъ почти вся на начальствѣ гимназіи, и рѣдкій классный наставникъ обращаетъ серьезное вниманіе на эту сторону своихъ обязанностей, отчасти, можетъ быть, потому, что онъ теперь слишкомъ подавленъ работами собственно по преподаванію. Но если бы было достигнуто, чтобы и классные наставники усердно занялись воспитательнымъ дѣломъ, все-таки директоръ долженъ давать руководящій тонъ этой дѣятельности и все-таки его слово, въ большинствѣ случаевъ, будетъ болѣе вліятельно, чѣмъ слово класснаго наставника, о чемъ мнѣ классные наставники и сами заявляли нѣсколько разъ на педагогическихъ совѣтахъ, прося сказать ученикамъ о томъ или другомъ ихъ недостаткѣ, сказать въ общемъ собраніи гимназіи, такъ какъ всѣ признавали, что такія внушенія наиболѣе дѣйствительны.

Говоря о значеніи и силѣ нравственныхъ наставленій, обращенныхъ какъ къ отдѣльнымъ ученикамъ, такъ и къ классамъ и цѣлому учебному заведенію, нельзя не упомянуть о томъ, что эти наставленія не всегда, конечно, оказываются мѣрою дѣйствительною, хотя Плюшкинъ и утверждалъ, что «словомъ всякаго проймешь» и что «противъ душеспасительнаго слова не устоишь», но знатокъ слабостей человѣческихъ Чичиковъ не даромъ думалъ при этомъ: «ну, ты, я думаю, устоишь». Также и между учениками бываютъ своего рода Плюшкины и Коробочки, которыхъ убѣдить въ чемъ-нибудь мудрено. Въ такихъ случаяхъ лучше уже послѣдовать совѣту И. А. Крылова:

Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить,

а иначе котъ Васька будетъ слушать да кушать.

Digitized by Google

XXXIX.

Еще болѣе важнымъ, чѣмъ наставленія, средствомъ нравственнаго воспитанія учениковъ я всегда считалъ оказываніе ученикамъ довѣрія и предоставленіе имъ возможной самостоятельности въ ихъ поступкахъ, разумѣется, насколько это согласимо съ требованіями школьной дисциплины. Одинъ изъ бывшихъ моихъ московскихъ учениковъ, пишущій въ газетахъ подъ именемъ Сергѣя Соломина, вспоминаетъ (въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ»), какъ я назначилъ первое сочиненіе въ моемъ классѣ, гдѣ онъ учился; онъ говоритъ, что я назначилъ имъ описаніе храма Василія Блаженнаго и для этого велѣлъ имъ сходить въ эту церковь въ воскресенье и все внимательно осмотрѣть. «Въ храмѣ, — говоритъ почтенный авторъ, — не было ни учителей, ни надзирателей. Мы были поражены, польщены довѣріемъ. Мы чувствовали себя изслѣдователями старины. Мы обязаны ничего не пропустить и описать все, какъ можно лучше. Кто-то хотѣлъ закурить въ галлереѣ, окружающей храмъ, — его остановили. Кто-то сказалъ пошлость—надъ правилами чести и приличія». Изъ этого видно, что, чѣмъ болѣе ученикамъ довѣряютъ, тѣмъ они лучше себя ведутъ, и они меня не обманывали въ этой вѣрѣ въ нихъ. Кромѣ того, довѣріе развивало въ нихъ привычку безъ внѣшнихъ побужденій, по собственной иниціативѣ дѣйствовать, соблюдая правила порядочности.

Ученикамъ риж. Ал. гимназіи была предоставлена большая иниціатива и самостоятельность въ устройствѣ, напр., гимназическихъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ гимназія производила довольно значительные расходы; въ устройствѣ зимняго катка, гдѣ ученики сами, въ лицѣ избранныхъ ими такъ называемыхъ «директоровъ», были хозяевами довольно большой суммы, собираемой ими съ членовъ-посѣтителей катка, а также въ устройствѣ хора, оркестра и т. под. Я уже говорилъ, что цер-

Digitized by Google

ковь гимназическая была почти въ полномъ распоряженіи учениковъ, при чемъ одинъ изъ нихъ исправлялъ должность старосты церковнаго и въ его завѣдываніи былъ свѣчной и денежный ящикъ. И ни разу за всѣ пятнадцать лѣтъ моего директорства не было замѣчено не только злоупотребленія со стороны учениковъ, но даже небрежности по отношенію къ порученнымъ имъ обязавностямъ и ввѣряемому имъ имуществу.

Довѣряя ученикамъ, я въ случаѣ жалобы ихъ на преподавателей своихъ и надзирателей или на постороннихъ лицъ, съ которыми приходилось ученикамъ сталкиваться внѣ гимназіи, не былъ склоненъ къ тому, чтобы всегда обвинять ученика, на основаніи того, что другіе ученики не жалуются же: «отчего же ты жалуешься?» Я внимательно выслушивалъ жалобу, прежде всего имѣя въ виду, что она, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія ученика, вполнѣ справедлива. Если жалоба оказывалась изъ словъ самого же ученика несправедливою, я объяснялъ ему, какъ надо относиться къ тому, на что онъ жалуется, и какъ надобно поступать: большею частью этимъ дѣло и оканчивалось, при чемъ я старался только, чтобы ученикъ отнюдь не потерялъ увѣренности въ моей благожелательности къ нему въ томъ, что я очень дорожу тѣмъ, чтобы его напрасно кто не оскорбилъ. Если же по разсказу ученика можно было придти къ тому, что онъ правъ, я говорилъ, что разслѣдую это дѣло. Послѣ этого, въ случаѣ жалобы на кого-либо изъ педагогическаго персонала, я заявлялъ сему послѣднему предметъ жалобы, и въ случаѣ его ошибки, происшедшей или отъ поспѣшности, или горячности, предлагалъ ему какъ-нибудь поправить ошибку. Нѣкоторые того мнѣнія, что сознаніе педагога въ ошибкѣ передъ учениками колеблетъ его авторитетъ: по ихъ наивному мнѣнію, ученики, даже взрослые, должны думать, что педагогъ, какъ римскій папа въ дѣлахъ вѣры, непогрѣшимъ. Я самъ никогда не считалъ унизительнымъ, въ случаѣ ошибки моей, не только сознаться въ ней предъ

Digitized by Google

учениками, но, если она была для кого-нибудь изъ нихъ оскорбительною, извиниться. Это необходимо для того, чтобы и ученики не стояли упрямо на своихъ ошибкахъ и не считали бы, въ случаѣ сдѣланной ошибки, оскорбительнымъ извиниться.

Въ случаѣ же столкновенія ученика съ посторонними, внѣ гимназіи, я принималъ уже болѣе крупныя мѣры. Надобно сказать, что жалобы на постороннихъ бываютъ очень рѣдко, и если онѣ бываютъ, то, значитъ, оскорбленіе нанесено тяжелое. И вообще столкновеніе съ посторонними это не то, что «свои собаки дерутся», когда «чужая не мѣшайся». Приведу примѣръ. Ученикъ старшаго класса приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Вчера я былъ въ соборѣ у обѣдни. По окончаніи службы, вышедши изъ церкви, сталъ около подъѣзда въ нее, вмѣстѣ съ другой публикой; вдругъ одинъ изъ полицейскихъ чиновъ (высшихъ) подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «подвиньтесь назадъ», вмѣстѣ съ этимъ схватилъ меня за лацканы пальто и потолкнулъ въ грудь; это было въ виду многочисленной публики». Не вѣрить ученику не было поводовъ. Я тотчасъ же командировалъ инспектора узнать у этого чина, за что онъ нанесъ ученику ударъ въ грудь. Немедленно послѣ объясненія съ инспекторомъ означенный чинъ пріѣхалъ ко мнѣ и объяснилъ, что онъ погорячился. Я предложилъ ему отправиться къ матери этого ученика и извиниться, что и было исполнено.

XL.

Чрезвычайно важнымъ воспитательнымъ средствомъ я считалъ также эстетическое образованіе, которому должны были служить занятія учениковъ искусствами и ученическіе литературно-музыкальные вечера. Въ этомъ отношеніи тѣ гимназіи, въ которыхъ я служилъ до поступленія въ рижскую Александровскую, не дали мнѣ рѣшительно никакого опыта, такъ какъ никакихъ ни утръ, ни вечеровъ

Digitized by Google

литературно-музыкальныхъ въ нихъ не бывало, и вообще занятія искусствами, кромѣ обязательныхъ и потому едва влачимыхъ, въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ не было. Но въ рижской Александровской гимназіи сильные зачатки свободнаго занятія искусствами уже были. Бывшій инспекторъ гимназіи и нѣкоторые преподаватели были сами любители искусствъ: кто любилъ музыку, кто драматическое искусство, и поддерживали этотъ огонекъ и между учениками. Я рѣшилъ поддержать и, по возможности, развить тѣ задатки любви къ искусству, какіе уже нашелъ въ этой гимназіи. Началъ я съ продолженія того, что уже было здѣсь заведено, а заведены были ежегодные вечера, на которыхъ игралъ оркестръ учениковъ, пѣлъ хоръ, были и солисты какъ въ пѣніи, такъ и въ музыкѣ; кромѣ того, читались стихи, басни, послѣднія съ распредѣленіемъ ролей и въ соотвѣтствующихъ костюмахъ; оканчивались вечера живыми картинами. Были попытки поставить на вечерахъ и драму, но на греческомъ языкѣ; такъ, подъ руководствомъ бывшаго инспектора Г. А. Янчевецкаго, который вмѣстѣ преподавалъ греческій языкъ, была поставлена «Антигона» Софокла въ костюмахъ. Я все больше вводилъ на этихъ вечерахъ драматическія сцены изъ русской драматической литературы, сначала только отдѣльныя сцены, какъ, напр., изъ «Бориса Годунова» Пушкина, изъ «Горя отъ ума», изъ «Козьмы Минина Сухорука» Островскаго и пр., а потомъ уже цѣлыя драмы. Первою изъ таковыхъ былъ, кажется «Ревизоръ». Постановкѣ пьесы благопріятствовали и наличность способныхъ для выполненія главныхъ ролей учениковъ, и талантливый руководитель въ игрѣ учениковъ—актеръ русской драматической труппы, дававшей тогда представленія въ Ригѣ, г. Стрѣльскій, который душою отдался подготовкѣ учениковъ къ игрѣ. Когда онъ нѣсколько подготовилъ учениковъ и пригласилъ меня посмотрѣть, я былъ пораженъ: играли мои ученики какъ настоящіе актеры, отличаясь отъ послѣднихъ только тѣмъ, что знали свои роли такъ, что могли ихъ твердо

Digitized by Google

читать безъ всякаго суфлера. Кромѣ того, для вечера ученическій оркестръ, довольно большой, разучилъ нѣсколько пьесъ; хоры учениковъ, пѣвшіе въ антрактахъ, изображали хоръ Славянскаго съ его пѣснями и т. д. Ученики сами рисовали декораціи подъ руководствомъ учителя рисованія, сами добывали костюмы; наконецъ, все въ залѣ актовомъ устраивалось; украшалась зала разными щитами — и все это дѣлали сами ученики, дѣлали толково, аккуратно, съ любовью, главное—съ заботой, чтобы честь гимназіи въ чемъ не пострадала. На репетиціяхъ присутствовала обыкновенно масса учениковъ.

Однажды, во время репетицій, кучка учениковъ, не интересовавшихся искусствомъ, забралась въ подвалъ распить бутылку водки, чтобы тоже устроить себѣ праздникъ по своему вкусу, но объ этомъ тотчасъ же было дано знать, какъ о безобразіи, могущемъ набросить тѣнь на гимназію, въ которую скоро ученики должны были пригласить своихъ родителей, сестеръ. Виновные были, конечно, наказаны, но только не удаленіемъ изъ гимназіи: иначе подобныя безобразія оставались бы нераскрытыми. Наконецъ, былъ назначенъ вечеръ для родителей учениковъ и для учениковъ младшихъ классовъ, а потомъ—другой вечеръ для приглашенныхъ директоромъ почетныхъ гостей и для родителей тѣхъ учениковъ, которые принимали активное участіе въ вечерѣ; надобно замѣтить, что ученики старшихъ классовъ почти всѣ принимали участіе въ вечерѣ, если не въ качествѣ исполнителей, то въ качествѣ распорядителей, помощниковъ устроителей и пр. Оба вечера прошли съ большимъ успѣхомъ и доставили публикѣ, т.-е., главнымъ образомъ, родителямъ и родственникамъ учениковъ, большое удовольствіе. На слѣдующій день послѣ представленія похвалили учениковъ и въ газетахъ рижскихъ — русскихъ и нѣмецкихъ, и они были очень довольны. Порядокъ, какъ и вообще на этихъ вечерахъ, былъ образцовый: ученики—распорядители—сами гораздо строже поддерживали порядокъ, чѣмъ наблюдатели

Digitized by Google

изъ педагогическаго персонала: Боже, сохрани, чтобы кто нарушилъ его,—бѣда! Очевидно было, что съ такими учениками можно устраивать вечера какіе угодно.

На слѣдующій годъ я рѣшился поставить «Смерть Іоанна Грознаго» гр. А. Толстого,—пьесу, которая еще не ставилась на театральныхъ сценахъ. Тутъ уже мнѣ самому пришлось принять участіе въ репетиціяхъ учениковъ, такъ какъ приглашенный для руководства актеръ мало былъ знакомъ съ пьесой. Пьеса также прошла съ большимъ успѣхомъ; самъ попечитель, бывшій тогда, Н. А. Лавровскій, вообще скупой на одобренія, похвалилъ учениковъ. Это было въ 1893 году.

Такъ какъ въ 1894 г. была устроена въ гимназіи домовая церковь, влѣдствіе чего помѣщеніе для вечеровъ, исключительно въ актовомъ залѣ, сократилось вдвое, то надобно было искать помѣщенія для вечеровъ внѣ гимназіи, хотя это представляло нѣкоторыя неудобства, лишая до нѣкоторой степени эти вечера домашняго характера. Но дѣлать нечего: у учениковъ развилась уже любовь къ этимъ вечерамъ и надобно было пользоваться этимъ ихъ влеченіемъ, направляя только его къ ихъ благу. Намъ было уступлено помѣщеніе на два представленія въ «Русскомъ театрѣ» въ домѣ акціонернаго общества «Улей».

Въ первый годъ по перенесеніи нашихъ вечеровъ въ это помѣщеніе мы дали «Женитьбу» Гоголя. Надобно сказать, что всѣ пьесы, которыя ученики играли, мною тщательно пересматривались, чтобы въ нихъ не оставалось выраженій или сценъ, неудобныхъ и неприличныхъ въ устахъ школьной зеленой молодежи. Это ученики и сами прекрасно знали, какія сцены или выраженія для нихъ неудобны, такъ что нерѣдко они сами указывали на случайно пропущенныя мною. Конечно, театръ «Улья» въ оба наши представленія былъ биткомъ набитъ, несмотря на крайне скупую выдачу билетовъ, во избѣжаніе безпорядка. Въ театрѣ помѣщалось въ каждое изъ двухъ представленій до 1.500 человѣкъ; всѣ представители рус-

Digitized by Google

каго общества въ Ригѣ, а также родители и близкіе родственники учениковъ побывали на этихъ представленіяхъ. Игра была, какъ, по крайней мѣрѣ, казалось моему отеческому сердцу, прекрасная; смѣху было совершенно достаточно; между прочимъ прекрасная была и сваха (Флякс-бергеръ). Кромѣ представленія, были хоры ученическіе, игралъ оркестръ и пр. Такъ какъ пьеса довольно рано окончилась, то ученики упросили меня разрѣшить остаться потанцовать до 12 часовъ, а попечитель разрѣшилъ пропустить на слѣдующій день первые два урока.

Но самое замѣчательное изъ всѣхъ представленій, данныхъ при мнѣ учениками, было въ слѣдующемъ послѣ этого году. Я выбралъ пьесу, которая мнѣ очень нравилась и которая въ то время не появлялась еще ни на одной театральной сценѣ,—это «Царь Ѳеодоръ» гр. А. Толстого. Когда ученики ознакомились съ этой пьесой и приблизительно выбрали роли, я самъ прочелъ будущимъ исполнителямъ нѣсколько разъ эту пьесу, стараясь выяснить особенно характеръ царя Ѳеодора Іоанновича, потому что тутъ легко впасть въ глупый шаржъ, между тѣмъ какъ характеръ этотъ, по существу и по намѣренію автора, чисто идеальный, святой. Ученики поняли этотъ характеръ; были поняты и характеры бояръ царя. Всѣ были крайне довольны пьесой и выражали мнѣ благодарность. Попечитель Н. А. Лавровскій сказалъ: «*дѣйствительно* хорошо», ударяя на словѣ «дѣйствительно». Успѣшной игрѣ много способствовало участіе въ репетиціяхъ ея бывшаго тогда въ рижской русской театральной труппѣ актера г. Тинскаго, поступившаго потомъ въ петербургскій Художественный театръ.

Но игра этой пьесы имѣла и свои печальныя послѣдствія: одинъ юный учитель гимназіи, человѣкъ способный, но съ нѣсколько разстроенной фантазіей, влюбился въ царицу Ирину (первый ученикъ VI кл.), и это сдѣлалось его болѣзнью. Онъ былъ вполнѣ откровененъ со мной; я старался на него дѣйствовать, но напрасно: онъ не могъ

Digitized by Google

выбросить изъ головы идеи. Иногда мнѣ казалось, что онъ рисуется, оригинальничаетъ, но иногда чуствовалось въ этомъ нѣчто трагическое. Черезъ годъ этотъ молодой учитель покончилъ съ собой.

Подъ вліяніемъ успѣха исполненія «Царя Ѳеодора» я рѣшился въ слѣдующемъ году попробовать болѣе серьезную пьесу, выбралъ для представленія самого «Короля Лира» Шекспира. Я опять самъ читалъ Шекспира будущимъ исполнителямъ, съ комментаріями. Однако же сразу видѣлъ, что Шекспиръ далеко не такъ понятенъ ученикамъ, какъ произведенія гр. А. Толстого. По крайней мѣрѣ очень не многіе понимали его, и то не вполнѣ. Въ этомъ отчасти отражался недостатокъ знакомства классного учениковъ съ лучшими образцами иностранной литературы, не подготовленность къ ея пониманію, а отчасти, конечно, и слишкомъ большая высота идей Шекспира, требующая въ общемъ для своего уразумѣнія болѣе зрѣлаго возраста и болѣе философской подготовки, которая въ настоящее время въ гимназіяхъ почти совершенно отсутствуетъ. Но я находилъ, что уже и то будетъ хорошо, что ученики познакомятся съ Шекспиромъ и хотя слабое получатъ чутье высокаго въ искусствѣ. Я замѣтилъ, что ученики младшихъ классовъ отлично поняли и могли ясно разсказать внѣшнюю исторію, фабулу, этой пьесы.

XLI.

Слѣдуетъ однако же сказать, что такіе ученическіе вечера рѣдко проходятъ безъ болѣе или менѣе непріятныхъ казусовъ. Всякій подъемъ духа учениковъ,—а вечера, безъ сомнѣнія, сильно поднимаютъ духъ, производятъ въ нихъ сильно повышенную температуру, — можетъ отразиться въ нежелательныхъ приключеніяхъ; между прочимъ во время послѣдняго описаннаго мною вечера нѣсколько учениковъ 4-го (!) класса нашли въ театрѣ темный уголокъ и распили бутылочку сивухи. При разслѣдованіи дѣла я

Digitized by Google

спрашивалъ у нихъ, зачѣмъ же это они дѣлали. И отъ всѣхъ отъ нихъ получилъ одинъ отвѣтъ, что они хотѣли показать, что они ужъ не дѣти, когда могутъ водку тянуть, хотя нѣкоторые изъ нихъ, выпивши, такъ перепугались, что кричали на улицѣ, боясь умереть отъ того, какъ жгло внутри. Такъ будоражатъ учениковъ вечера. Въ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ годовъ моей службы въ гимназіи то же самое случилось во время ученическаго вечера и тоже только ради доказательства храбрости. Безспорно, это нехорошо и никакъ не углядишь за этимъ. Но какъ же отвѣтить на вопросъ въ общемъ: полезны или вредны подобныя ученическія драматическія представленія?

Человѣкъ, который что-нибудь дѣлаетъ, обыкновенно и ошибается; только бездѣйствующій не ошибается. Но изъ этого не вытекаетъ, что надо бездѣйствовать. Иногда бываютъ и очень серьезныя ошибки. Положимъ, и, наприм., занятія гимнастикой, особенно лазанія, прыганія и т. под., нерѣдко сопровождаются очень печальными послѣдствіями; былъ случай въ одномъ изъ рижскихъ учебныхъ заведеній—ученикъ, поднявшись по шесту, упалъ головой внизъ и тутъ же умеръ; въ моей гимназіи былъ случай, что ученикъ, упавъ на гимнастикѣ, переломилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ руку. Были случаи, что ученикъ утонетъ при купаньѣ, при плаваньѣ въ лодкѣ и т. под.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что не надобно ни заниматься гимнастикой, ни плавать въ лодкѣ, ни купаться и т. д. Между тѣмъ въ нашей педагогіи, какъ и въ общественной нашей жизни, нерѣдко во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій предпочитается бездѣйствіе. Какъ яркій примѣръ педагогическаго попеченія о школьникахъ, приведу одинъ случай. По рижскому учебному округу вышелъ какъ-то такой циркуляръ, что въ виду возможности ученикамъ попасть въ рѣку Двину, когда они ловятъ на ней удочкой рыбу и вообще находятся близко отъ рѣки, воспрещается ученикамъ ловить рыбу на всемъ протяже-

Digitized by Google

ніи Двины въ рижскомъ учебномъ округѣ и даже подходить къ ней близко.

Само собой разумѣется, что такою попечительностью мы не спасаемъ дѣтей и юношей отъ несчастій: жизнь ставитъ иногда не только взрослыхъ, но и дѣтей и юношей въ такія положенія, когда надобно умѣніе бороться съ опасностями и препятствіями, развивать въ себѣ энергію. Не пріучая питомцевъ нашихъ къ борьбѣ, къ находчивости, къ напряженію воли, мы имъ скорѣе вредимъ, чѣмъ приносимъ пользу, вредимъ на всю ихъ жизнь.

То же самое должно сказать и объ ученическихъ вечерахъ: въ нихъ много есть хорошаго—это школьные праздники, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являются сами ученики. Эти праздники сильно поднимаютъ духъ учениковъ, оживляютъ ихъ, освѣжаютъ нравственную школьную атмосферу, сближаютъ школу съ обществомъ, съ семьями, сближаютъ педагоговъ съ учениками на почвѣ неучебной, пріучаютъ учениковъ къ ловкости, находчивости, иниціативѣ. Мы не говоримъ ужъ о прямой и главной цѣли этихъ вечеровъ—развитіи въ ученикахъ чувства изящнаго чрезъ ихъ собственное упражненіе въ искусствѣ, а также черезъ тщательное изученіе тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя они должны исполнить при публикѣ на этихъ вечерахъ. Все это должно примирить съ тѣми случайными казусами на этихъ вечерахъ, не находящимися съ ними ни въ какой органической связи, а обнаруживающими не только свѣтлыя, но и темныя стороны школы, что также дѣлу въ сущности нисколько не мѣшаетъ, а, напротивъ, можетъ быть даже полезно въ воспитательномъ отношеніи.

Ученическіе литературно-музыкальные вечера были, по принципу педагогическому, безплатны. Но были случаи, что ученики устраивали ихъ платными съ благотворительною цѣлью: такъ, устраивали вечера въ пользу вдовы законоучителя, въ пользу недостаточныхъ студентовъ рижскаго политехническаго института, въ пользу вдовы по-

Digitized by Google

мощника классныхъ наставниковъ, и каждый разъ сборъ былъ большой, оказывавшій существенную поддержку для достиженія предположенныхъ цѣлей, такъ какъ ученики же принимали участіе въ распространеніи билетовъ входныхъ. Кромѣ большихъ вечеровъ, иногда давались учениками въ зданіи гимназіи маленькіе вечера, куда не приглашались постороннія лица, а присутствовали только семьи педагоговъ и немногіе родственники учениковъ. Эти вечера оканчивались обыкновенно танцами.

Если прибавить къ сказанному, что большое число учениковъ, до полутораста, брали уроки пѣнія: одни—духовнаго, другіе—свѣтскаго, а иные—того и другого, такое же количество учениковъ брали уроки музыки на разныхъ инструментахъ и нѣкоторые изъ нихъ играли два раза въ недѣлю въ оркестрѣ, что значительное число учениковъ брали тутъ же въ гимназіи необязательные уроки рисованія, человѣкъ до 50 ежедневно брали уроки танцевъ, или, какъ выражался учитель этого искусства, «танцевъ и изящныхъ манеръ», то будетъ видно, что гимназія не дремала и что для развитія въ нихъ чувства изящнаго дѣлалось все возможное.

Въ послѣдній годъ моего управленія гимназіей ученики завели свой катокъ на соборной площади. Когда-то, скоро по основаніи гимназіи, она имѣла свой катокъ на каналѣ какъ разъ противъ гимназіи; но вслѣдствіе нѣкоторыхъ неудобствъ, сопряженныхъ со всякимъ живымъ дѣломъ, начальство гимназіи рѣшило закрыть катокъ. Ученики однако же постоянно стремились имѣть свой катокъ. Наконецъ, такъ какъ противъ гимназіи катокъ былъ занятъ, рѣшено было открыть его на соборной площади, что и вышло очень удобно: во-первыхъ, тутъ не было опасности провалиться на льду во время частыхъ оттепелей, а потомъ мѣсто было обширное и центральное въ городѣ. По мѣстнымъ школьнымъ обычаямъ избраны были изъ учениковъ такъ называемые «директора катка», которые подъ надзоромъ одного изъ наставниковъ и начали хо-

Digitized by Google

зяйничать: устроили необходимыя зданія для катка, освѣтили катокъ электричествомъ, пригласили военный оркестръ. Изъ учениковъ Александровской гимназіи каждый могъ быть за небольшую плату членомъ катка. Посторонніе же получали членскіе билеты только съ согласія директоровъ катка; за этихъ членовъ директора отвѣчали. Вслѣдствіе этого членами катка изъ постороннихъ было преимущественно молодое поколѣніе изъ лучшихъ рижскихъ семействъ. Въ первый же годъ образовался даже остатокъ отъ расходовъ по этому дѣлу. Въ настоящее время, какъ я слышалъ, катокъ очень развился.

Молодежь должна не только учиться, она имѣетъ право и повеселиться. Можетъ быть, благодаря тому, что гимназія моя никогда не была противъ приличныхъ развлеченій молодежи, а также противъ тѣхъ или другихъ группировокъ учениковъ съ цѣлью открытою и безвредною, во все время управленія моего гимназіей въ ней не было ни одного случая, чтобы ученики запутались въ какое-нибудь политическое дѣло, какъ совершенно несвойственное нормальной и здоровой духовно и физически школьной молодежи.

Да хранитъ Богъ и впредь ихъ здоровье!

Вообще главнымъ принципомъ моимъ при воспитаніи было довѣріе къ ученикамъ, и мнѣ не приходилось жалѣть объ этомъ, хотя онъ шелъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣми правилами и циркулярами, которые безпрестанно проходили и требовали главнымъ образомъ того, чтобы «смотрѣть, не зѣвать». Это было въ то время толстовскихъ гимназій, когда считалось необходимымъ не давать ученикамъ ни шагу самостоятельнаго, вездѣ за ними присматривать и подсматривать. Ставъ директоромъ гимназіи, я также сдѣлалъ довѣріе къ ученикамъ самымъ основнымъ рычагомъ воспитательной дѣятельности. Я никогда не заподозрѣвалъ ученика во лжи, въ обманѣ, всегда показывая, что вполнѣ ему вѣрю; я считалъ, что ничто такъ не наводитъ человѣка, особенно дѣтей, на дурное, какъ постоянное заподозрѣваніе его въ дурномъ.

Digitized by Google

Одинъ изъ персонажей Максима Горькаго, Васька Пепелъ, «сызмалѣтства воръ», разсказываетъ: «Всѣ люди говорили мнѣ: «воръ Васька, воровской Васька»... Ты пойми, я, можетъ быть, со зла воръ-то... оттого я воръ, что другимъ именемъ никто никогда не догадался назвать меня». Слѣдствіемъ довѣрія моего къ ученикамъ было то, что въ старшихъ классахъ гимназіи, начиная съ 4-го, за рѣдкими исключеніями, всѣ ученики говорили предо мною правду; если случалось, что ученикъ скажетъ неправду, послѣ, обыкновенно побуждаемый товарищами, онъ приходилъ ко мнѣ извиниться и сказать правду. Если происходилъ въ классѣ какой-нибудь безпорядокъ и виновные оставались неизвѣстны тѣмъ, кто долженъ былъ наблюдать за классомъ, я никогда не обращался къ классу, чтобы онъ выдалъ виновнаго; напротивъ, прямо говорилось, что тотъ или тѣ, кто сдѣлали извѣстное нарушеніе порядка, должны встать и сказать, и я не помню ни одного случая, чтобы они не встали и не сказали, какое бы наказаніе за это ни угрожало. Нерѣдко мнѣ приходилось при этомъ слышать послѣ уроковъ, при встрѣчѣ на перемѣнѣ съ провинившимся ученикомъ, такія отъ него слова, иногда со слезами: «я не боюсь наказанія, но прошу васъ, не перемѣните обо мнѣ мнѣнія, не думайте обо мнѣ дурно; этотъ проступокъ былъ случайный».

Довѣріе къ ученикамъ должно внушать довѣріе и обратное — со стороны учениковъ къ наставникамъ. Если же есть это послѣднее довѣріе, то и я могу сказать: «тараканъ, значитъ, пойманъ»,—можно сдѣлать изъ учениковъ, что угодно. Въ этомъ вся сила и весь залогъ правильнаго и благотворнаго нравственнаго воспитанія.

XLII.

Учебное дѣло въ рижской Александровской гимназіи.

Переходя къ *учебной* части въ рижской Александровской гимназіи, прежде всего я долженъ сказать, что въ

Digitized by Google

этомъ дѣлѣ, какъ директоръ гимназіи, я старался болѣе воздѣйствовать на преподавателей. Я не обольщался мыслью достигнуть того, чтобы у меня всѣ были образцовые преподаватели, полагая, что и плохіе нужны на свѣтѣ, потому что иначе не было бы хорошихъ. Но во всякомъ случаѣ я требовалъ честнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и если замѣчалъ какую-либо небрежность, невнимательность къ дѣлу, то преслѣдовалъ это всѣми силами и тѣмъ болѣе преслѣдовалъ изъяны въ преподаваніи, чѣмъ болѣе можно было требовать отъ способностей учителя. Преподаватели большею частью сначала, конечно, оказывали мнѣ сопротивленіе и старались доказать, что я ничего не понимаю въ той области, которой онъ завѣдуетъ, но вражда обыкновенно была не очень продолжительна; преподаватель видѣлъ, что я говорю не съ тою цѣлью, чтобы ему устроить какую-нибудь каверзу, а говорю какъ коллега, опытный педагогъ, самъ пробывшій учителемъ 22 года и теперь не покидающій учительства, человѣкъ, привыкшій высоко цѣнить учительскую дѣятельность, считающій ее, конечно, основой всякаго преуспѣянія учебнаго заведенія. И потому, несмотря на мои, можетъ быть, подчасъ рѣзкія, замѣчанія, я жилъ съ учителями въ общемъ въ дружбѣ и согласіи, и они цѣнили мои мнѣнія, какъ и я, конечно, высоко цѣнилъ мнѣнія опытныхъ педагоговъ.

По характеру учебныхъ требованій въ большую часть времени управленія моей гимназіей главное значеніе придавалось письменнымъ работамъ учениковъ, особенно по русскому, латинскому, греческому языкамъ и математикѣ. И поэтому естественно, что я особенное вниманіе обращалъ на исправное веденіе преподавателями этихъ работъ, о чемъ у насъ были многократныя совѣщанія въ педагогическихъ кимиссіяхъ и совѣтахъ. Насколько мы преуспѣвали въ этомъ дѣлѣ, видно изъ слѣдующаго казуса, который я подробно разскажу, такъ какъ онъ имѣлъ значеніе въ моей жизни.

Digitized by Google

Это было въ 1893 году. Во время ученическаго драматическаго представленія въ этотъ годъ я имѣлъ непріятный разговоръ съ однимъ лицомъ изъ публики, пришедшимъ на вечеръ, изъ-за входного билета. Результатомъ было то, что я былъ вызванъ... да, былъ вызванъ на дуэль. Хотя дуэль, по распоряженію высшаго начальства того лица, которое вызвало, была пріостановлена, тѣмъ не менѣе послѣ этого въ городѣ начали ходить упорные слухи, что меня куда-то переводятъ или вовсе удаляютъ въ отставку отъ должности. Само собою разумѣется, что у меня, какъ у всякаго человѣка, были благопріятели. Многіе выражали мнѣ по поводу этого сожалѣніе, но откуда что берется, я ничего не зналъ; я увѣрялъ, что это вздоръ. «Нѣтъ,— говорили,—это ужъ вѣрно; жаль, очень жаль». Бываетъ съ людьми, надъ которыми готова разразиться какая-нибудь пакость, что они одни только не видятъ этого, а всѣ другіе-то видятъ, и поэтому я былъ въ недоумѣніи. Черезъ полгода послѣ означеннаго казуса былъ попечительный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя. На совѣтѣ должны были читаться отчеты профессоровъ юрьевскаго университета и окружныхъ инспекторовъ о письменныхъ работахъ, исполненныхъ учениками на испытаніи зрѣлости, а также въ VI кл. на испытаніи по латинскому и греческому языку во всѣхъ гимназіяхъ рижскаго учебнаго округа. Читаютъ отчетъ профессора Висковатова о русскомъ сочиненіи въ VIII кл.—лучшія работы, по его оцѣнкѣ, это работы учениковъ рижской Александровской гимназіи. Но это не удивительно: не даромъ же эта гимназія искони русская. Читается затѣмъ отчетъ о письменныхъ работахъ по латинскому языку—лучшія работы учениковъ Александровской гимназіи; то же самое по греческому языку; то же по математикѣ; то же—работы учениковъ VI кл. по латинскому языку, но только работы учениковъ VI кл. по греческому языку не лучшія, а изъ лучшихъ, кажется, второе мѣсто занимали въ округѣ. Отчеты о письменныхъ испытаніяхъ всегда выслушива-

Digitized by Google

лись въ попечительскомъ совѣтѣ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя, присутствовали окружные инспектора и директора учебныхъ заведеній, живущіе въ Ригѣ, съ большимъ вниманіемъ, по причинамъ понятнымъ: это было своего рода состязаніе среднихъ учебныхъ заведеній округа. Иногда въ совѣтѣ по поводу отчетовъ были шутки; я ожидалъ шутки въ родѣ такой: «экъ прорвало Александровскую гимназію!» Но ничего подобнаго не было; никто какъ будто не замѣтилъ, что рижская Александровская гимназія стоитъ почти по всѣмъ предметамъ первою. Въ теченіе совѣта былъ антрактъ, но и въ антрактѣ никто не заводилъ объ этомъ рѣчи; мнѣ показалось, что какъ будто даже избѣгали со мной разговора. «Что же это значитъ?—подумалъ я:—или ужъ меня совсѣмъ приговорили къ удаленію изъ гимназіи и всѣ боятся приблизиться ко мнѣ, заговорить со мной, какъ съ зачумленнымъ?» Но я никогда не падалъ духомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, а напротивъ, трудности возбуждали только мою энергію. Пришедши домой уже поздно ночью, я тотчасъ же написалъ представленіе попечителю въ такомъ родѣ: «Въ попечительскомъ совѣтѣ такого-то числа изъ чтенія отчетовъ о письменныхъ работахъ учениковъ рижскаго учебнаго округа на испытаніяхъ зрѣлости и учениковъ VI кл. на переводныхъ испытаніяхъ оказалось, что работы учениковъ VIII кл. рижской Александровской гимназіи по всѣмъ предметамъ лучшія въ округѣ, а работы VI кл. этой гимназіи по латинскому языку лучшія, а по греческому изъ лучшихъ. Такъ какъ таковую успѣшность гимназіи нельзя не признать рѣдкою, то я желалъ, чтобы преподаватели гимназіи были поощрены въ своей дѣятельности и чтобы они видѣли, что ихъ выдающаяся дѣятельность замѣчена, покорнѣйше прошу, по бывшимъ уже примѣрамъ во ввѣренной мнѣ гимназіи, выразить, отъ имени попечителя, благодарность гимназіи за выдающееся успѣшное преподаваніе въ ней, обнаруженное въ письменныхъ работахъ учениковъ». Можно

Digitized by Google

себѣ представить, какъ въ округѣ были озадачены этой бумагой: того, кого предполагалось гнать, надо было благодарить, и какъ же потомъ гнать, поблагодаривши? Долго думали въ округѣ; наконецъ, спустя уже около мѣсяца, я получилъ бумагу въ соотвѣтственномъ смыслѣ; только благодарность выражена не «гимназіи», какъ я представлялъ, а «преподавателямъ, которые въ означенныхъ классахъ преподавали тѣ предметы, по которымъ представлены были письменныя работы». Такимъ образомъ какъ будто хотѣли, чтобы меня миновала благодарность, хотя она въ сущности все-таки зацѣпила нѣсколько и меня, такъ какъ въ VIII кл. русскій языкъ преподавалъ я. Получивши эту бумагу, я собралъ всѣхъ преподавателей въ актовый залъ и объявилъ благодарность попечителя, выразивъ надежду, что и впредь они всегда будутъ держать гимназію на высотѣ. Замѣчательно то, что округъ не рѣшился напечатать этой благодарности въ циркулярахъ своихъ, въ которыхъ печатаются всякіе пустяки. Однажды я спросилъ, почему объ этомъ не печатали въ ближайшемъ циркулярѣ. И получилъ отвѣтъ: «мѣста не было, а въ слѣдующемъ будетъ напечатано», но такъ и не было напечатано, отъ чего, въ сущности, убытка никакого гимназіи, конечно, не было, а все-таки было странно послѣ того, какъ одно среднее учебное заведеніе получило благодарность въ циркулярахъ за заботу объ ученическомъ оркестрѣ, а забота эта состояла въ томъ, что учебное заведеніе пріобрѣло, конечно на казенный счетъ, большой турецкій барабанъ. Какъ бы то ни было, но послѣ этого толки о моемъ перемѣщеніи и удаленіи стали утихать; говорили еще о перемѣщеніи, но въ такомъ родѣ, что если перемѣщать, то надо на высшее мѣсто, но куда же? вотъ вопросъ. И, кромѣ того, послѣ этого уже попечитель (Н. А. Лавровскій) относился ко мнѣ до конца своей жизни съ величайшимъ благоволеніемъ и всегда выставлялъ мою гимназію, какъ образцовую. Не совсѣмъ довольный рецензіями письменныхъ работъ по русскому языку, представляемыми

Digitized by Google

профессорами университета, онъ исходатайствовалъ предъ министромъ разрѣшеніе передать эти рецензіи мнѣ, которыя я и велъ до прекращенія этихъ рецензій, которое произошло только за годъ до окончанія мною педагогической дѣятельности.

XLIII.

Какіе были мотивы въ министерствѣ къ признанію ненужными этихъ отчетовъ по округамъ, я не знаю. Злоупотребленія, конечно, и тутъ могли быть, какъ и во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, но въ сущности дѣла я считаю его въ высокой степени полезнымъ. Сколько разъ въ моей педагогической службѣ выносили меня изъ бѣды именно эти отчеты о письменныхъ работахъ по округу! Скажите, чѣмъ учитель гимназіи докажетъ, что у него дѣло идетъ какъ слѣдуетъ, если нѣтъ сравненія результатовъ его работъ съ работами другихъ учителей по округу? Все познается только по сравненію; если же нѣтъ этого сравненія, тогда самое лучшее можетъ казаться очень плохимъ и, наоборотъ, самое худшее—очень хорошимъ. Такъ и бываетъ. Я помню, когда въ московскомъ учебномъ округѣ началось разсматриваніе письменныхъ работъ профессорами университета, многіе преподаватели, составившіе себѣ фальшивую репутацію, провалились и многіе, съ самой скромной репутаціей, сильно поднялись. Все дѣло только въ томъ, кто пишетъ рецензіи: тутъ требуется и солидное знакомство съ тѣмъ дѣломъ, которое разсматриваетъ, и тактъ, и безпристрастіе. Въ московскомъ округѣ было выгодно то, что въ первое время разсматривали письменныя работы по русскому языку профессора Буслаевъ и затѣмъ Тихонравовъ, оба бывшіе сами преподавателями русскаго языка въ гимназіи и, значитъ, знакомые хорошо съ тѣмъ, чего надо требовать и желать, и, кромѣ того, оба никогда и во время профессорства не порывавшіе въ своей дѣятельности тѣсной связи съ педагогіей и съ педагогами. Съ другой стороны, они не имѣли

Digitized by Google

никакихъ поводовъ относиться пристрастно къ тѣмъ или другимъ учителямъ въ округѣ, а слѣдовательно не имѣли поводовъ и къ неумѣстнымъ выходкамъ. Нечего уже и говорить о томъ, что они въ этихъ рецензіяхъ стояли на высотѣ своей задачи по сущности дѣла, которое они разсматривали. Не въ такомъ отношеніи къ преподавателямъ и вообще къ гимназіямъ стоятъ большею частью окружные инспектора, которымъ въ послѣднее время предпочтительнѣе отдавались на разсмотрѣніе письменныя работы. Во-первыхъ, это люди, отставшіе уже отъ преподанія, отъ науки и, можно сказать, отъ школы за разными работами канцелярскаго характера, и ставить ихъ руководителями педагогическаго дѣла ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы. Во-вторыхъ, надобно откровенно сказать, въ громадномъ большинствѣ случаевъ они не умѣютъ относиться къ гимназіямъ безпристрастно; большая часть изъ нихъ цѣнятъ гимназію по тому, какъ ихъ тамъ принимаютъ во время ихъ ревизій: если принимаютъ съ почетомъ, съ должнымъ трепетомъ, а по возможности и съ музыкой и провожаютъ тоже съ помпой, то учебное заведеніе оставляетъ въ нихъ «отрадное» впечатлѣніе, каковымъ оно и рекомендуется попечителю. Если же ихъ принимаютъ такъ, какъ должно принимать, т.-е. нисколько не нарушая обычнаго порядка въ учебномъ заведеніи, потому что, какъ сказано въ инструкціи объ окружныхъ инспекторахъ, «посѣщеніе ими учебныхъ заведеній должно быть дѣломъ обыкновеннымъ», тогда бѣда! У всѣхъ ревизоровъ, надобно сказать, есть немножко хлестаковщины: «Я бы, признаюсь, — говорилъ Хлестаковъ, — больше бы ничего не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженіе, уваженіе и преданность». Согласно съ этимъ бываетъ и расцѣнка учебныхъ заведеній, а также и преподавателей, съ которыми окружные инспектора очень часто вступаютъ въ столкновенія по тому или другому поводу. Ожидать отъ этихъ лицъ рецензіи спокойной, безпристрастной и стоящей на должной высотѣ разу-

Digitized by Google

мѣнія дѣла очень трудно. Я вообще считаю дѣятельность окружныхъ инспекторовъ для среднихъ учебныхъ заведеній скорѣе вредною, чѣмъ полезною (разумѣется, нѣтъ правила безъ исключенія); эта чиновничья, проникнутая большею частью крайнимъ карьеризмомъ дѣятельность болѣе всего содѣйствовала паденію гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній. По моему мнѣнію, если нужны посредники между попечителемъ и учебными заведеніями, посредники, каковыми въ настоящее время служатъ окружные инспектора, то таковыми должны быть университеты со своими профессорами, какъ это было при учрежденіи учебныхъ округовъ до 1835 г. Только отсюда можетъ даваться гимназіямъ тонъ не чиновничій, а научный и педагогическій, и только отсюда можетъ идти для гимназіи оцѣнка безпристрастная и стоящая на должной высотѣ. Во всякомъ случаѣ, при глухости у насъ педагогическаго дѣла, при отсутствіи педагогическихъ собраній, съѣздовъ и пр., необходимо, чтобы учитель дѣльный, но гонимый мнительнымъ или предубѣжденнымъ директоромъ, чиновникомъ—окружнымъ инспекторомъ, находилъ себѣ гдѣ-нибудь защиту, и единственною защитою могла бы быть оцѣнка его дѣятельности признаннымъ спеціалистомъ дѣла—профессоромъ университета. По крайней мѣрѣ это самое лучшее, самое вѣрное средство для правильной оцѣнки дѣятельности среднихъ учебныхъ заведеній, особенно тѣхъ, которыя готовятъ своихъ питомцевъ въ университетъ и, слѣдовательно, должны быть связаны съ университетомъ узами родства.

XLIV.

Пробывши самъ 22 года только учителемъ гимназіи, я привыкъ высоко цѣнить эту дѣятельность и поэтому старался дѣлать для учителей, что могъ. Я думаю, что можно мнѣ приписать нѣкоторую заслугу въ томъ, что немного есть среднихъ учебныхъ заведеній въ Прибалтійскомъ

Digitized by Google

краѣ, въ которыхъ или директоръ, или инспекторъ не былъ бы изъ преподавателей моей гимназіи, назначенныхъ во время моего ею управленія. Попробую здѣсь перечислить таковыхъ; прежде всего въ моей же гимназіи: инспекторъ *Н. И. Тихомировъ*, впослѣдствіи директоръ юрьевской учительской семинаріи, рижской городской гимназіи и, наконецъ, инспекторъ юрьевскаго университета; инспекторъ *Н. Ч. Заіончковскій*, впослѣдствіи окружной инспекторъ рижскаго учебнаго округа; инспекторъ *В. В. Рудневъ*; инспекторъ митавскаго реальнаго училища *Е. М. Доброзраковъ*, впослѣдствіи директоръ либавскаго реальнаго училища; инспекторъ юрьевской гимназіи *Н. Я. Кипріановичъ*; инспекторъ рижскаго реальнаго училища *М. И. Крыгинъ*; инспекторъ либавской гимназіи *К. Г. Смирягинъ*, впослѣдствіи директоръ той же гимназіи; инспекторъ перновской гимназіи *Н. П. Михайловъ*; инспекторъ юрьевскаго реальнаго училища *С. В. Кузнецовъ*; инспекторъ ревельской Николаевской гимназіи *А. В. Липеровскій*.

Поэтому рижскую Александровскую гимназію называли разсадникомъ инспекторовъ въ краѣ. Это, конечно, имѣло значительное вліяніе на характеръ обрусенія и на порядки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края, такъ какъ въ это время происходила реформа мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Если прибавить къ этому, что я своими отчетами о письменныхъ работахъ абитуріентовъ по русскому языку всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній края тоже имѣлъ, конечно, нѣкоторое вліяніе на ходъ преподаванія русскаго языка и словесности, то выйдетъ, что рижская Александровская гимназія сыграла за мое время не маленькую роль вообще въ жизни мѣстной средней школы.

Одинъ мой благопріятель изъ находящихся «наверху» всегда говорилъ, что рижской Александровской гимназіи везетъ счастье (извѣстно, что дуракамъ всегда счастье): возьмутъ у нея учителя, на мѣсто его поступаетъ учитель еще лучше. Это правда, что ко мнѣ охотно поступали хоро-

Digitized by Google

шіе учителя и, какъ они говорили, «считали себѣ даже за честь служить въ этой гимназіи»; но тутъ, кромѣ счастья, были и другія причины этого: въ учительской корпораціи сложился извѣстный твердый и опредѣленный характеръ: она была проникнута взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ; каждый новый членъ, входящій въ корпорацію, пользовался самою предупредительною готовностью помочь въ его недоразумѣніяхъ, въ его неопытности со стороны товарищей словомъ и дѣломъ, быстро усвоивалъ духъ этой корпораціи и дѣлался достойнымъ ея членомъ. Было нѣсколько случаевъ, что вышедшіе изъ этой корпораціи, перешедшіе на службу въ другія гимназіи, безъ поддержки глубоко опускались или же во всякомъ случаѣ не стояли на той моральной высотѣ, на какой они чувствовали себя и признавались другими, будучи въ рижской Александровской гимназіи. Въ этой корпораціи не было трусости и раболѣпства *ни передъ кѣмъ*. Я, съ своей стороны, въ случаѣ надобности, грызся за учителей изъ всѣхъ силъ; я зналъ, что я одинъ мало могу сдѣлать; мнѣ нужна масса сотрудниковъ, съ которыми я составлялъ, какъ бы одно цѣлое, и поэтому обиду учителю или нападеніе на него я считалъ обидой себѣ, нападеніемъ на меня. Спасибо, и преподаватели тоже нападеніе на меня считали оскорбленіемъ себѣ, такъ что у насъ была, дѣйствительно, довольно дружная семья, что не исключало, конечно, возможности вступить между собою иногда въ такой бой, что только перья летѣли; но этотъ бой всегда былъ не на личной почвѣ, а на почвѣ педагогическихъ вопросовъ, педагогическаго дѣла.

XLV.

Одна изъ самыхъ симпатичныхъ для меня сторонъ педагогической корпораціи ввѣренной мнѣ гимназіи заключалась въ томъ, что большинство преподавателей были причастны до нѣкоторой степени литературѣ. Въ нѣкоторые годы въ отчетахъ по ввѣренной мнѣ гимназіи я предста-

Digitized by Google

влялъ такой длинный списокъ печатныхъ трудовъ преподавателей, что впору хоть бы иному высшему учебному заведенію. Литературныя, въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, научно-педагогическаго характера, занятія въ извѣстной корпораціи сильно повышаютъ въ ней барометръ идеализма въ стремленіяхъ, такъ необходимаго особенно при воспитаніи юношества. Я, съ своей стороны, за время пребыванія директоромъ въ Александровской гимназіи, написалъ нѣсколько журнальныхъ статей и издалъ книжку: «Темы и планы сочиненій для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній». Изъ журнальныхъ статей особенное вниманіе педагоговъ обратила на себя статья: «О причинахъ обремененія и переутомленія учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», помѣщенная въ «Вѣстникѣ Воспитанія», издававшемся тогда докторомъ Е. А. Покровскимъ. Въ этой статьѣ я доказывалъ, что переутомленіе учащихся происходитъ, главнымъ образомъ, отъ безжизненности и неосмысленности преподаванія, отъ слишкомъ большой элементарности преподаванія въ старшихъ классахъ, слѣдовательно отъ отсутствія того освѣжающаго, бодрящаго начала, которое должно быть въ основѣ всякой плодотворной, здоровой дѣятельности человѣка; я доказывалъ, что произошло это въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, главнымъ образомъ, благодаря ихъ программамъ, которыя, во-первыхъ, оставались безъ всякаго движенія многіе годы, а потомъ вырабатывались не педагогическимъ опытомъ, а въ канцеляріяхъ, подъ вліяніемъ соображеній, никакого прямого отношенія къ педагогіи не имѣющимъ и противорѣчащимъ самымъ основнымъ педагогическимъ принципамъ, вслѣдствіе чего происходило не только переутомленіе учениковъ, но до нѣкоторой степени и нравственное ихъ изуродованіе.

Участвуя въ Высочайше утвержденной комиссіи министерства народнаго просвѣщенія по преобразованію средней школы въ 1900 году и бывъ назначенъ министромъ Н. П. Боголѣповымъ въ предсѣдатели подкомиссіи, имѣв-

Digitized by Google

шей предметомъ выработку для среднихъ учебныхъ заведеній программы по русскому языку и словесности, я, насколько могъ, проводилъ въ программѣ свои взгляды на преподаваніе русскаго языка и словесности. Къ сожалѣнію, въ послѣдовавшей обработкѣ при министерствѣ программа сильно пострадала какъ относительно ея матеріала, такъ особенно—расположенія матеріала.

XLVI.

Говоря объ учебной части въ гимназіи, я не могу пропустить молчаніемъ отношенія моего къ учебникамъ, одобреннымъ ученымъ комитетомъ, и къ утвержденнымъ программамъ, тѣмъ болѣе, что я былъ и составителемъ нѣкоторыхъ учебниковъ и участвовалъ, какъ выше сказано, въ выработкѣ программъ.

Относительно учебниковъ, должно сказать, что я, какъ преподаватель, никогда не былъ поклонникомъ никакихъ руководствъ, ни одобренныхъ, ни неодобренныхъ, и если самъ составлялъ ихъ, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы заставить себя поработать надъ уясненіемъ содержанія и системы своего предмета.

Но вообще я рѣдко заставлялъ учениковъ обращаться къ учебнику, а въ старшихъ классахъ, начиная съ VI, никогда. Какъ бы учебникъ ни былъ хорошо составленъ, многое въ немъ для учениковъ не будетъ понятно, по причинѣ необходимой его краткости, слѣдовательно многое ученикъ долженъ будетъ усвоивать безсознательно, а часто—просто зубрить. Уясненіе учителемъ такъ называемыхъ «непонятныхъ мѣстъ» въ учебникѣ ни къ чему не поведетъ, такъ какъ эти уясненія будутъ отрывочныя, не связанныя ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ: что пользы ученику въ уясненіи даннаго мѣста, когда ему и предыдущее, можетъ быть, не только не ясно, но онъ понимаетъ его, самъ того не замѣчая, совершенно превратно? Только связная, живая рѣчь учителя, обращенная прямо

Digitized by Google

къ ученикамъ, при чемъ учитель по лицамъ учениковъ слѣдитъ, насколько понятна его рѣчь, и отрывочными вопросами къ нимъ слѣдитъ за тѣмъ же, въ случаѣ необходимости повторить сказанное, только другими словами, прибѣгаетъ и къ писанію на доскѣ, и къ черниламъ,—только такая рѣчь можетъ довести *всѣхъ* учениковъ до болѣе или менѣе яснаго пониманія предмета рѣчи. Обыкновенно говорятъ, что учебникъ доженъ только напоминать ученикамъ или служить краткимъ конспектомъ тому, что объяснялъ преподаватель. Но на дѣлѣ бываетъ такъ: если есть учебникъ, то ученики худо слушаютъ преподавателя и мало заботятся о томъ, понимаютъ они или нѣтъ то, что говоритъ преподаватель, разсчитывая, что они подзубрятъ объ этомъ по книжкѣ, да обыкновенно и самъ преподаватель въ такомъ случаѣ худо заботится, чтобы говорить такъ, чтобы его дѣйствительно всѣ ученики поняли, и обыкновенно радъ звонку, прерывающему его объясненія, да и ученики этому рады, ибо есть же книга. Въ этомъ и замѣчается причина того, что ученики учатся, учатся и не выносятъ изъ преподаванія ничего живого, ничего освѣжающаго и бодрящаго умственныя силы, а часто тупѣютъ отъ кое-какого усвоенія худо понятаго и непереваренного громаднаго матеріала, который только подавляетъ ихъ духовныя силы и не образуетъ въ нихъ никакого стройнаго и связнаго міросозерцанія. По моему мнѣнію, если нуженъ учебникъ, то развѣ только къ экзамену, когда учениками дѣйствительно усвоенъ предметъ и когда учебникъ имъ долженъ быть достаточно понятенъ. И при томъ слѣдовало бы ученикамъ самимъ предоставить, особенно въ старшихъ классахъ, выбрать учебникъ, какой имъ больше нравится, какой имъ больше по силамъ; тутъ окажется большая разница между учениками: тогда какъ одни выберутъ самый элементарный учебникъ, другіе возьмутъ книги, довольно серьезныя; и пусть будетъ эта разница: она-то и дастъ намъ такихъ молодыхъ людей, которые уже въ гимназіи будутъ подготовлены къ научнымъ занятіямъ; такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ будетъ избѣгнута вредная для развитія духовныхъ силъ учениковъ общая ихъ нивеллировка.

Мы считаемъ также, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, занятый преимущественно разсмотрѣніемъ учебниковъ, предназначаемыхъ къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ, этою стороною своей дѣятельности болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для учебнаго дѣла: онъ, разсматривая тщательно учебники со всѣхъ сторонъ, одобряя или отвергая ихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ и требуя строго слѣдить, какъ бы въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи не завели для употребленія учебника неодобреннаго, слишкомъ много придаетъ значенія учебникамъ; онъ наводитъ педагоговъ на мысль, что все дѣло въ учебникѣ, что если худо у кого идетъ дѣло, то только потому, что худъ учебникъ; а это, въ свою очередь, побуждаетъ преподавателей безпрестанно мѣнять учебники: авось, наконецъ, найдется такой, съ которымъ у него дѣло пойдетъ хорошо; но нѣтъ, какъ на грѣхъ, онъ не находитъ такой учебникъ, и вотъ онъ самъ садится за составленіе таковаго, но видитъ, наконецъ, что и тутъ дѣло не лучше. Изъ этого видно, что пора центръ тяжести преподаванія перенести на «живое слово» учителя и пора ученому комитету перестать заниматься одобреніемъ учебниковъ, предоставивъ выборъ ихъ отчасти педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній, никакъ не менѣе компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ ученый комитетъ, отчасти преподавателямъ предмета и отчасти самимъ ученикамъ, которые не ошибутся въ выборѣ подходящаго для каждаго изъ нихъ учебника.

То же самое должно сказать и объ учебныхъ планахъ и программахъ преподаванія, составляемыхъ преимущественно ученымъ комитетомъ. Опять эти труды ученаго комитета наводятъ на мысль, что какъ будто все спасеніе педагогіи заключается въ томъ, чтобы именно по такому-то плану и по такой-то программѣ преподавать; что если такъ поступать, то и выйдетъ хорошо, а если иначе,

Digitized by Google

то выйдетъ худо. Само собой разумѣется, что въ общихъ чертахъ учебный планъ для однородныхъ правительственныхъ учебныхъ заведеній долженъ быть; но подробныя программы преподаванія, обыкновенно прилагаемыя къ учебному плану, скромно иногда называемыя «примѣрными», но отступать отъ которыхъ безъ разрѣшенія тѣхъ же центральныхъ учрежденій мин-ва нельзя, а также методы преподаванія, указываемыя въ объяснительныхъ запискахъ, слѣдовало бы предоставить самодѣятельности учителей, подъ руководствомъ ближайшаго начальства и педагогическихъ совѣтовъ. Что теперь творится съ этими офиціальными подробными программами и объяснительными записками? Учитель проходитъ то, что въ нихъ полагается, и проходитъ такъ, какъ полагается, а что изъ этого выходитъ: достигаетъ ли онъ этимъ какой-нибудь педагогической цѣли—просвѣщенія, развитія сознанія учениковъ, обогащенія ясными, систематическими знаніями, органически связанными съ другими знаніями учениковъ, укрѣпленіе ума, воли, эстетическаго развитія и т. под.— это не его дѣло. Программа исполнена, ученики могутъ отвѣтить на экзаменѣ на каждый вопросъ — значитъ и дѣло въ шляпѣ.

По нѣкоторымъ предметамъ такъ бываетъ, что пройти такимъ образомъ программу можно въ какое угодно время, хоть въ два мѣсяца вмѣсто цѣлаго учебнаго года. Поэтому, правду надобно сказать, учителя обыкновенно ждутъ не дождутся, когда окончатся уроки и наступятъ каникулы или экзамены, рѣдкій скажетъ, что онъ еще не успѣлъ закончить курса: въ какой угодно моментъ можно прекратить уроки, потому что уже давно программа исполнена, а если что и остается, такъ можно перенести въ слѣдующій классъ. Органическаго чего-нибудь, осмысленнаго въ курсѣ ничего нѣтъ. Я знаю, что мнѣ могутъ на это возразить, что это есть злоупотребленіе, за которымъ надобно присматривать. А я скажу, что это есть естественное слѣдствіе отсутствія самодѣятельности учителя

Digitized by Google

и неподвижности программъ. Говорятъ о томъ, что воспитаніе ученика и даже обученіе должно быть индивидуализировано, т. е. примѣнено къ свойствамъ и потребностямъ каждаго отдѣльнаго ученика. Но прежде всего должно быть индивидуализировано преподаваніе по отношенію ко свойствамъ, характеру, степени познаній самого преподавателя. Программа преподаванія должна измѣняться у преподавателя вмѣстѣ съ расширеніемъ его знаній, педагогической опытности. Методы преподаванія должны быть примѣнены къ личнымъ свойствамъ преподавателя, къ составу классовъ, къ способностямъ ихъ, національности (т.-е. природному языку) и т. под. Педагогическое дѣло должно жить и поэтому вѣчно измѣняться, безпрерывно двигаться впередъ, чтобы не заплѣсневеть. Обсуждаться подобныя программы и методы преподаванія должны самими же педагогами, связанными между собою пониманіемъ нуждъ мѣстности, пониманіемъ данныхъ обстоятельствъ. Только въ этомъ и есть спасеніе педагогическаго дѣла и спасеніе юношей отъ безтолковаго вѣчнаго раздраженія, а никакъ не въ трудахъ, хотя и весьма почтенныхъ, ученаго комитета надъ программами и методами преподаванія.

Педагогія не есть ремесло; для того, чтобы сшить сапоги или сдѣлать столъ, надобно только знать, какъ это обыкновенно дѣлается: сначала надобно то-то сдѣлать и такъ-то, потомъ то-то и т. д., по исполненіи всего этого, точномъ и аккуратномъ, и выйдетъ потребная намъ вещь, удовлетворяющая нашимъ нуждамъ. Педагогія есть искусство, а искусство есть плодъ вдохновенія. Мы не скажемъ конечно, что человѣкъ, занимающійся искусствомъ, «не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье». Ему также надобно учиться и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, но его познанія, пріобрѣтенныя какъ отъ другихъ, такъ и изъ своего опыта, должны содѣйствовать только къ обогащенію и расширенію его міросозерцанія, но не могутъ дать ему самого искусства, источникъ ко-

Digitized by Google

тораго долженъ уже заключаться въ его творческой натурѣ. Поэтому всякія стѣснительныя правила, имѣющія въ виду точнѣе регламентировать дѣятельность человѣка, занимающагося искусствомъ, убиваютъ это послѣднее въ самомъ его корнѣ, подобно тому, какъ ложно-классическія правила поэзіи убили въ свое время истинную поэзію, хотя и были извлечены изъ образцовъ поэтическихъ произведеній. Такое же убійство педагогическаго дѣла началось у насъ со времени введенія реформы гимназій 1871 г., министерство хотѣло опредѣлить и узаконить каждый шагъ преподавателя, во избѣжаніе, такъ сказать, «превратныхъ шаговъ», и кончилось тѣмъ, что пала школа, пало русское преподаваніе, что признано теперь и самимъ министерствомъ, а давно ли оно гордилось своей «министерской педагогіей»? «Министерская педагогія» это именно и есть собраніе рецептовъ для педагогическаго ремесла; это не та педагогія, которая основана на имѣющихъ отношеніе къ педагогіи наукахъ, какъ психологія, логика, исторія философіи, анатомія, физіологія, исторія педагогіи и пр., и которая, обогащая педагога познаніями, не предлагаетъ однако же никакихъ рецептовъ и точныхъ правилъ,—это педагогія приказывающая, командующая на основаніи канцелярскихъ данныхъ и канцелярскихъ соображеній, это смерть настоящей педагогіи.

XLVII.

Въ учебной дѣятельности моей въ рижской гимназіи самымъ труднымъ временемъ было для меня время экзаменовъ. Въ это время я обыкновенно сидѣлъ, не выходя, на всѣхъ письменныхъ и устныхъ испытаніяхъ зрѣлости. Въ свободные отъ этихъ испытаній дни сидѣлъ въ другихъ классахъ на испытаніяхъ. Въ это же время надо было просмотрѣть массу письменныхъ ученическихъ работъ. На письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости я самъ присутствовалъ отъ начала до конца по двумъ соображеніямъ: во-

Digitized by Google

первыхъ, чтобы предотвратить то списываніе работы, какое случилось въ Твери, и чтобы такимъ образомъ гимназія не осрамилась: и ученики привыкли у меня на испытаніи зрѣлости и не помышлять о списываніи; въ большей части гимназій ученики во время письменной работы выходятъ изъ зала почти всѣ, даже по нѣскольку разъ, какъ видно изъ протоколовъ этихъ испытаній (протоколы мнѣ доставлялись, какъ разсматривавшему письменныя русскія работы абитуріентовъ всего округа); у меня выходъ изъ зала ученика былъ рѣдкимъ исключеніемъ; большею же частью ни одинъ ученикъ не оставлялъ зала до подачи работы. Но была тутъ и другая цѣль моего присутствія на этихъ испытаніяхъ: мнѣ надобно было, чтобы мои абитуріенты входили на испытаніе въ надлежащемъ настроеніи, не подавляющемъ ихъ душевныя силы. Особенно это нужно было на первомъ письменномъ испытаніи зрѣлости—по русскому языку. Ученики обыкновенно являлись на это испытаніе, какъ на страшный судъ, блѣдные, нервные; нѣкоторые передъ экзаменомъ говорили, что всю ночь не спали. Надо было ихъ пріободрить. Поэтому я всегда за нѣсколько минутъ передъ входомъ ихъ въ залъ приходилъ къ нимъ, шутилъ съ ними, говорилъ, что тема не можетъ быть выше ихъ силъ, убѣждалъ ихъ, что если имъ сразу покажется тема мало имъ знакомой, чтобы они не унывали: пусть подумаютъ,—явится одна мысль, а за ней набѣжитъ и другая, а за ней и третья,—и довольно: развейте эти мысли и по возможности въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ къ вамъ набѣгали,—вотъ вамъ и сочиненіе, и можетъ быть хорошее сочиненіе. Такія темы, менѣе знакомыя, даже лучше хорошо знакомыхъ, потому что заставляютъ болѣе серьезно думать, а отъ этого и зависитъ достоинство сочиненія. Наконецъ, ровно въ десять часовъ, веселый и бодрый, я велъ ихъ въ актовый залъ. Правилъ объ испытаніяхъ я имъ не читалъ, потому что впередъ говорилъ имъ, что есть только одно правило: чтобы не плутовать. По воз-

Digitized by Google

можности старался не сдѣлать слишкомъ страшной и процедуру вскрытія напечатаннаго конверта. Когда тема была объявлена, я шепталъ преподавателямъ, которые при этомъ присутствовали, но шепталъ такъ, чтобы ученики слышали: «хорошая тема», хотя бы она была и очень плоха. Объ этомъ послѣднемъ можно будетъ послѣ сказать. Затѣмъ я объявлялъ, что тѣ ученики, которые желаютъ получить высшіе баллы: 4 и 5, должны приложить планъ сочиненія. Итакъ, у учениковъ уже въ перспективѣ 4 и 5, и они спокойно начинаютъ обдумывать сочиненіе. А я въ это время тоже не безъ дѣла: я самъ обдумываю, какъ надобно написать это сочиненіе, по какому плану; въ это время смотрю на учениковъ, а они мнѣ посматриваютъ отъ времени до времени въ глаза, и я замѣчалъ, что большинство какъ будто угадывали мою мысль и писали именно такъ, какъ я считалъ наилучшимъ, иногда до поразительности. Во всякомъ случаѣ своимъ настроеніемъ при обдумываніи темы я, безъ сомнѣнія, заставлялъ учениковъ думать и думать такъ же серьезно, а отчасти, можетъ быть, и въ томъ же самомъ направленіи, какъ и я думалъ. Безспорно то, что ученики на испытаніи зрѣлости всегда писали въ моей гимназіи въ общемъ нѣсколько лучше, чѣмъ они когда-нибудь писали, а нѣкоторые, и при томъ каждый годъ, просто-таки удивляли своими неожиданно прекрасными сочиненіями. Въ моей гимназіи никогда не было жалобъ рецензентовъ на то, что ученики, вслѣдствіе страха отъ экзаменовъ, нервнаго возбужденія, новой торжественной обстановки и т. под., написали плохо, а что обыкновенно они пишутъ хорошо; но часто у меня рецензентъ-преподаватель находилъ, что ученикъ лучше написалъ, чѣмъ писалъ въ году. То же самое я дѣлалъ и на другихъ письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости; я просилъ обыкновенно преподавателя предмета написать работу; потомъ вмѣстѣ мы обсуждали мѣста наиболѣе трудныя для пониманія. Мнѣ казалось, что во всякомъ случаѣ для учениковъ видѣть мыслящія лица пе-

Digitized by Google

дагоговъ было гораздо полезнѣе, чѣмъ видѣть глупыя лица только наблюдателей. Если я все-таки замѣчалъ въ какомъ-либо ученикѣ нѣсколько тяжелое настроеніе, я подходилъ къ нему, просматривалъ написанное и говорилъ: «ладно», послѣ чего ученикъ оправлялся и продолжалъ работу болѣе увѣренно. Вообще принципомъ моимъ педагогическимъ была строгость, но и благожелательность, которую ученики всегда должны чувствовать. На устныхъ испытаніяхъ я также замѣчалъ, что если ученику смотрѣть прямо въ глаза съ готовымъ въ моемъ умѣ отвѣтомъ на вопросъ, то ученикъ читаетъ у меня по глазамъ, какъ по книгѣ, разумѣется, въ томъ случаѣ, если онъ сколько-нибудь знаетъ о томъ, о чемъ я ему глазами говорю. Этотъ способъ подсказыванья я считалъ совершенно законнымъ. Мнѣ кажется, что вся педагогія, т. е. все воспитаніе и обученіе, и есть не что иное, какъ «внушеніе». Хотите отличить хорошаго учителя отъ плохого по виду, во время урока? хорошій учитель, по крайней мѣрѣ въ младшихъ и среднихъ классахъ, когда говоритъ съ ученикомъ или съ цѣлымъ классомъ постоянно смотритъ имъ въ глаза, какъ бы усиливаясь вызвать въ нихъ тѣ мысли и тѣ впечатлѣнія, какихъ онъ желаетъ добиться, и если и ученикъ или ученики тоже смотрятъ учителю прямо въ глаза, желая отвѣтить на его мысли, то большею частью и выходитъ желательный результатъ; недостиженіе же при этомъ результата оставляетъ въ томъ и другомъ великую досаду, какъ неудавшійся физическій опытъ у учителя физики. Плохой же учитель никогда не смотритъ ученикамъ въ глаза; отъ этого учителя мало чему научишься; воспитывать же онъ совсѣмъ не можетъ.

На устныхъ испытаніяхъ приходилось также защитить учениковъ отъ ревизоровъ. Извѣстно, что можно на экзаменѣ самыхъ хорошихъ учениковъ обратить въ никуда негодныхъ: стоитъ, напр., только такъ поступить: если ученикъ чего-нибудь не знаетъ, въ чемъ-нибудь ошибся, не подсказывать ему, не наводить на отвѣтъ, а молчать,

Digitized by Google

молчать всей многочисленной экзаменной комиссіей, потомъ, послѣ продолжительнаго молчанія, предложить дать ученику другой билетъ, такъ какъ онъ этого не знаетъ, и при отвѣтѣ на другой билетъ, какъ только ученикъ что забылъ, не направлять его, не наводить, а молчать и потомъ со вздохомъ грусти сказать: «довольно, слѣдующій!» тогда ужъ никто и изъ слѣдующихъ ничего не отвѣтитъ, хоть убей. Такія дѣла я уже не разъ видѣлъ на опытѣ, и потому на экзаменѣ, будучи предсѣдателемъ экзаменной комиссіи и во время присутствія окружнаго инспектора, старался по возможности не допускать этого, прямо предлагая преподавателю, особенно въ началѣ отвѣта ученика, не молчать, а наводить его на отвѣтъ, такъ какъ потомъ видно будетъ, насколько онъ знаетъ. Это всегда надобно имѣть въ виду, что хорошій или плохой экзаменъ есть въ значительной мѣрѣ плодъ настроенія экзаменующихся во время экзамена: иногда ученики отвѣчаютъ одинъ лучше другого, а иногда у того же преподавателя не добьешься толковыхъ отвѣтовъ да и только. Поэтому главною заботою экзаменаторовъ должно быть поддержать между учениками выгодное для нихъ настроеніе, потому что только при этомъ будетъ видна истинная успѣшность учениковъ. При томъ надобно не забывать, что теперешнее юное поколѣніе въ большинствѣ слишкомъ нервное.

XLVIII.

Въ продолженіе моей службы въ риж. Алекс. гим. бывали иногда ревизіи ея, не говоря о ревизіяхъ окружныхъ инспекторовъ,—ревизіяхъ, которыя большею частью, кромѣ суетливой безтолковщины и разныхъ вздоровъ, имѣющихъ личный характеръ, ничего не вносили. Довольно серьезными были ревизіи попечителя Н. А. Лавровскаго. Онъ былъ педагогъ и по своей научной спеціальности, какъ профессоръ, между прочимъ, педагогики и какъ бывшій директоръ Нѣжинскаго филологическаго института, гото-

Digitized by Google

вящаго педагоговъ, и большую часть своихъ сочиненій посвятившій вопросамъ педагогики; кромѣ того, онъ зналъ педагогію и на практикѣ, какъ завѣдывавшій гимназіей при Филологическомъ институтѣ, зналъ ее и какъ питомецъ главнаго педагогическаго института, въ который онъ поступилъ съ дѣтства, въ приготовительное отдѣленіе института, какъ это было заведено при первомъ его директорѣ Миддендорфѣ, и такимъ образомъ выросъ и возмужалъ въ педагогической атмосферѣ. По обычаямъ своего времени, онъ строго относился къ отвѣтамъ учениковъ. Когда ученикъ отпускалъ какой-нибудь вздоръ въ отвѣтъ, Н. А. выходилъ изъ себя; онъ говорилъ: «мой учитель за такой отвѣтъ пустилъ бы въ ученика чернильницей». Но времена перемѣнились: теперешній ученикъ довольно равнодушно вретъ, зная, что съ нимъ ничего не сдѣлаютъ, а если ему не велятъ врать, то онъ впадаетъ въ столбнякъ: молчитъ да и только; что съ нимъ сдѣлаешь? Тогда Н. А. начнетъ бывало увѣщевать ученика: «да какъ же такихъ вещей не знать? Вѣдь это эпоха, вѣдь это элементарныя вещи!» Онъ-то, Н. А., думаетъ, что ученикъ долженъ же наконецъ подобрать себя, подобрать свои распустившіеся нервы. Какъ бы не такъ! повѣсьте молъ, если можете, а впрочемъ, права не имѣете, и не побьете. Н. А. при этомъ выходилъ изъ себя, блѣднѣлъ. Каково было учителю-то это видѣть? Послѣ одного изъ такихъ посѣщеній класса у учителя перевернулась слѣпая кишка и едва вылѣчили его. Я на другой день, когда Н. А. опять къ намъ пришелъ, сказалъ ему объ этомъ и прибавилъ: «Ради Бога, поберегите слѣпую кишку учителей».—«Да развѣ отъ этого кишка перевернулась?»—«Отъ этого: никогда не перевертывалась». Послѣ этого Н. А. сталъ помягче: «слабое стало поколѣніе,—говорилъ онъ:—ничего не выноситъ», а я, когда приходилъ въ гимназію Н. А., говорилъ преподавателямъ: «господа, берегите слѣпую кишку!» Въ послѣдній разъ былъ у насъ въ гимназіи Н. А. въ 1899 г., незадолго до

Digitized by Google

своей смерти; былъ на экзаменѣ по греческому языку въ VI кл. Онъ былъ веселъ; когда вышелъ ученикъ, отличавшійся большой толстотой, Н. А. отъ души засмѣялся: «у, какой!» Я долженъ былъ попросить его не смѣяться, объяснивъ, что это болѣзненная толстота. «Теперь все отъ болѣзни, и толстота», сказалъ Н. А. На экзаменѣ переводили Гомера: «А скажите, какъ говоритъ вотъ о томъ-то Гомеръ, а вотъ объ этомъ, какъ онъ говоритъ? Нѣтъ, вы ничего не знаете», и началъ читать наизусть съ выраженіемъ, съ декламаціей тѣ мѣста изъ Гомера, о которыхъ онъ спрашивалъ; цѣлыя страницы лились изъ его устъ безъ запинки! «А, какъ это хорошо! Ну, слушайте, я еще вамъ прочту. А, какъ это хорошо!» Вздохнувши и получивъ самъ отъ своего чтенія, какъ видно, большое наслажденіе, онъ простился съ нами и простился навсегда. Нельзя однако же подумать, что онъ не цѣнилъ нашу гимназію,—нѣтъ, онъ считалъ ее образцовой, о чемъ нерѣдко и заявлялъ публично. Былъ онъ у меня однажды на урокѣ въ VIII кл.; я, по обычаю, весь урокъ самъ говорилъ, такъ какъ спрашивалъ рѣдко; говорилъ о Гоголѣ. Н. А., по окончаніи урока, сказалъ тутъ же въ класѣ: «прослушалъ урокъ съ большимъ удовольствіемъ», что слышать отъ такого опытнаго педагога мнѣ было крайне пріятно.

Во время управленія округомъ Н. А. Лавровскаго пріѣзжалъ въ Ригу для ревизіи учебныхъ заведеній министръ И. Д. Деляновъ. Н. А. Лавровскій сказалъ ему, что Алекс. гимназія образцовая и потому ее не стоитъ ревизовать. «Вотъ поэтому-то и надо ее навѣстить», сказалъ Иванъ Давыдовичъ, и послѣ посѣщенія рижскаго Политехникума прямо пришелъ въ мою гимназію. Узнавъ, какіе уроки въ данный моментъ, онъ пожелалъ быть на урокѣ русскаго языка въ VI кл. Въ классъ вошли, кромѣ министра, попечитель, членъ совѣта министра И. П. Хрущовъ, директоръ департамента Н. М. Аничковъ и я. Урокъ состоялъ въ разборѣ разсужденія Карамзина: «О

Digitized by Google

любви къ отечеству и народной гордости». Учитель дѣлаетъ вопросъ ученику; этотъ молчитъ; учитель самъ отвѣчаетъ; другой вопросъ, ученикъ тоже молчитъ; учитель отвѣчаетъ; третій вопросъ—то же самое. Наконецъ, министръ думаетъ, ужъ не нѣмой ли, и обращается къ учителю: «дайте же ему сказать что-нибудь»; а потомъ къ ученику: «ну, разскажите содержаніе разсужденія». Молчитъ; другого спросили — и этотъ молчитъ. Наконецъ, спросили еврея, довольно плохого ученика; этотъ вдругъ совершенно развязно началъ говорить и выручилъ немножко классъ и преподавателя, а преподаватель, надобно сказать, великолѣпный, и все дѣло въ томъ, что въ особенно экстренныхъ случаяхъ нерѣдко лучшіе преподаватели теряются, что отражается и на ученикахъ. Однако же, чтобы дѣло поправить съ «образцовой гимназіей», членъ совѣта И. П. Хрущовъ посѣтилъ также преподавателя въ другомъ классѣ, просмотрѣлъ письменныя работы учениковъ и тутъ же, въ гимназіи, по окончаніи ревизіи, доложилъ министру, что дѣло у означеннаго преподавателя идетъ прекрасно. На другихъ урокахъ, которые посѣтилъ министръ съ свитой, дѣло шло уже какъ слѣдуетъ, такъ какъ между учениками распространился слухъ, что министръ «добрый». Въ концѣ-концовъ министръ остался очень доволенъ. По окончаніи ревизіи онъ со всей свитой былъ у меня въ квартирѣ. По поводу этого посѣщенія тоже была исторія. Я наканунѣ спрашивалъ у своего начальства, могу ли я предложить министру завтракъ. Въ день уже посѣщенія пришелъ отвѣтъ: завтракъ не нуженъ, а только чай. Дѣлать нечего, пришлось все назадъ нести уже приготовленное. Но къ чаю жена поставила вино, на случай министръ пожелаетъ подлить въ чай, а также на всякій случай оставлены былы икра, сыръ и кондитерскій пирогъ. Во время чая министръ говоритъ женѣ: «я желаю выпить за ваше здоровье». Вотъ тебѣ и разъ! Пришлось вынимать рюмки изъ буфета, и потомъ министръ отлично покушалъ и икры

Digitized by Google

и пирога, изъ чего и слѣдовало заключить, что завтракъ-то настоящій не былъ бы лишній: нельзя ходить весь день изъ одной школы въ другую, все не ѣвши, даже и министру.

А потому, когда спустя долго послѣ этого посѣтилъ насъ министръ Н. П. Боголѣповъ, мы были умнѣе: жена приготовила завтракъ, а чтобы министръ не ушелъ изъ гимназіи не завтракавши, жена сама участвовала въ торжественной встрѣчѣ министра. Эта встрѣча была въ актовой залѣ, куда собрались всѣ ученики гимназіи и всѣ учителя. При входѣ министра громадный ученическій оркестръ и хоры исполнили «Коронаціонный маршъ», недавно разученный учениками для благотворительнаго вечера, а затѣмъ гимнъ. Послѣ концерта министръ держалъ рѣчь къ ученикамъ старшихъ классовъ, а затѣмъ, по приглашенію жены, былъ у насъ на завтракѣ, замѣтивъ, что онъ въ первый разъ видитъ, чтобы супруга директора принимала такое участіе въ дѣлахъ гимназіи. «Это очень хорошо», прибавилъ онъ. За завтракомъ я выразилъ между прочимъ ту мысль, что русская школа въ правѣ ожидать отъ Н. П. Боголѣпова очень многаго, такъ какъ онъ первый изъ русскихъ министровъ народнаго просвѣщенія самъ былъ преподавателемъ, въ качествѣ профессора университета. «Я былъ и учителемъ въ Москвѣ въ средней школѣ и помню васъ, какъ московскаго учителя», сказалъ министръ. Потомъ я узналъ, что онъ былъ учителемъ исторіи въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній Москвы. Я сказалъ, что это есть еще болѣе благопріятное условіе для свѣтлыхъ желаній нашей средней школы. Однако же нельзя было не замѣтить какого-то грустнаго настроенія министра; казалось, какъ будто онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ладно на своемъ посту, какъ будто онъ тяготился этимъ постомъ. Какая противоположность съ И. Д. Деляновымъ! Этотъ послѣдній за завтракомъ почти все время хохоталъ; онъ ѣздилъ по учебнымъ заведеніямъ съ большой свитой и съ большой помпой. Н. П. Боголѣповъ, напротивъ, пріѣхалъ въ рижскій

Digitized by Google

округъ, даже не предупредивъ никого, а только, прибывъ въ Ревель, послалъ телеграмму попечителю, чтобы сей послѣдній не безпокоился ѣхать къ нему навстрѣчу, и заключилъ: «до свиданія въ Ригѣ». Попечитель Н. Л. Лавровскій сначала даже обидѣлся, что министръ производитъ ревизію его округа безъ него; хотѣлъ послать, по крайней мѣрѣ, окружнаго инспектора, но потомъ ему показалось, что министръ, можетъ быть, хочетъ именно безъ посредниковъ производить ревизію. Однако же, когда министръ пріѣхалъ въ Ригу, скоро стало ясно, что онъ не любитъ свиты и путешествуетъ по учебнымъ заведеніямъ одинъ, потому что не желаетъ для себя стѣсненія. Въ учебныхъ заведеніяхъ онъ особенно любилъ посѣщать младшіе классы: въ нашей гимназіи онъ дольше всего пробылъ въ младшемъ приготовительномъ классѣ, куда пришелъ безъ всякихъ провожатыхъ; ученики не выпустили его въ продолженіе цѣлаго урока, прося его выслушать всѣ стихи, какіе они знаютъ наизусть; какъ только министръ вознамѣрится уходить отъ нихъ, кто-нибудь встаетъ и говоритъ: «А я еще знаю стихи». —«Ну, прочитай... ну, хорошо. Прощайте».—«А я еще знаю стихи».— «Ну, прочитай», и погладитъ его по головѣ. «Я еще знаю стихи».—«Ну, ужъ я хотѣлъ бы всѣхъ васъ послушать, да мнѣ некогда».—«Прощайте, приходите къ намъ еще». Въ одной женской школѣ онъ сказалъ маленькой дѣвочкѣ, что у него есть тоже маленькая дочка. «А есть у ней куклы?»—«Есть».—«Сколько»? —«Пять».—«Охъ, какъ много, а у меня только двѣ». При этомъ дѣвочка-нѣмка хотѣла сказать при обращеніи къ нему «ваше высокопревосходительство» и сказала какое-то невозможное слово. «Зовите меня просто: г. министръ», сказалъ Н. П., и тогда рѣчь о куклахъ пошла свободнѣе со всѣми дѣвочками. Очень милъ былъ министръ на обѣдѣ, данномъ ему попечителемъ Н. А. Лавровскимъ. За обѣдомъ онъ выразилъ, что нашелъ школы въ округѣ въ такомъ блестящемъ состояніи, какого онъ не ожидалъ: русское дѣло

Digitized by Google

такъ хорошо поставлено въ немъ, что дай Богъ, чтобы мѣстная школа далѣе развивалась въ томъ же направленіи и съ тѣмъ же успѣхомъ, при этомъ выразилъ пожеланіе, чтобы Н. А. Лавровскій еще долго послужилъ этой школѣ. «Годовъ-то мнѣ много», возразилъ Н. А. Лавровскій. «Ну, у Бога годовъ много», отвѣтилъ министръ. Но мнѣ всегда казалось, что министру стоитъ нѣкотораго напряженія нравственнаго, труда всякое болѣе или менѣе торжественное положеніе. Впослѣдствіи, когда я былъ въ извѣстной Боголѣповской комиссіи, собравшейся въ 1900 г. для обсужденія реформы среднихъ учебныхъ заведеній, повидимому, Н. П. Боголѣповъ чувствовалъ себя совсѣмъ въ своей роли, какъ предсѣдатель и руководитель этой многолюдной комиссіи, состоявшей болѣе чѣмъ изъ ста человѣкъ. Но на самомъ дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ. Позволю себѣ по поводу этого разсказать одинъ эпизодъ. Однажды, во время засѣданія комиссіи, мнѣ говорятъ, что одинъ господинъ желаетъ меня видѣть и ждетъ меня въ пріемной залѣ министерства. Я вышелъ и увидѣлъ высокаго, стараго господина. «Я Ливенъ, помните, мы съ вами па Пречистенскомъ бульварѣ сидѣли?» И удивительное дѣло, я помню такъ живо именно объ этомъ, какъ мы съ нимъ, ученикомъ VII класса 5-й московской гимназіи, 35 лѣтъ тому назадъ сидѣли на скамеечкѣ на Пречистенскомъ бульварѣ. «Помните, какъ вы говорили мнѣ: «вамъ надобно предсѣдательствовать въ какихъ-нибудь палатахъ», и вотъ, по окончаніи курса въ университетѣ, я все, по совѣту вашему, и предсѣдательствовалъ въ разныхъ палатахъ, а теперь оберъ-прокуроромъ 1-го департамента Сената». И это, какъ будто вчера было, помню, какъ я ему совѣтовалъ предсѣдательствовать: онъ такой былъ высокій, видный, спокойный. Сколько мнѣ помнится, онъ высказывалъ такую мысль, что онъ хочетъ посвятить себя педагогіи: въ то время было нѣсколько князей въ Москвѣ учителями. Не могу однако же сказать, чтобы они на этомъ поприщѣ сколько-нибудь отличались; скорѣе на-

Digitized by Google

противъ, и княжество ихъ тутъ ничего имъ не помогало. Я и сказалъ откровенно этому святлѣйшему князю Ливену, что въ учительствѣ конкурировать съ нами, плебеями, ему не будетъ выгодно, и титулъ его тутъ будетъ совсѣмъ ни къ чему въ глазахъ мальчишекъ, а въ качествѣ предсѣдателя чего-нибудь, въ каковые его будутъ охотно выбирать, и его титулъ, дѣйствительно, пригодится и послужитъ на пользу дѣлу; видъ его и характеръ тоже очень подходятъ къ этому. Теперь въ разговорѣ онъ мнѣ сказалъ, что онъ узналъ, что я въ этой комиссіи, отъ Н. П. Боголѣпова, который вчера за обѣдомъ назвалъ мою фамилію, какъ говорившаго рѣчь въ комиссіи. «Изъ разспросовъ о васъ я узналъ, что вы тотъ самый учитель мой, котораго я всегда помню». Затѣмъ я узналъ, что Н. П. Боголѣповъ женатъ на родной сестрѣ князя Ливена; поэтому князь и присутствовалъ за обѣдомъ у Н. П. Боголѣпова. При этомъ князь Ливенъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ говорилъ о свойствахъ и намѣреніяхъ Н. П. Боголѣпова и что надобно его поддержать въ его громадныхъ трудахъ; изъ его словъ выходило, что Н. П. Боголѣпову очень трудно, что онъ имѣетъ многихъ недоброжелателей. Я высказалъ, что, по крайней мѣрѣ, комиссія относится, повидимому, къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, и мнѣ кажется, едва ли кто изъ предшественниковъ Н. П-ча могъ бы руководить такою комиссіей: это возможно для него только потому, что съ офиціальнымъ авторитетомъ министра онъ соединяетъ еще авторитетъ ученаго и талантливаго профессора, такъ важный въ теперешнемъ его положеніи. При этомъ я высказалъ удивленіе, какъ внимательно онъ слѣдитъ за всѣми рѣчами ораторовъ, привлекая ко вниманію и всѣхъ, какъ умѣетъ остановить зарвавшихся въ сторону ораторовъ, и высказалъ, что онъ, вѣроятно, сильно устаетъ отъ этого. «А такъ сильно,—сказалъ князь,—что вчера, когда онъ пришелъ домой послѣ засѣданія комиссіи, съ нимъ сдѣлался обморокъ, напугавшій всѣхъ насъ». Можетъ быть,

Digitized by Google

эти мои строки освѣтятъ личность Н. П. Боголѣпова нѣсколько съ другой стороны, чѣмъ какъ обыкновенно привыкли его представлять, что это былъ сухой, бездушный человѣкъ. Во всякомъ случаѣ то, что мнѣ показалось при знакомствѣ съ нимъ въ Ригѣ—какое-то грустное выраженіе въ лицѣ—было какъ будто предчувствіемъ трагическаго конца его жизни.

XLIX.

Отношенія мои къ непосредственному моему начальству.

Нравственное состояніе или настроеніе духа служащаго, безспорно, много зависитъ отъ отношеній его личныхъ къ ближайшему его начальству. Учитель и вообще педагогъ, правда, наименѣе зависитъ въ этомъ отношеніи: относительно педагога много значитъ общественное мнѣніе,—это не канцелярскій чиновникъ, цѣнителемъ дѣятельности котораго является почти исключительно начальство. О педагогѣ есть самое правильное и самое безпристрастное мнѣніе—это мнѣніе самихъ учениковъ. Ученики же разносятъ славу о педагогѣ по семьямъ своимъ и, значитъ, по всему городу. Съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ нельзя не считаться начальству, и выжить изъ гимназіи любимаго учениками учителя не совсѣмъ-то легко, по крайней мѣрѣ не совсѣмъ удобно. Отъ этого учитель собственно можетъ быть почти совсѣмъ независимъ отъ начальства, съ которымъ онъ можетъ и не имѣть почти никакого дѣла: нѣкоторые матеріальные уколы, въ родѣ убавленія уроковъ, учитель довольно легко можетъ перенести, замѣнивъ уроки въ гимназіи частными уроками. Дѣятельность директора гимназіи въ этомъ отношеніи гораздо невыгоднѣе: онъ уже есть не только педагогъ, но и администраторъ, а въ качествѣ администратора онъ долженъ безпрестанно вступать въ письменныя и личныя сношенія съ начальствомъ; на каждомъ шагу тебѣ могутъ под-

Digitized by Google

ставить канцелярскіе крючки, которыми тебѣ могутъ совсѣмъ жизнь испортить. При этомъ надобно обратить вниманіе, что директоръ отвѣчаетъ предъ начальствомъ не только за себя и за свою дѣятельность, но и за всѣхъ и все въ гимназіи: что ни случись здѣсь неладнаго, за все директоръ можетъ получить замѣчаніе: предъ начальствомъ отвѣчаетъ за гимназію только директоръ, а этотъ послѣдній ужъ раздѣлывайся съ подчиненными, какъ знаетъ. Поэтому у директора вѣчно нервы напряжены: каждый пустякъ въ гимназіи волнуетъ его, потому что изъ него можно сдѣлать серьезное дѣло при желаніи. Если къ этому присоединится еще неблагосклонное отношеніе начальства къ директору, то надо ему бѣжать или уже совсѣмъ обратиться въ тряпку, которою можно мыкать какъ угодно.

Къ счастію моему, могу сказать, что въ продолженіе большей части моей директорской службы отношенія мои къ ближайшему начальству были удовлетворительны. Но были и такіе моменты, когда бѣжать надо было, чтобы не дождаться, когда выгонятъ, а выгнать было очень легко: по выслугѣ 25 лѣтъ, по истеченіи каждаго пятилѣтія можно было удалить меня со службы безъ объясенія причинъ. Я уже говорилъ, что первые годы моей директорской службы отношенія мои къ попечителю М. Н. Капустину были, можно сказать, идеальныя: я съ нимъ обо всемъ совѣтовался, и онъ посвящалъ меня во всѣ свои дѣла. Но появленіе на сценѣ окружнаго инспектора Краузе такъ испортило эти отношенія, что мнѣ ничего не оставалось, какъ бѣжать, тѣмъ болѣе что приближалось 30-лѣтіе службы, когда меня можно было сдунуть съ мѣста, какъ муху со стола. Но въ это время мои московскіе ученики уже стали подрастать и занимать значительное положеніе; я смотрѣлъ на таковыхъ своихъ учениковъ такъ, что теперь они должны меня выручить изъ бѣды: я на нихъ довольно поработалъ. Въ Москвѣ въ это время занималъ значительное положеніе по учебному

Digitized by Google

округу мой бывшій и особенно близкій мнѣ ученикъ— позволю назвать этого хорошаго человѣка—В. Д. Исаенковъ. Я и написалъ ему: «дайте мнѣ мѣсто въ московскомъ округѣ, здѣсь не могу больше». Осторожный, серьезный В. Д. не вдругъ мнѣ отвѣтилъ, но я былъ увѣренъ, что не мимо ушей его пройдутъ мои слова. Между тѣмъ скоро послѣ этого, во время пребыванія попечителя М. Н. Капустина за границей, была получена телеграмма, что М. Н. Капустинъ перемѣщается въ попечители Петербургскаго учебнаго округа, а на мѣсто его назначается въ Ригу попечителемъ ректоръ варшавскаго университета Н. А. Лавровскій. А затѣмъ скоро я получилъ и отъ В. Д. Исаенкова телеграмму въ такомъ родѣ: «по случаю открытія вакансіи директора въ тверской гимназіи тверское общество и учителя тверской гимназіи выражаютъ желаніе, чтобы вы заняли это мѣсто; попечитель согласенъ; отвѣтьте телеграммой только, да или нѣтъ». Я былъ обрадованъ и любезностью В. Д., и доброю памятью обо мнѣ тверяковъ; но для меня теперь возникалъ серьезный вопросъ: и здѣсь у меня будетъ новый попечитель, и тамъ новый попечитель: съ кѣмъ изъ нихъ я лучше ужился бы, Господь знаетъ; шансы, кажется, совершенно одинаковые; разсчитывать на поддержку В. Д. трудно, потому что сегодня онъ въ Москвѣ, а завтра Богъ знаетъ гдѣ будетъ попечителемъ. Теперь крайней необходимости перемѣщенія не было. Попечитель Лавровскій высказалъ желаніе, чтобы я остался на службѣ на слѣдующее пятилѣтіе, и я остался въ Ригѣ.

Съ Н. А. Лавровскимъ въ первое время, вѣроятно подъ вліяніемъ рекомендацій меня прежнимъ начальствомъ, отношенія были не совсѣмъ ладныя: Н. А. подозрѣвалъ во мнѣ наклонность къ превышенію власти. Приведу два примѣра крутыхъ объясненій съ нимъ по поводу этого. Совершенно неожиданно я получилъ бумагу объ освобожденіи отъ обязанностей помощника классныхъ наставниковъ учителя французскаго языка, того учителя, о которомъ я уже выше

Digitized by Google

говорилъ, какъ о рѣдкомъ педагогѣ. Это для меня было какъ ударъ грома, потому что въ дѣлѣ надзора за гимназіей и въ дѣлѣ воспитанія онъ былъ для меня, можетъ быть, самый большой помощникъ. Что это значитъ? Я пошелъ къ попечителю просить отмѣнить распоряженіе или, по крайней мѣрѣ, узнать, въ чемъ дѣло. Н. А. встрѣтилъ меня съ большимъ негодованіемъ. Я не выдержалъ и сказалъ: «помощники классныхъ наставниковъ назначаются и увольняются по закону самимъ директоромъ, а не попечителемъ». Но Н. А. былъ такъ кѣмъ-то настроенъ противъ этого почтеннаго педагога, что говорить съ нимъ не было никакой возможности, а тѣмъ болѣе онъ не желалъ отмѣнить свое распоряженіе; дальнѣйшія попытки къ отмѣнѣ ни къ чему тоже не повели, и въ чемъ дѣло, такъ я и до сихъ поръ не знаю; вѣроятно, дѣло въ излишней довѣрчивости къ какому-нибудь вредному человѣку. Другой случай. Въ гимназіи открылась вакансія учителя математики; я предложилъ подать прошеніе объ опредѣленіи на это мѣсто одному изъ бывшихъ моихъ московскихъ учениковъ, котораго я зналъ за человѣка очень способнаго. Тотъ подалъ прошеніе, и я представилъ его на утвержденіе попечителю. Когда я пришелъ къ попечителю узнать о результатѣ моего представленія, онъ дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе: «вы не въ свое дѣло мѣшаетесь: назначеніе учителей—это мое дѣло». Я и тутъ позволилъ себѣ замѣтить: «законъ возлагаетъ на обязанность директора пріисканіе учителей для своей гимназіи и только утверждаетъ учителя въ должности попечитель». Этими словами попечитель былъ, очевидно, пораженъ: такъ мало знаетъ у насъ даже высшее начальство свои права и обязанности. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ сказалъ, что въ данномъ случаѣ учитель математики будетъ ко мнѣ не вновь назначенъ, а перемѣщенъ изъ другой гимназіи; перемѣщеніями же распоряжается только управленіе округа. Скоро однако же, особенно послѣ разсказанной уже мною исторіи съ дуэлью, Н. А. сталъ

Digitized by Google

такъ хорошо относиться ко мнѣ, съ такимъ довѣріемъ и любезностью, что лучшихъ отношеній я и представить себѣ не могу, и такъ было до конца его жизни, а это былъ самый продолжительный періодъ моего пребыванія въ Ригѣ.

По смерти Н. А. Лавровскаго я рѣшилъ, что какъ только выслужу 40 лѣтъ, для чего мнѣ надо было прослужить менѣе двухъ лѣтъ, я выйду въ отставку, тѣмъ болѣе что это ужъ очень удобный терминъ для увольненія меня «за выслугой срока». Объ этомъ намѣреніи я высказалъ и новому попечителю, ссылаясь на то, что, при нѣкоторой расшатанности среднихъ учебныхъ заведеній послѣ начавшихся въ нихъ крайне неопредѣленныхъ реформъ, управленіе гимназіей стало труднѣе, а силъ у меня не прибавилось. Попечитель высказалъ надежду, что я буду продолжать службу и по выслугѣ 40 лѣтъ. Но, рѣшивъ выйти въ отставку, я долженъ былъ подумать: что же я буду дѣлать въ отставкѣ, какъ жить? Силы у меня замѣтно не упали; энергіи достаточно; могу работать много, не чувствуя усталости, и безъ дѣла никакъ не могу быть. Сначала я думалъ уѣхать за границу на годъ, чтобы понемножку привыкнуть къ бездѣлью, но за границей путешествовать хорошо лѣтомъ, а зимой (срокъ выслуги былъ въ ноябрѣ) что мы тамъ будемъ дѣлать съ женой? А потомъ опять куда? Думалъ, нельзя ли куда-нибудь поступить въ хранители чего-нибудь въ архивѣ, въ музеѣ. Но ничего не наклевывалось.

Когда я рѣшилъ оставить гимназію, умеръ въ Петербургѣ, въ отставкѣ, мой братъ старшій, бывшій первымъ директоромъ и устроителемъ сначала гельсингфорской Александровской гимназіи, а затѣмъ глуховскаго учительскаго института. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ по случаю похоронъ брата я зашелъ къ бывшему моему московскому ученику, начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, кн. Н. В. Шаховскому, и вопросъ о томъ, что я буду дѣлать по окончаніи моей 40-лѣтней педагогической службы, былъ здѣсь намѣченъ.

Digitized by Google

1-го февраля 1902 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ предстоявшей перемѣнѣ службы меня сильно ободряло то, что буду на ней имѣть дѣло съ литературой, которою, въ качествѣ преподавателя словесности, занимался все время своей службы, ободряло и то, что предшественниками моими по должности члена совѣта означеннаго управленія были такія лица, какъ знаменитый романистъ И. А. Гончаровъ, поэты Тютчевъ и Майковъ, а также то, что ближайшимъ моимъ руководителемъ въ новомъ дѣлѣ и, когда надо, заступникомъ будетъ одинъ изъ моихъ учениковъ, на которыхъ я привыкъ полагаться, и наконецъ то, что буду жить въ одномъ городѣ съ единственнымъ, еще здравствующимъ, моимъ братомъ, законоучителемъ морского кадетскаго корпуса.

А за нѣсколько дней предъ моимъ назначеніемъ въ члены совѣта, именно 12 января, состоялось распоряженіе объ оставленіи меня на дальнѣйшей службѣ въ должности директора рижской Александровской гимназіи еще на 5 лѣтъ.

L.

Прощаніе мое съ гимназіей.

По полученіи сообщенія о новомъ своемъ назначеніи я тотчасъ же передалъ управленіе гимназіей инспектору, но съ уроками, которые были у меня, не могъ разстаться до дня отъѣзда въ Петербургъ. Это указываетъ, что я все-таки былъ, по природѣ своей, болѣе учитель, чѣмъ администраторъ. Между тѣмъ въ продолженіе тѣхъ двухъ недѣль, которыя я употребилъ на сборы въ Петербургъ, визиты, продажу излишней мебели и т. п., сослуживцы мои устроили мнѣ поистинѣ трогательное прощаніе, котораго я, конечно, уже не забуду въ своей жизни. Между прочимъ былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ, кромѣ сослуживцевъ въ полномъ составѣ, присутствовали также

Digitized by Google

начальники, а отчасти и преподаватели другихъ среднихъ учебныхъ заведеній Риги и нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ. Обѣды такіе, конечно, явленіе обыкновенное, какъ проводы лицу, съ которымъ много вмѣстѣ поработали и жили одною жизнью. Но въ этомъ обѣдѣ было нѣчто и не совсѣмъ обыкновенное. Постороннія лица, присутствовавшія на обѣдѣ, были поражены ораторскими способностями педагоговъ, и я, скажу откровенно, ни на какихъ торжественныхъ обѣдахъ и общественныхъ собраніяхъ не слыхалъ такого высокаго подъема ораторскаго краснорѣчія, какъ на этомъ обѣдѣ. Глубоко меня тронуло то, что меня, стараго «словесника», учителя «элоквенціи и разныхъ хитростей піитическихъ», почтили на прощаніе одушевленнымъ, краснорѣчивымъ «словомъ».

Въ послѣдній день моего пребыванія въ Ригѣ въ гимназической церкви было отслужено молебствіе въ присутствіи всей гимназіи. Послѣ молебствія законоучитель благословилъ меня иконой Божіей Матери. Когда послѣ молебна я вошелъ въ актовую залу, она представляла картину умилительную. У моихъ учениковъ рижскихъ я всегда замѣчалъ способность образовывать красивыя группы, и на этотъ разъ при помощи подоконниковъ, столовъ, скамеекъ, на которые они стали по краямъ массами, они образовали удивительно красивую и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленную группу. Тутъ преподаватели поднесли мнѣ свою фотографическую группу; одинъ изъ учениковъ VIII кл. сказалъ, что въ память мою ученики собрали нѣкоторый капиталъ, проценты съ котораго будутъ идти на пособіе бѣднымъ ученикамъ. Ученики же того класса, въ которомъ я былъ классным наставникомъ, поднесли мнѣ изящный альбомъ съ своими карточками. Все полученное я храню, какъ драгоцѣнности; храню болѣе всего добрыя чувства близкихъ мнѣ людей въ сердцѣ моемъ.

Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Риги на вокзалѣ собралась вся гимназія. Были также начальники и преподаватели другихъ учебныхъ заведеній, знакомые и родители

Digitized by Google

учениковъ. Особенно было для меня трогательно то, что въ числѣ провожавшихъ были нѣкоторыя матери учениковъ. Изъ управленія учебнымъ округомъ меня проводилъ окружный инспекторъ В. Я. Поповъ, съ которымъ мы почти одновременно прибыли въ Ригу, пережили здѣсь всю учебную реформу края и до конца сохранили другъ къ другу неизмѣнно искреннія и благожелательныя отношенія. Когда раздался послѣдній звонокъ, ученики стройно пропѣли: «Многія лѣта», при чемъ всѣ сняли свои фуражки, и я въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на ихъ красивыя, милыя головки. Скоро всѣ скрылись отъ моихъ глазъ. Такъ и окончилась моя педагогическая дѣятельность.

LI.

Заключеніе.

Скажу въ заключеніе вообще объ отношеніи моемъ къ педагогической службѣ и дѣятельности. Я былъ собственно рожденъ для этой дѣятельности, унаслѣдовавъ наклонность и любовь къ ней отъ своей матери, обладавшей большими педагогическими и отчасти литературными способностями. Почти вся наша большая семья были педагоги. Поэтому, особенно какъ учитель, я чувствовалъ себя въ классѣ какъ рыба въ водѣ: это была моя стихія. Въ отношеніяхъ къ службѣ, офиціальныхъ, были иногда болѣе или менѣе мрачныя тѣни: по крайней мѣрѣ, почти все время моей службы былъ кто-нибудь въ управленіи округомъ, преслѣдовавшій меня съ непостижимымъ ожесточеніемъ, какъ будто самый фактъ моего существованія былъ для него тяжкимъ оскорбленіемъ, и я такъ привыкъ уже къ этому, что меня это не столько огорчало, сколько забавляло, что̀, разумѣется, не могло содѣйствовать къ потушенію злобы. Правду сказать, мнѣ иногда казалось, что я безъ этого и жить не могу, что мнѣ надобна «щука въ морѣ».

Въ отношеніи же къ ученикамъ у меня никогда не

Digitized by Google

было длинныхъ тѣней, и чѣмъ я долѣе занимался своимъ педагогическимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе плѣнялся восхитительными нравственными качествами тѣхъ дѣтей и юношей, которыхъ Богъ мнѣ далъ на воспитаніе и образованіе. Особенно это было въ послѣдніе годы моей службы. Боже мой, какая чистота душевная, какая нѣжность, какое послушаніе, какая готовность сдѣлать все, что они могутъ, что имъ по силамъ, какая предупредительность, чтобы сдѣлать тебѣ пріятное, какая забота о томъ, чтобы сохранить честь своего заведенія! Все, чего бы я ни пожелалъ имъ хорошаго въ нравственномъ отношеніи, они всегда превышали, и этихъ людей, по своей офиціальной обязанности, я долженъ былъ воспитывать, т.-е. долженъ былъ образовать изъ нихъ то, что соотвѣтствуетъ идеалу человѣка, какъ я понимаю этотъ идеалъ, потому что не могу же я вести къ тому идеалу, котораго въ моей душѣ нѣтъ, котораго я самъ не вижу! Въ этомъ и заключалась серьезная трудность моего положенія въ послѣдніе годы моей педагогической дѣятельности. Когда я былъ молодымъ педагогомъ, мнѣ казалось, что дѣтей и юношей гимназистовъ мнѣ, дѣйствительно, надо было довести въ нравственномъ отношеніи до себя, чтобы они такъ же сознательно понимали свой долгъ, свои обязанности и пр.; тогда я смотрѣлъ на учащихся именно какъ на tabula rasa, на которой я долженъ былъ начертать разныя прекрасныя вещи, какія только я могъ начертать, благодаря только что полученному мною высшему образованію и той выработкѣ нравственныхъ идеаловъ, какая обыкновенно сопровождаетъ время полученія высшаго образованія. И я съ жаромъ, конечно, старался начертать эти прекрасныя вещи. Позднѣе я замѣтилъ, что все прекраснѣйшее есть уже въ зародышѣ въ душахъ моихъ учениковъ; я пришелъ къ тому, что мое дѣло только дать возрасти этому прекрасному, содѣйствовать тому, чтобы это прекрасное не заглохло въ сердцахъ учениковъ; чтобы оно дало ростокъ и со временемъ принесло плодъ. Въ этотъ

Digitized by Google

періодъ я смотрѣлъ на душу своихъ питомцевъ уже не какъ на tabula rasa, но какъ на заключающее въ себѣ все высшее человѣческое, но только какъ бы въ зернѣ, въ возможности, и дѣло педагога привести это въ дѣйствительность. И вотъ я старался будить эти дремлющія нравственныя силы учениковъ, старался совершенствовать ту почву, на которой должны были возрастать эти силы, расцвѣтать и приносить плодъ. Затѣмъ насталъ для меня третій періодъ моей педагогической дѣятельности, послѣдній въ моей жизни: я увидѣлъ, что ученики мои по своимъ нравственнымъ свойствамъ, по чистотѣ душевной по своимъ стремленіямъ къ доброму, возвышенному, по любви къ людямъ, по своей незлопамятности, по разумѣнію нравственной правды куда выше насъ, ихъ учителей! Я увидѣлъ, что они представляютъ въ нравственномъ отношеніи въ высокой степени идеальное не въ возможности только, а въ дѣйствительности, и въ этомъ отношеніи послѣдующіе возрасты представляютъ не возвышеніе, а паденіе, т.-е. чѣмъ человѣкъ дѣлается зрѣлѣе, чѣмъ болѣе онъ окунается въ тину житейскихъ дрязгъ, тѣмъ болѣе утрачиваетъ нравственную чистоту, тѣмъ грубѣе онъ нравственно; поэтому Христосъ и сказалъ, обращаясь къ взрослымъ: «будите яко дѣти—и внидете въ царство небесное». Не даромъ такъ часто и безъ всякаго особеннаго идеализированія сравниваютъ дѣтей, а иногда и юношей, съ ангелами. Не отсутствіе только зла, а именно дышащая изъ всего существа ихъ доброта, какъ чистѣйшій ароматъ изъ цвѣтковъ, составляетъ отличительную черту сознательнаго дѣтскаго и юношескаго возрастовъ.

Съ такими мыслями и такимъ настроеніемъ я заключилъ свою педагогическую дѣятельность.

8 февраля 1903 г.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе отъ издателя 3

Вступленіе 5

I. Педагогическіе курсы въ Москвѣ (1861—1864).—Поступленіе на педагогическіе курсы.— Мои руководители.— Собранія у Ѳ. И. Буслаева.—Лекціи педагогики проф. Сораевича.—Уроки учителя русскаго языка во 2-й Московской гимназіи.—Должность воспитателя въ пансіонѣ 2-й Московской гимназіи.—Полученіе уроковъ во 2-й Военной гимназіи.—Моя самостоятельная подготовка къ преподаванію 7

II. 2-я Московская Военная гимназія (1862—1864). — Первые мои уроки въ ней и веденіе сочиненій. — Балъ въ этой гимназіи. — Полученіе уроковъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Испытаніе меня педагогическое 12

III. 1-я Московская гимназія (1864). — Уроки въ этой гимназіи и причина скораго ея оставленія 21

IV. Тверская гимназія (1865). — Пріѣздъ въ Тверь и поселеніе на квартирѣ. — Патріархальные порядки въ Тверской гимназіи.— Экзаменъ по русскому языку.— Полученіе извѣстія о перемѣщеніи меня въ 5-ю Московскую гимназію 24

V. 5-я Московская гимназія (1865—1883). — Мое довольство этимъ мѣстомъ.—Сношенія мои съ московскими художниками.—Театръ московскій 28

VI. Полученіе опять уроковъ во 2-й Военной гимназіи.—Совѣтъ въ этой гимназіи о преподаваніи русской словесности 3 . . . . . .

VII. Московская 5-я гимназіи до реформы гимназій (1871). — Мои уроки въ первое время. — Отсутствіе офиціальныхъ программъ преподаванія и моя программа преподаванія словесности—историческая. — Учительскіе съѣзды въ Москвѣ. — Собраніе московскихъ учителей русскаго языка въ 1869 г. и моя „Теорія словесности“ 37

Digitized by Google

Стр.

VIII. Веденіе сочиненій ученическихъ. — Отношеніе мое къ этимъ сочиненіямъ въ первое время и поправка сочиненій учениковъ учениками же 44
IX. Отношенія мои къ начальству въ это время: попечителю Левшину, помощнику попечителя, къ директорамъ гимназій 45
X. Отношенія къ товарищамъ: А. И. Кирпичниковъ, К. И. Женсифовъ, В. П. Басовъ и др. 51
XI. Отношенія къ ученикамъ: Близость моя къ ученикамъ.—Вообще ученики этого времени и наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: В. Д. Исаенковъ, Н. И. Карѣевъ, Влад. С. Соловьевъ 54
XII. Введеніе реформы гимназій въ 1871 г.—Положеніе преподавателя русской словесности при этой реформѣ.—Разгромы гимназій: 2-й Московской, 5-й Московской гимназіи, 3-й, 4-й, провинціальныхъ гимназій; образовавшееся вслѣдствіе этихъ реформъ настроеніе въ гимназіяхъ 58
XIII. Характеристика кн. Н. Мещерскаго.—Вообще особенное удушье въ послѣднее время въ Московскомъ учебномъ округѣ и причины его 67
XIV. Моя педагогическая дѣятельность въ Москвѣ послѣ реформы гимназій (1871—1883). — Мои уроки словесности—обращеніе главнаго вниманія на содержаніе литературныхъ произведеній . 72
XV. Веденіе сочиненій: темы. — Посѣщеніе моихъ уроковъ А. И. Георгіевскимъ. — Моя книжка: „Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій“. — Собранія учителей русскаго языка и словесности у профессора Тихонравова для обсужденія, сколько должно быть задаваемо письменныхъ работъ по русскому языку.—Отвлеченныя темы.—Любовь учениковъ къ литературѣ.—Отношеніе учениковъ къ ихъ собственнымъ сочиненіямъ 76
XVI. Ученическія сочиненія, какъ орудіе воспитанія нравственнаго и политическаго 84
XVII. Плоды слишкомъ ранняго увлеченія литературой.—Мироновъ. 89
XVIII. О нѣкоторыхъ ученикахъ этой гимназіи послѣ Толстовской реформы, А. Смирновъ, Самарины, А. Пушкинъ 92
XIX. Преподаваніе древняго церковно-славянскаго языка и моя „Этимологія др. ц.-сл. и рус. языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго“ 96
XX. Уроки мои въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ и въ классической женской гимназіи г-жи Фишеръ.—Частные уроки . . . 98
XXI. Моя тяжелая болѣзнь во время службы въ Москвѣ.—Д-ръ Е. А. Покровскій, д-ръ С. С. Корсаковъ, д-ръ Новацкій 103
XXII. Поѣздка моя на Рижское взморье 105
XXIII. Назначеніе меня на должность инспектора въ Тверскую гимназію 109

Digitized by Google

Стр.

XXIV. Тверская гимназія, реформированная по уставу 1871 года (1883—1886).—Пріѣздъ въ Тверь.—Квартира.—Директоръ гимназіи.—Предшественники его.—Учительскій составъ 112

XXV. Ученики Тверской гимназіи.—Зданіе гимназіи.—Ученическая библіотека.—Поведеніе учениковъ въ теченіе года 116

XXVI. Время экзаменовъ и безпорядки: списываніе работы письменной на испытаніи зрѣлости. — Взрывъ порохомъ квартиры учителя.—Битье стеколъ въ квартирѣ другого учителя 120

XXVII. Распространеніе преступныхъ листковъ.—Экзаменное сочиненіе перваго ученика VII класса.—Воззванія къ ученикамъ въ городѣ.—Наказаніе учениковъ.—Проѣздъ окружнаго инспектора. . 126

XXVIII. Второй годъ моего пребыванія въ Твери.—Открытіе питейнаго заведенія учителемъ-классикомъ. — Уроки во время экзаменовъ 130

XXIX. Третій годъ моего пребыванія въ Твери. — Умиротвореніе гимназіи.—Знакомство мое на Рижскомъ взморьѣ съ М. Н. Капустинымъ.—Представленіе мною министру записки о необходимыхъ реформахъ въ педагогическомъ дѣлѣ.—Лѣтомъ 1885 года въ Ревелѣ у М. Н. Капустина.—Знакомство съ губернаторомъ ревельскимъ, кн. С. В. Шаховскимъ. — Предложеніе мѣста директора въ Рижской Александровской гимназіи.—Отъѣздъ мой изъ Твери въ Ригу 134

XXX. Рижская Александровская гимназія (1886—1902). — Основаніе этой гимназіи.—Привлеченіе въ нее достойныхъ учителей.—Нѣкоторая ея приниженность среди другихъ гимназій края . . 140

XXXI. Личный составъ Рижской Александровской гимназіи и высшее ея правленіе.—Пріѣздъ въ Ригу попечителя М. Н. Капустина. — Личный педагогическій составъ Рижской Александровской гимназіи 143

XXXII. М. Н. Капустинъ.—Отношеніе его къ учебному и воспитательному дѣлу въ гимназіи. — Служебная дѣятельность М. Н.—Его попечительство въ Ригѣ.—Причины перемѣщенія управленія округомъ изъ Дерпта въ Ригу.—Ораторскія способности М. Н. и его идеалы.—Простой его образъ жизни и требованіе того же отъ подчиненныхъ 148

XXXIII. И. д. окружнаго инспектора В. М. Краузе. — Первое мое знакомство съ нимъ въ гимназіи. — Дальнѣйшія его посѣщенія гимназіи 159

XXXIV. Ученики Рижской Александровской гимназіи.—Характеристики ихъ по національностямъ 165

XXXV. Воспитательное дѣло въ Рижской Александровской гимназіи.—Религіозное воспитаніе учениковъ.—Православное духовен-

Digitized by Google

Стр.

ство въ Прибалтійскомъ краѣ.—Посѣщеніе учениками Александро-Невской церкви 168
XXXVI. Устройство церкви православной при гимназіи и неудачныя попытки устроить пансіонъ 172
XXXVII. Иновѣрцы ученики въ религіозномъ отношеніи. — Общая молитва всѣхъ учениковъ гимназіи и отмѣна общей молитвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращеніе общихъ ежедневныхъ собраній гимназіи.—Отношеніе ко мнѣ лютеранъ и католиковъ и мое отношеніе къ иновѣрцамъ 178
XXXVIII. Нравственное руководство учениками. — Слѣдствія прекращенія ежедневныхъ общихъ собраній гимназіи.—Общія собранія гимназіи по окончаніи четверти года.— Одна изъ таковыхъ моихъ рѣчей.—Необходимость частыхъ обращеній директора ко всѣмъ ученикамъ 184
XXXIX. Оказываніе ученикамъ довѣрія, какъ средство нравственнаго воспитанія.—Довѣріе къ ихъ словамъ.—Довѣріе къ дѣламъ: предоставленіе имъ большой самостоятельности въ дѣлахъ.— Защита ученикамъ со стороны гимназіи въ случаѣ нападенія на нихъ 193
XL. Эстетическое образованіе.—Ученическіе литературно-музыкальные вечера.—Постановка „Ревизора“ Гоголя.—Постановка драмы „Смерть Іоанна Грознаго“ гр. А. Толстого.—Перенесеніе ученическихъ вечеровъ изъ гимназіи въ русскій театръ. „Женитьба“ Гоголя. „Царь Ѳедоръ“ гр. А. Толстого. „Король Лиръ“ Шекспира 195
XLI. Значеніе ученическихъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ.— Занятія учениковъ разными искусствами: пѣніемъ, музыкой, рисованіемъ, танцами.— Катокъ гимназическій.—Высказываніе довѣрія ученикамъ, какъ основной принципъ педагогической дѣятельности 200
XLII. Учебное дѣло въ Рижской Александровской гимназіи. — Воздѣйствіе на учителей.— Письменныя работы учениковъ.— Попечительный совѣтъ, на которомъ читались отчеты о письменныхъ работахъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. — Благодарность гимназіи за успѣшное преподаваніе 205
XLIII. Польза общихъ отчетовъ по округу о письменныхъ работахъ учениковъ.—Кому слѣдуетъ разсматривать эти работы 210
XLIV. Рижская Александровская гимназія, какъ разсадникъ по округу инспекторовъ и директоровъ, и вліяніе ея на другія среднія учебныя заведенія округа.—Причина этого 212
XLV. Литературная дѣятельность служащихъ въ гимназіи. — Мои печатные труды и участіе въ комиссіи Мин. Нар. Пр. 1900 г. по реформѣ средней школы 214

Digitized by Google

Стр.

XLVI. Объ учебникахъ и программахъ 216

XLVII. Время экзаменовъ въ гимназіи: письменныя испытанія зрѣлости; устныя испытанія 221

XLVIII. Ревизіи гимназіи. — Н. А. Лавровскій. И. Д. Деляновъ. Н. П. Боголѣповъ 225

XLIX. Отношенія мои къ непосредственному моему начальству . . 233

L. Прощаніе мое съ гимназіей 238

LI. Заключеніе.—Вообще отношеніе мое къ педагогической службѣ и дѣятельности 240

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
63	15	сн.	protege	protégé
70	16	„	откровенно,	откровенно:
79	12	„	воспитаніи	воспоминаніи
91	18	„	Молчаніе;	Молчаніе.
125	4	св.	А	А.
—	15	сн.	по-позднѣе	попозднѣе
127	10	„	что, я,	что я,
137	12	„	вотъ	вотъ,
147	6	св.	самыхъ,	самыхъ
—	8	„	на-нѣмецкій	на нѣмецкій
150	15	сн.	внушилъ	внушалъ
151	5	св.	равно и какъ	равно какъ и
152	13	„	старинныя	старинные
177	18	сн.	самыхъ	самихъ
181	11	„	массу	массу,
189	9	св.	операцію	операцію—
190	18	„	дѣйствительно	дѣйствительно,
195	15	сн.	потолкнулъ	толкнулъ
198	1	св.	Боже,	Боже
200	15	„	не подготовленность	неподготовленность
206	10	сн.	моей	моего
207	18	„	попечительный	попечительскій
210	9	„	разсматриваетъ	разсматривается
214	14	„	составлялъ,	составлялъ
215	8	„	не имѣющимъ	не имѣющихъ
—	—		противорѣчащимъ	противорѣчащихъ
217	18	„	замѣчается	заключается
219	18	„	укрѣпленіе	укрѣпленія
—	9	„	экзамены,	экзамены;
222	8	„	и можетъ быть	и, можетъ быть,
224	17	„	классомъ	классомъ,
225	2	„	педагогики	педагогики,
227	15	„	класѣ	классѣ
228	5	„	былы	были
234	9	св.	знаетъ	знаешь.

Digitized by Google

ТОГО ЖЕ АВТОРА

(Изданія книжнаго магазина Думнова въ Москвѣ—фирмы наслѣдниковъ бр. Салаевыхъ):

Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ. Изд. одиннадцатое, вновь пересмотрѣнное. Цѣна 65 коп.

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Изд. пятое. Цѣна 1 руб.

Темы и планы для сочиненій учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 75 коп.

LBJL'14

Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣна 1 руб.

типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° МОСКВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Nov 11
31
OCT 15 1911
~~R 64H~~
~~42292~~

Digitized by Google

Digitized by Google